

**Российская академия наук
Сибирское отделение
Институт истории**

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
Научно-образовательный центр «Историческое сибиреведение»**

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СИБИРИ в XX веке

Выпуск 4

Сборник научных статей

**Новосибирск
2013**

УДК 94(571) «XX»
ББК 73(253) 6–3
В 57

*Сборник статей утвержден к печати
Ученым советом Института истории СО РАН*

*Издание осуществлено в рамках бюджетного проекта X.104.2
«Политическая повседневность Сибири в XX веке»*

Научный редактор — д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*
Ответственный секретарь — канд. ист. наук *А.И. Савин*

Рецензенты:

д-р ист. наук *В.А. Ильиных*

д-р ист. наук *В.А. Исупов*

канд. ист. наук, доцент *Н.Б. Симонова*

Власть и общество в Сибири в XX веке. Выпуск 4.

В 57 Сборник научных статей / Научный редактор
В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2013. 287 с.
ISBN 978-5-98901-128-5

В статьях четвертого выпуска сборника рассматриваются партизанское движение в Сибири во время гражданской войны, поражение вооруженных сил адмирала А.В. Колчака, влияние финансового кризиса 1918–1920 гг. на положение сибиряков, адаптация различных категорий населения Сибири к советскому политическому режиму, протестное движение шахтеров Кузбасса в условиях радикальных рыночных реформ. Статьи написаны с использованием различных теоретико-методологических подходов, в том числе исторической антропологии, методов и инструментария «новой политической истории» и истории повседневности.

ISBN 978-5-98901-128-5

© Институт истории СО РАН, 2013
© Новосибирский национальный
исследовательский государственный
университет, 2013

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ КРАСНОЯРСКА ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Первая русская революция втянула в свой водоворот все слои российского общества. Непосредственными участниками революционных событий стали и воспитанники разного рода учебных заведений. Системный кризис в России способствовал тому, что участие учеников в общественно-политическом движении страны стало закономерным и неизбежным.

Общественно-политическая активность учащихся в годы Первой русской революции нашла отражение в отечественной историографии. Ей был посвящен ряд публикаций¹. Особый интерес представляет исследование С.И. Беленцова о школьных беспорядках в крупных городах России. По мнению автора, в революционное время в наибольшей степени обнажились все упущения в работе с подрастающим поколением. Он считал, что для общественного движения школьников была характерна асоциальность поведения. С.И. Беленцов пришел к выводу о том, что «учащиеся, сами того не желая, оказались втянутыми в политические интриги и дразни различных группировок и партий»².

В новейшей отечественной историографии появился ряд пуб-

¹ Шамахов Ф.Ф. Ученические волнения в средних учебных заведениях в годы первой русской революции // 50 лет первой русской революции. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1958. С. 149–161; Ушаков А.В. Демократическая интеллигенция периода трех революций в России. М.: Мысль, 1976. 159 с.; Ушаков А.В., Образцова О.Л. Учащиеся средних учебных заведений России в общественно-политическом движении на рубеже XIX–XX вв. М., 1999. 144 с.; Ядринцев В.П. Рабочее движение и учащиеся средних учебных заведений юга России накануне первой русской революции. 1900–1904 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983. 19 с.; и др.

² Беленцов С.И. Школьные беспорядки в годы Первой русской революции // Nsportal.ru: Социальная сеть работников образования [Электронный ресурс]. <http://nsportal.ru/vuz/pedagogicheskie-nauki/library/belencov-si-shkolnye-besporядki-v-gody-pervoy-russkoj-revoljucii#ftnt1> (дата обращения 17.09.2013 г.).

ликаций, посвященных региональным особенностям общественно-политической активности учащихся на рубеже XIX–XX вв.³ Авторы обратили внимание на участие воспитанников учебных заведений в общественно-политическом движении также в период Первой русской революции и даже сформулировали представляющие научный интерес выводы об их поведении. Так, Н.В. Мальшева, проанализировав молодежное движение в Среднем Поволжье, высказала мнение, что в 1905–1907 гг. во взглядах и действиях молодежи произошли значительные изменения, а для ученических организаций были характерны тщательная подготовка, организованность и сплоченность⁴. Л.Н. Метелкина рассмотрела ученические организации Восточной Сибири в начале XX в. и пришла к выводу, что во всем общественном движении учащихся ученические организации с политической направленностью составляли незначительный удельный вес⁵. По мнению О.В. Ищенко, учащаяся молодежь Сибири в первую очередь выступала против массы запретов и ограничений, существовавших в академической жизни, но

³ Метелкина Л.Н. Общественно-политическое движение учащейся молодежи Восточной Сибири и влияние на него партий демократического направления (1902 — февраль 1917 года). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1993. 22 с.; Мальшева Н.В. Общественно-политическое движение и учащейся молодежи провинциальной России в конце XIX — начале XX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 1999. 26 с.; Она же. Молодежное движение в провинциальной России в конце XIX — начале XX вв. (по материалам Среднего Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 805–809; Павленко Т.А. Протестное движение православных семинарий в период Первой русской революции: 1905–1907 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2009; Ищенко О.В. Учащиеся молодежь Сибири в период Первой русской революции 1905–1907 годов: характер протестных движений // Вестник Челябинского университета. 2008. Вып. 27. № 34(135). С. 148–160; Она же. Студенческая и учащаяся молодежь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX — начало XX в.). Омск, 2010. 499 с.; Она же. Студенческая и учащаяся молодежь в общественном движении и культурной жизни Сибири (конец XIX — начало XX в.). Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Омск, 2011. 43 с.; и др.

⁴ Мальшева Н.В. Молодежное движение... С. 808.

⁵ Метелкина Л.Н. Общественно-политическое движение... С. 22.

условия революции с неизбежностью привели к политизации требований учащихся. Академические и политические формы протеста в молодежной среде оказались тесно связаны между собой, поэтому в 1905–1907 гг. академические выступления учащихся почти всегда носили политическую окраску⁶.

В 1897 г. в Красноярске насчитывалось 27 учебных заведений, в которых обучалось 2090 учащихся⁷. За следующее десятилетие в городе появилось несколько общеобразовательных и специальных школ и более чем в два раза увеличилось количество учащихся. К 1906 г. в Красноярске имелось уже 38 учебных заведений, в которых числилось 4224 учащихся⁸. В рассматриваемое время в Красноярске функционировали различные типы учебных заведений: мужская и женская гимназии, духовная и учительская семинарии, епархиальное, землемерное, ремесленное и железнодорожное училища, рисовальная, фельдшерская, еврейская и магометанская школы и т.д. Несмотря на положительную динамику в количественном росте школ и учащихся, в городе ощущалась нехватка учебных заведений, далеко не все дети школьного возраста были охвачены образовательным процессом.

В условиях постепенного размывания сословий в России состав воспитанников учебных заведений неуклонно демократизировался. По социальному составу большая часть учащихся относилась к непривилегированным сословиям. Даже в гимназиях, которые ранее являлись прерогативой дворян, чиновников, купцов и почетных граждан, происходил рост удельного веса разночинцев. В начальных и средних специальных училищах, где почти отсутствовали сословные ограничения, в основном учились дети мещан и крестьян⁹. В городском училище — с более обширной программой обучения, чем в начальных школах, — получали образование представители разных сословий и возрастов. В одном классе могли одновременно обучаться десятилетние дети и юноши, достигшие 16–17 лет. Низкая плата за обучение (от 2 до 18 руб. в год) в го-

⁶ *Ищенко О.В.* Учащаяся молодежь Сибири... С. 148, 158.

⁷ Статистический обзор Енисейской губернии за 1897 г. Красноярск, 1898. Приложение № 8.

⁸ Памятная книжка Енисейской губернии на 1907 г. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1907. С. 73.

⁹ *Ищенко О.В.* Студенческая и учащаяся молодежь... С. 22.

родском училище была доступна для тех, кто не имел средств для обучения в гимназии. Более высокая плата за обучение (от 40 до 50 руб. в год) в гимназиях давала возможность поступить туда детям из обеспеченных семей. В то же время существование благотворительных и казенных стипендий открывало двери в гимназии для представителей непривилегированных и малоимущих слоев населения¹⁰. В 1900 г. в Красноярской мужской гимназии дети дворян и чиновников составляли 47,5%, на долю детей мещан и крестьян приходилось 41,7%. Количество учащихся гимназий увеличивалось в основном за счет городских сословий¹¹. Представительницы мещанского сословия составляли почти половину учениц фельдшерской школы. Например, в начале XX в. среди учениц четвертого класса 47,9 % были детьми мещан, 19,0 % — крестьян, 11,6 % — чиновников и лиц духовного звания, 5,8 % — купцов и почетных граждан, 3,3 % — военных. Отсутствие национального ценза в фельдшерской школе обусловило высокий удельный вес учащихся еврейской национальности. В 1900 г. ученицы иудейского вероисповедания составляли 31,0 %, в последующие годы на их долю приходилось до 33,0 % и даже выше¹².

Несмотря на то, что в Российской империи получили развитие различные виды образования, система преподавания в большинстве типов учебных заведений не соответствовала требованиям времени и вызывала много нареканий со стороны различных кругов общества. Школьная программа не удовлетворяла умственные запросы школьников. Устарелость учебных программ, схоластические методы преподавания, формализм в оценке знаний учащихся в сочетании с реакционным воспитательным режимом и недоступность университетского образования для многих выпускников вызвали резко отрицательное отношение к казенной школе¹³.

В конце XIX — начале XX в. распространенной формой протеста воспитанников учебных заведений против существовавшей системы образования являлось создание и деятельность молодеж-

¹⁰ *Ким Е.В.* Система образования в Енисейской губернии конца XIX — начала XX в. Дисс. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2001. С. 158.

¹¹ *Шилов А.И.* Средняя школа Восточной Сибири конца XIX — начала XX века. Дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 1996. С. 69.

¹² ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 465. Л. 1.

¹³ *Мальшева Н.В.* Молодежное движение... С. 806.

ных организаций. Инициаторами их формирования и руководителями, как правило, являлись старшеклассники, студенты и политически неблагонадежные лица, члены народнических и марксистских групп.

Основной формой ученического движения в российских городах стали кружки учащихся. В Томске, Омске, Иркутске, Красноярске, Чите и других городах Сибири появились самодеятельные кружки самообразования, состоявшие из старшеклассников. Официально основной целью кружков провозглашалось «саморазвитие»; они не затрагивали политических вопросов. Как правило, в них учащиеся общались, занимались самообразованием, читали и обсуждали литературу, не предусмотренную рамками школьной программы.

В начале XX в. в Красноярске наиболее известными были две ученические организации академического характера. Сначала в 1903 г. образовался «Луч», в следующем году появилось местное отделение всероссийской организации «Светоч». Эти организации носили просветительский характер и ставили целью оказывать содействие развитию учеников. В декабре 1904 г. директору мужской классической гимназии были переданы подготовленные организацией «Светоч» прокламации «К учащимся» и «Галерея педагогов». Вызванная руководством гимназии полиция не нашла авторов воззвания. В январе 1905 г. аналогичная же история повторилась в женской классической гимназии. Директор женской гимназии передала найденные бумаги в жандармское управление для разбирательства дела.

Какие крамольные идеи ученической организации вызывали беспокойство у педагогов мужской и женской гимназий? «Светоч» в прокламации «К учащимся» обращался к молодежи с предложением «проснуться и выступить против существующих порядков». В прокламации «Галерея предков» критике подверглись местные педагоги и чиновники¹⁴. Свое мнение о существующем положении в школе ученическая организация выразила следующими словами: «Во мраке утопала наша школа, так как нет лучше средства властвовать над массой, как держа ее в полном невежестве, или давая ей

¹⁴ ГАКК. Ф. П. 64. Оп. 1. Д. 382. Л. 3.

жалкие обрывки ни к чему не пригодных знаний. И школа давила и изгоняла все живое, все человеческое»¹⁵.

В отличие от кружков красноярских старшекласников средних школ, не вышедших за рамки академизма, в других сибирских городах на ученические организации в большей или меньшей степени оказывали влияние деятели революционных партий. Например, в Иркутске с 1903 г. действовала сеть ученических кружков социал-демократического направления под руководством Н. Добронравова. В этом же году в Верхнеудинском педагогическом городском училище появился ученический кружок эсеровского направления. Через год появились кружки иркутских учащихся, изучавших программу эсеров¹⁶.

Изнурительная русско-японская война, нестабильная обстановка в стране, нарастание кризиса, подорожание и дефицит товаров первой необходимости ухудшили материальное положение многих горожан. Поскольку основная масса учащихся была из средне- и малообеспеченных слоев населения, то тяжелые условия быта также затронули их. Так, газета «Енисей» сообщала: «С наступлением холодов многим ученикам начальных школ из-за отсутствия теплой одежды не в чем ходить в школу. Их родителям не на что купить им одежду, а жизнь страшно подорожала. Совет общества попечения об образовании ссылается на то, что нет средств»¹⁷. Отсутствие теплой одежды и обуви приводило к тому, что ученикам приходилось поздней осенью ходить в летней одежде или пропускать занятия.

Большинство учениц фельдшерской школы также находилось в бедственном положении. Есть сведения о том, что часть учениц даже голодала: «Многим приходится кормиться кое-как. Некоторые совершенно не обедают и перебиваются на чае с селедкой. Вопрос о дешевой столовой для учениц остался нерешенным»¹⁸.

Не в лучшем положении находились и некоторые учащиеся гимназий из малообеспеченных семей. С целью поддержки бедствующих гимназистов родительские комитеты периодически уст-

¹⁵ Там же. Л. 4.

¹⁶ Метелкина Л.Н. Общественно-политическое движение... С. 16.

¹⁷ Енисей. 1904. 7 ноября.

¹⁸ Там же. 8 октября.

раивали благотворительные театральные постановки, концерты и вечера¹⁹. Материальные трудности, социальная несправедливость и революционная ситуация в стране будоражили головы некоторым молодым людям. Им не были чужды оппозиционные настроения, и именно на эту часть учеников могли оказать и оказывали влияние деятели революционно-демократического движения. Постепенно в молодежную среду проникала антиправительственная пропаганда.

С началом революционных событий в Красноярске ученическое сообщество постепенно активизировалось. В марте 1905 г. учащимися старших классов гимназии был издан на гектографе первый номер журнал «Школа и жизнь». Всего за 1905 г. вышло четыре номера этого журнала. Тираж и состав редакции «Школа и жизнь» остались неизвестными. Содержание статей журнала свидетельствует о влиянии на их авторов социалистов-революционеров и социал-демократов. Наряду с требованиями перестройки школьной системы в статьях выдвигались политические требования. Так, в четвертом номере журнала предлагалось передать промышленные предприятия, орудия производства, землю «в общую равную собственность трудящихся»²⁰.

Примерно в это же время под руководством ученицы женской гимназии Лидии Маковой стал выходить рукописный журнал «Заря». На его страницах пропагандировались идеи самообразования. Также авторы журнала призывали учащихся не увлекаться академической борьбой. Всего было подготовлено только два номера рукописного журнала. Выпуск следующего номера не состоялся, видимо, из-за преждевременной смерти Маковой²¹.

26 апреля 1905 г. в здании общественного собрания состоялось собрание родителей и опекунов учащихся. Заседание переросло в народный митинг, на котором выступили красноярские социал-демократы. Они разоблачали представителей местной либеральной буржуазии и призывали бороться с самодержавием²².

¹⁹ Там же. 7 ноября.

²⁰ ГАКК. Ф. П. 64. Оп. 1. Д. 382. Л. 5.

²¹ Григорьев А. Учащаяся молодежь в 1905 году // Енисей. Красноярск: Красноярский рабочий, 1985. № 6. С. 69.

²² 1905 год в Красноярске. Сб. документов и материалов. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1955. С. 208.

Летние каникулы 1905 г. стали для участников ученических организаций временем для обдумывания и подготовки основных требований к руководству учебных заведений. Ученицы женской гимназии («светочницы»), стремясь продемонстрировать свою аполитичность, предлагали объединить в своих рядах «всех учащихся независимо от их политических убеждений». 31 августа состоялось общее собрание учащихся мужской гимназии, от участия в котором отказались только ученики 8-го класса. Кроме гимназистов, присутствовали представители педагогического коллектива и их родители. Учащиеся выдвинули ряд требований академического характера перед руководством гимназии. Они предлагали обсудить вопросы о независимости ученических кружков и организаций, об отмене принудительных мер при совершении религиозных обрядов, о праве учащихся высказывать свое мнение руководству гимназии в присутствии товарищей, о возможности организовать свою библиотеку, о неприкосновенности ученической корреспонденции и т.д. Если родители поддержали учеников, то педагогический совет отказался принять выдвинутые требования. В итоге собрание закончилось демонстративным уходом учащихся. Тем самым, попытка учеников договориться с педагогическим коллективом закончилась неудачей²³.

После выхода Манифеста 17 октября 1905 г. воспитанники учебных заведений сибирских городов заметно активизировались. Политическая стачка, проходившая в Красноярске с 13 по 23 октября, вызвала волну митингов и собраний в Народном доме и в железнодорожных мастерских. В них принимали участие ученики мужской и женской гимназий, фельдшерской и железнодорожной школ. Резолюции прошедших митингов были изданы отдельными листками.

Несколько митингов учащихся, которыми руководил служивший лесным ревизором социал-демократ В.П. Моношко, состоялось в железнодорожном училище. 9 октября митинг, на котором присутствовало около 500 чел., длился с 12 до 17 часов дня. На митинге обсуждались различные вопросы, и отчетливо проявилась политизация ученического движения. Школа рассматривалась выступавшими как продукт политического и обще-

²³ ГАКК. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 382. Л. 5.

ственного строя. Отсюда делался вывод о том, что только в демократическом обществе возможны всеобщее образование и свободная школа. Учащиеся предлагали вести на местах борьбу со школьным начальством, а основной задачей всех российских граждан считали борьбу с самодержавием. Преподавание некоторых предметов в учебных заведениях подверглось ими острой критике. Например, история России трактовалась ораторами как история тиранов, имеющая цель показать пользу монархизма. Преподавание объективной истории, по их мнению, было возможно только в свободном государстве и в свободной школе. Они требовали отмены обязательности преподавания Закона Божьего, аргументируя свою позицию тем, что данный предмет «забивает головы учащихся с целью поддержки монархической власти». Со стороны собравшихся на митинге поступило предложение вместо Закона Божьего ввести преподавание истории религий. Далее учащиеся выступили за вежливое обращение педагогов к учащимся, за свободное посещение библиотек, театров и общественных собраний, за отмену переводных экзаменов, преподавания славянского языка, форменной одежды и др.²⁴

В середине октября в Красноярске произошло слияние двух организаций — «Луча» и «Светоча» — в Союз учащихся. В уставе Союза признавалась необходимость отстаивать интересы учащихся, а также оказывать им материальную и нравственную помощь. В комитет Союза вошли представители всех учебных заведений по одному делегату от каждых 20 чел. Первоначально в Союзе было около 400 чел. Позднее количество членов организации увеличилось. Основными средствами борьбы признавались устройство и проведение митингов, забастовок, объявление бойкота отдельным преподавателям, создание библиотек и кружков взаимопомощи²⁵.

Союзы учащихся появились во всех сибирских городах, где существовали учебные заведения (Томске, Омске, Барнауле, Чите, Иркутске и др.). В Красноярске и Якутске Союзы создавались вне зависимости от какой-либо политической партии и не ставили перед собой никаких политических целей. В то же время в Иркутске Союз учащихся образовался по инициативе местных эсеров. Прав-

²⁴ Там же. Д. 5. Л. 2.

²⁵ Григорьев А. Учащаяся молодежь... С. 70.

да, в его состав вошли также учащиеся, придерживавшие как социал-демократических взглядов, так и не имевшие никаких политических убеждений. В Чите и Верхнеудинске у истоков Союзов стояли социал-демократы²⁶.

Осенью 1905 г. руководство железнодорожного училища, испугавшись ослабления дисциплины, а также активного участия школьников в митингах и демонстрациях, решило временно прекратить занятия до 7 января 1906 г. Свои действия директор училища объяснил так: «Прекращение занятий связано с невозможностью спокойно продолжать школьное дело по причине усилившегося возбуждения состояния учеников, многократного проявления своеволия с их стороны»²⁷.

Отношение политических партий Красноярска к проведению митингов учащихся было неоднозначным. Либеральные круги, если и не одобрили действия молодежи, то проявили терпимость по отношению к ним. С ярко выраженным негативизмом приняли ученическое движение черносотенцы. После октябрьской манифестации черносотенцев Красноярска в мужскую гимназию поступило письмо, адресованное революционно настроенным гимназистам. В нем черносотенцы предупреждали и угрожали: «Господа учащиеся! Наша партия решила для первого раза простить вас за ваши ученические митинги, главарем и язвой которых был развратитель Монюшко. Предупреждаем вас, юных граждан, что первое повторение митингов и забастовок с вашей стороны повлечет за собой поголовное избивание вас и кончину ваших главарей!»

Помимо этого послания возле здания мужской гимназии были разбросаны листки, в которых черносотенцы продолжали угрожать ученикам: «[...] Первое же повторение ваших митингов и забастовок с вашей стороны повлечет за собой поголовное избивание вас [...]»²⁸. Подобные предупреждения указывали на то, что черносотенцы ни перед чем не остановятся, в случае если молодежь будет продолжать принимать активное участие в революционном движении. Однако решительно настроенные и не испугавшиеся

²⁶ Метелкина Л.Н. Общественно-политическое движение... С. 18.

²⁷ ГАКК. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 382. Л. 5.

²⁸ Там же. Л. 6.

угроз ученики не собирались сворачивать свою активную деятельность.

19 ноября 1905 г. на заседании педагогического совета и родителей учащихся женской гимназии впервые была допущена ученица старших классов, которая должна была представить требования учащихся. В своем выступлении она заявила: «Школа — продукт современного государственного строя. Под лозунгом „Свобода и школа“ молодежь ищет не произвола и безделья, а живого и интересного дела и дисциплины строгой и разумной, а не бессмысленного гнета». Педагоги выступили против участия учащихся в митингах, так как считали, что подобные мероприятия «вредны в физическом, нравственном и педагогическом отношении». Однако большинство родителей были не против участия их детей в митингах. Опасения у них вызывали увлечения гимназисток крайне революционными кружками. Ученицам удалось убедить педагогический персонал в обоснованности почти всех пунктов своих заявлений. Руководство гимназии при рассмотрении требований учащихся приняло все пункты, кроме отмены преподавания Закона Божьего²⁹.

На следующий день состоялось собрание комитета Союза учащихся. На нем присутствовали представители мужской и женской гимназий, городских и технических училищ, духовной и учительской семинарий. К этому времени организация «Свечеч» объединяла уже около 600 членов³⁰.

9 декабря около 300 воспитанников различных учебных заведений Красноярска, собравшихся у здания женской гимназии, направилась к цеху железнодорожных мастерских и примкнули к общей демонстрации. Из 20 знамен демонстрантов одно знамя «Да здравствует революция!» несла учащаяся молодежь³¹.

На следующий день ученики мужской гимназии решили принять участие во всеобщей забастовке, полностью прекратив занятия. Они обратились к ученицам женской гимназии также примкнуть к забастовке. Кроме учениц 7–8 классов, гимназистки других классов ответили согласием. Отказавшиеся примкнуть к забастов-

²⁹ Там же. Л. 5.

³⁰ Там же. Д. 380. Л. 2.

³¹ Там же. Д. 380. Л. 2 об.

ке старшеклассницы выразили свое сочувствие освободительному движению, а свой отказ присоединиться объясняли тем, что не считают забастовку всеобщей. Возможно, что ученицы выпускного класса боялись, что за участие в забастовке они могут остаться без аттестата об окончании гимназии. На состоявшемся митинге учащихся, проходившем в железнодорожном училище 14 декабря 1905 г., приняли участие свыше 300 чел., то есть, как минимум, половина Союза. Участники митинга подтвердили свое участие во всеобщей забастовке³².

15 декабря 1905 г. увидел свет первый номер печатного органа красноярской ученической организации «Светоч». Всего за декабрь 1905 г. вышло три номера «Светоча», с января по апрель 1906 г. — еще семь номеров. После ликвидации «Красноярской республики» в январе 1906 г. журнал стал распространяться нелегально³³. В ходе революционных событий учеников продолжала волновать нерешенность собственных академических вопросов. Поэтому в различных учебных заведениях Сибири вновь поднимались традиционные требования, касавшиеся внутреннего распорядка школьной жизни³⁴.

Интерес представляют материалы учениц женской гимназии, которые позволяют понять, что беспокоило гимназисток, их отношение к учителям, к процессу обучения, к отдельным предметам и друг к другу. Из материалов становится ясно, что школьная программа женской школы намного проигрывала мужской. Если выпускники мужской гимназии могли выбрать любой университет по желанию, то такой возможности были лишены выпускницы женской гимназии. Их совершенно не готовили для получения высшего образования. Как правило, они получали аттестат учительницы начальных классов. Дух школьного режима способствовал тому, что «ученица забудет те скудные знания, которыми ее наградила школа».

Одна из учениц делилась своим мнением о качестве преподавания в женской гимназии так: «С учительской кафедры мы слы-

³² Там же. Л. 6.

³³ Красноярск. Очерки истории города. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1988. С. 124.

³⁴ *Иценко О.В.* Учащаяся молодежь Сибири... С. 156.

шим изречение: «Об этом (т.е. научном вопросе) не стоит распространяться — ведь вам это в жизни все равно не понадобится. Вам надо уметь стряпать и шить, а эти все науки вы всерьез забудете потом». На первом плане в преподавании находились языки, танцы, рукоделие, вышивание и выжигание. Ученицы получали минимальные знания по математике и русскому языку, но могли рассчитывать на получение сведений из курса «дамская наука» или «занятные фокусы».

По мнению другой гимназистки, шаблонное преподавание отбивало всякий интерес к науке³⁵. В январском номере «Светоча» за 1906 г. критиковалось преподавание в современной школе: «Правительственная школа старалась забить наши головы Законом Божьим, славянской грамматикой, изучением Ломоносова и Карамзина, чтобы мы не могли приобрести другие знания, не могли познать идею правды и справедливости, идущих вразрез с идеями правительства»³⁶.

В молодежной среде воспитанников учебных заведений не обошлось без разногласий. В феврале 1906 г. после выхода в свет очередного номера журнала «Школа и жизнь» появилась угроза существованию Союза учащихся. Соперничество между двумя печатными органами «Школа и жизнь» и «Светоч» раскололи учащихся на две враждебно настроенные друг к другу группы «школистов» и «светочистов». Изначально Союз учащихся в свои задачи ставил устройство кружков для самообразования, издание ученических журналов, пропаганду идей свободной школы в среде учащихся и т.д. По мере развития революции в организацию проникли революционные идеи. В выпусках «Светоча» и «Школы и жизни» публиковались революционные статьи и программы революционных партий. Оба печатных органа пропагандировали идеи социал-демократов³⁷. По мнению О.В. Ищенко, организация «Светоч» ставила своей целью объединить всех учащихся независимо от их политических убеждений и носила подчеркнуто беспартийный характер, тогда как «Школа и жизнь» настаивала на включе-

³⁵ ГАКК. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 380. Л. 2об.

³⁶ Там же. Д. 383. Л. 4.

³⁷ Там же. Д. 387. Л. 1.

нии политических требований в программу ученического Союза³⁸.

Со спадом революционного движения основная масса учащейся молодежи стала постепенно снижать свое участие в общественно-политической жизни. Ее деятельность в основном ограничивалась сохранением собственных организаций. Основной формой объединения учащейся молодежи вновь стали кружки. Однако воспитанники гимназий, фельдшерской школы и железнодорожного училища по-прежнему принимали участие в распространении революционных листовок и прокламаций. Наиболее активно проявили себя ученицы фельдшерской школы Сара Муниц, Лия Пандре, Елена Корсакова, Нина Салазкина и др. В дальнейшем они пополнили ряды социал-демократов и эсеров³⁹. Руководство учебных заведений приняло решительные меры к ученикам, оказывавшим содействие революционерам. В начале октября 1906 г. ученица пятого класса женской гимназии Когачевская была исключена из гимназии за распространение революционных прокламаций в городском театре. Хотя твердой уверенности в том, что именно она являлась распространительницей листовок, ни у кого не было⁴⁰.

В годы Первой русской революции учащиеся уездных городов Енисейской губернии не были так активны, как красноярская молодежь. Но и там ученики пытались выразить недовольство существовавшей системой образования. Старшеклассники уходили с уроков, отказывались отвечать на задававшиеся учителями вопросы, устраивали баррикады, объявляли бойкот учителям, нарушали правила внешкольного поведения (открыто курили, посещали увеселительные мероприятия и т.д.). Учащиеся выпускного шестого класса Енисейской прогимназии в отместку за придирки и притеснения со стороны директора и преподавателей объявили протест и покинули класс⁴¹.

³⁸ *Ищенко О.В.* Кружковая деятельность учащейся молодежи Сибири в начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008. № 4/3 (60). С. 103–110.

³⁹ *Григорьев А.* Учащаяся молодежь... С. 70.

⁴⁰ Енисейский край. 1906. 1 октября.

⁴¹ *Шилов А.И.* Средняя школа Восточной Сибири... С. 84.

В Минусинске в приходском и городском училищах учащиеся объявили бойкот нескольким учителям. По этому поводу в газете «Енисейский край» вышла заметка: «Отношения между учителями и бойкотирующими учениками сложились крайне неблагоприятно. В частности, преподавателю Раевскому была подброшена записка: „Бойкот Раевскому“, а в сиденье воткнута иголка»⁴².

Таким образом, во время Первой русской революции учащаяся молодежь Красноярска не осталась безучастной и реагировала на политические события, происходившие в городе и в России. Воспитанники красноярских учебных заведений, как и учащиеся других сибирских городов, активно влились в общедемократический поток. Основная масса учеников выступила против академического школьного строя, устаревшей системы преподавания и воспитания. С развитием революции и воздействием революционных партий на ученические организации процесс политизации охватил учебные заведения. Часть учащейся молодежи в своих требованиях и поступках перешла рамки академизма, была втянута в круговорот политических событий и выдвинула требования политического переустройства Российской империи.

⁴² Енисейский край. 1906. 22 сентября.

ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В СИБИРИ (1914–1920 гг.)

Феномен массового плена возник в условиях беспрецедентной по своим масштабам Первой мировой войны. Впоследствии ужасы Второй мировой войны заслонили собой историю этих военнопленных. Однако их положение и породившая данный феномен война были уникальными. Это было время, когда международное право в отношениях конфликтующих сторон еще не стало определяющим, а наследие прошлого — «рыцарский кодекс» ведения войны — отмирал. Проблемы пленных теснейшим образом переплелись с политической, социально-экономической и культурной историей пленивших их стран. Интенсивное использование принудительного труда военнопленных и отношение к ним как к объекту политических манипуляций делало их удобным инструментом в руках любой власти.

Публикации о военнопленных Первой мировой войны, оказавшихся в России, издавались с конца войны. Авторами первых работ на эту тему часто оказывались бывшие военнопленные¹ или лица, по долгу службы занимавшиеся в те годы проблемами пленных². Они содержали много фактических неточностей и ошибок. Эмоциональная оценка недавних событий, а не анализ фактов — вот что отличало эти сочинения. Недостатки публикаций 1920–1930-х годов негативно отразились на качестве последующих исследований. Особенностью советской историографии стало также то, что проблемы пленных подменялись историей интернацио-

¹ См., например: *Wlad Franz: Meine Flucht durchs mongolische Sandmeer.* Berlin; Wien, 1918; *Шунек А.* Военнопленные и их использование в мировой и гражданской войне // *Война и революция.* М., 1928. № 2. 64–72; *Шнейдер И.* Революционное движение среди военнопленных в России в 1915–1919 гг. // *Борьба классов.* М., 1935. № 3. С. 54–61.

² См.: РСФСР. Труды военно-исторической комиссии. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. / Сост. Н. Жданов. М., 1920; *Elsa Brändström.* Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien, 1914–1920 / Elsa Brändström; Margarete Klante. Berlin, 1922; *George Montandon.* Deux ans chez Koltchak et chez les Bolchéviques pour la Croix-Rouge de Genève : (1919–1921). Paris, 1923; и др.

нального движения. Военнопленные Первой мировой войны рассматривались как часть рабочего класса города и деревни, как активные участники революционного и контрреволюционного движения в России³. Положение их как пленных в любом случае освещалось фрагментарно, не учитывались региональные особенности.

С распадом СССР и открытием архивов для исследователей изучение темы активизировалось. В настоящее это одна из наиболее актуальных научных тем. Особый интерес вызывает положение пленных в Сибири, считавшейся наиболее суровой по условиям размещения и содержания пленных⁴. В данной статье понятия «военнопленные» и «пленные» используются как синонимы. Под «пленными» понимаются только обезоруженные военнослужащие стран, воевавших с Россией в 1914–1918 гг.

* * *

Оказавшиеся в России пленные находились в распоряжении Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). С октября 1916 г. при ГУГШ существовал «Отдел эвакуационный и по заведению военнопленными». Подчиненные ему структуры имелись во всех военных округах. Однако деятельность ГУГШ по управлению пленными уже на уровне сбора сведений об их численности была недостаточно эффективной. Сведения о численности пленных, оказавшихся в Сибири и России в целом, противоречивы и неточны. Известно, что всего за годы Первой мировой войны в русском плену оказалось 2,0–2,3 млн. чел., большая часть из которых (около 2,0 млн.) — военнослужащие австро-венгерской армии. В Сибири никогда не размещалось более 400 тыс. пленных. Зимой

³ См.: *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973; *Яковлев Л.И.* Интернациональная солидарность трудящихся зарубежных стран с народами советской России. 1917–1922. М., 1964; *Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция: продовольственный вопрос в России 1914 — октябрь 1917. Л., 1985; и др.

⁴ На эту тематику защищено две диссертации.: *Талатин А.Н.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914 — май 1918 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2005; *Гергилева А.И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006.

1914–1915 гг. военнопленные концентрировались главным образом в Азиатской России, позже — в европейской части страны.

Из 257,0 тыс. пленных, числившихся в Российской империи на 1 января 1915 г., в Сибири было размещено примерно 186,0 тыс. Летом 1915 г. их число значительно выросло, достигнув 200,0 тыс. в Иркутском и 152,0 тыс. в Омском военных округах. К 1 января 1917 г. в Омском округе числилось уже 199,1 тыс., а в Иркутском — 135,6 тыс. военнопленных⁵. В числе пленных, размещенных в Сибири, доля офицеров колебалась в разное время от 1,0 до 5,0 %. ГУГШ считало Омский военный округ одним из тех, где необходимо размещать преимущественно славян, а Иркутский — немцев и венгров. Славяне официально были признаны «дружественными» России национальностями, немцы, венгры и турки — «враждебными».

Перемещения пленных в Российской империи, вопреки официальным требованиям, часто фиксировались с большим опозданием либо не фиксировались вовсе. Вести правильный учет мешали повторявшиеся случаи искажения имен и фамилий пленных и названий сибирских населенных пунктов. Именные списки пленных были крайне неточны. К их составлению привлекали и самих военнопленных, подписывавших свои имена и фамилии под русским текстом на родном языке. С начала 1916 г. ГУГШ установило даже проверку текста списков особо назначенными в каждом пункте грамотными лицами из среды самих пленных. Однако ситуация не изменилась. В 1917 г. ГУГШ признало даже данные о сбежавших военнопленных недостоверными⁶.

Отсутствие точных сведений о численности и составе военнопленных мешало эффективно решать вопросы по их размещению и содержанию. Юридические нормы, регламентировавшие их положение, также не соблюдались⁷. Декларативность и расплывча-

⁵ Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть советов. М., 1967. С. 16.

⁶ ТФ ГАТюмО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 453. Л. 82.

⁷ См. подробнее: *Гордеев О.Ф.* Военнопленные Первой мировой войны в Сибири (август 1914 — февраль 1917 гг.): Историко-правовые аспекты проблемы // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сб. науч. статей. Красноярск, 2002. С. 30–37; *Талапин А.Н.* Правовое регулирование положения военнопленных Первой мировой войны, раз-

тость международных норм, прежде всего — Гаагской конвенции 1907 г., привели к тому, что в воевавших странах они считались рекомендательными. Национальные нормы, принятые на общегосударственном уровне, также не учитывали региональной специфики по размещению, содержанию и использованию труда военнопленных. Не случайно в России отступления от правил, действовавших в отношении пленных, с начала войны разрешались официально, если они в той или иной степени мешали использованию их труда.

Принципы, положенные в основу российских норм о пленных, фактически дублировали формулировки международных, противоречия были несущественными. Пленные (кроме шпионов) считались законными защитниками своего отечества. По содержанию они приравнивались к соответствующим чинам русской армии. Формально военнопленных содержали при местных войсках в виде команд, разделенных на взводы, полуроты, роты. При войсковых частях пленные зачислялись и на довольствие. Распределение их по войскам составлялось ГУГШ.

Из-за отсутствия помещений осуществить на практике казарменное размещение военнопленных при местных войсках оказалось невозможным. В Сибири проблема размещения пленных стала сезонной. Особую остроту она имела в первые два года войны: зимой 1914–1915 и зимой 1915–1916 гг. В теплое время года проблема снималась размещением пленных в малоприспособленных помещениях и отправкой значительной их части на работы. Только крупные операции на фронте, сопровождавшиеся захватом множества пленных, нарушали этот порядок. Пленных направляли в Сибирь партиями по несколько тысяч, иногда — десятков тысяч человек. В 1914–1915 гг. их размещали в воинских бараках, частных домах, торговых и складских помещениях, даже в учебных заведениях во время каникул учащихся. Нарушение санитарных и гигиенических норм при этом объяснялось не злым умыслом, а недостатком времени и средств для подготовки помещений.

мешенных в Западной Сибири после Февральской революции 1917 года // Вестник Омского юридического института. Омск, 2006. № 2 (5). С. 11–14.

Осенью 1916 г. из Азиатской России в западные губернии были переведено около 120,0 тыс. пленных, снятых преимущественно с сельскохозяйственных работ. В дальнейшем в Сибирь крупные партии трудоспособных военнопленных не направлялись. Лишь офицеры, не подлежавшие назначению на принудительные работы, и нетрудоспособные продолжали вывозиться в Сибирь. Проблема размещения рядовых пленных в Азиатской России решилась сама собой. Ощущался лишь недостаток жилья, подходящего для размещения офицеров. Их полагалось размещать в помещениях с минимальной обстановкой. Для этого более подходили частные дома. Старшие офицеры пользовались услугами денщиков, тоже из военнопленных. Большая часть офицеров размещалась в городах.

С весны 1915 г. в Сибири началось строительство концентрационных лагерей для военнопленных, куда их стали селить еще до окончания строительных работ. Лагеря были стандартно рассчитаны на пять — десять тысяч человек. Они строились военным ведомством на арендованных у местных самоуправлений землях в течение 1915–1916 гг. со своими мастерскими, хлебопекарнями, кухнями, прачечными, лазаретами, покойницкими. Постройки были типовыми, по проектам, утвержденным еще до войны для русской армии. Они могли полностью обеспечить автономное казарменное существование военнопленных, сведя к минимуму контакты с окружающим миром. Однако с 1914–1915 гг. многие пленные, отправленные на работы, особенно в сельскую местность, зимовали у работодателей. Значительная часть офицеров продолжала жить в частных домах.

Вопреки обращениям местных властей, численность вновь присылаемых и вывозимых из мест размещения пленных никак не соотносилась с числом необходимых для них помещений. К 1917 г. в Омском военном округе насчитывалось 28 концентрационных лагерей, в Иркутском — 30. Всего в России к 1917 г. было примерно 400 лагерей военнопленных, в том числе в Петроградском военном округе — 15, в Московском — 128, Казанском — 113 ла-

герей⁸. Строительство вместительных лагерей в Сибири оказалось излишним, так как они полностью никогда не были заняты пленными. Лагеря чаще были сезонным местом размещения или перевалочным пунктом при перемещениях. К примеру, в 1916 г. город Тобольск имел 12 тыс. мест для размещения военнопленных, из них в концлагере — 6 тыс. мест. В Тюмени было 15 тыс. мест, из них в концлагере — 10 тыс. мест. Однако в Тобольске размещалось в течение года около 300–700 офицеров и от 300–400 до шести тысяч нижних чинов; в Тюмени — около 100–200 офицеров и от 100 до пяти — шести тысяч нижних чинов. Размещались они не только в лагерях⁹.

При размещении военнопленных в Сибири с самого начала войны учитывалась их национальность. Однако пленные разных национальностей не были изолированы друг от друга. Российский Генштаб требовал от местных властей отделения военнопленных славян в пути следования, в лечебных заведениях, местах размещения и проведения работ. Попытки добиться этого с конца 1914 г. привели лишь к созданию в 1915–1916 гг. в концентрационных лагерях отдельных барачных корпусов: отдельно для представителей «враждебных» и «дружественных» национальностей. При размещении пленных за пределами лагерей представителей «враждебных» и «дружественных» национальностей также селили отдельно. Однако большую часть времени основная масса пленных проводила вне стен своих барачных корпусов. Трудоспособные рядовые занимались работой, офицеры выходили в город, общаясь как друг с другом, так и с местными жителями.

Раздельное размещение пленных разных национальностей не влияло на качество условий их размещения и содержания. Оно осуществлялось не для предоставления льгот «дружественным» пленным, а для националистической пропаганды, вовлечения их в сепаратистские политические организации¹⁰. Из эмигрантов, воен-

⁸ Интернационалисты. Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть советов в России. 1917–1920 гг. М., 1987. С. 35–36.

⁹ ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 43. Д. 150 (все дело).

¹⁰ Центральные державы в отношении русских пленных придерживались такой же политики (см., напр.: *Сергеев Е.Ю.* Русские военнопленные в

нопленных и русских подданных с 1914 г. создавались добровольческие воинские формирования. Из-за нежелания правительства России давать серьезные обязательства, усталости самих пленных от войны и опасения влияния на славян западных союзников они были малочисленными и пополнялись солдатами и офицерами русской армии. Вербовка в них шла и в Сибири. Были также визиты уполномоченных сербского, румынского, итальянского правительств, посещавших Сибирь для набора добровольцев из пленных соответствующих национальностей.

Питание и обмундирование военнопленных не зависело от их национальности. Довольствие пленных в 1914 г. основывалось на нормах довольствия русской армии. Но уже с 1915 г. шло сокращение норм питания, согласование их с реальным довольствием русских военнопленных в Германии. Летом 1915 г. нормы довольствия (только пищевого) для пленных были зафиксированы, то есть официально перестали соотноситься с довольствием русских войск. Сокращение довольствия не было намеренным ущемлением прав военнопленных. Война вела к ухудшению питания и граждан самой России. В 1916 г. в стране были введены так называемые «мясопустные дни», когда запрещалось торговать мясом, мясными продуктами, подавать их в ресторанах и т.п.

Суточные нормы питания пленных с 1915 г. сократились почти по всем показателям на 50 % от нормы 1914 года¹¹. В 1914 г. у них не было постных дней, тогда как уже в 1915 г. появилось два постных дня в неделю. В сентябре 1916 г. вновь были сокращены нормы потребления ими мяса: число постных дней в неделю увеличилось до четырех¹². Сокращение произошло, несмотря на то, что понижение пайка пленных признавалось нежелательным из опасения развития болезней. Вещи для военнопленных официально предписывалось подбирать самые дешевые, в дальнейшем их снабжение только ухудшалось.

Определение военнопленных на работы было для сибирских властей одним из способов переложить львиную долю забот об их

Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. М., 1996. № 4. С. 74).

¹¹ Подробнее см.: Горелов Ю.П. Сибиряки на защите отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003. С. 310.

¹² ГАОО. Ф. 272. Оп. 2. Д. 63. Л. 117.

размещении и содержании на плечи работодателей. Предприниматели должны были сами одевать и кормить взятых на работу военнопленных. Инспекционные проверки, которые проводили русские военные, доказывали многочисленные нарушения работодателями своих обязанностей по содержанию пленных. Пленные возвращались с работ полураздетыми, что, например, констатировал посетивший летом и осенью 1916 г. Тару и Ишим генерал-губернатор Степного края Н.А. Сухомлинов¹³. Такая же ситуация наблюдалась в Тюмени и Ялуторовске, места размещения военнопленных в которых осматривала комиссия генерал-лейтенанта Акулова. Он выяснил, что перед возвращением пленных с работ выданная работодателями одежда ими же отбиралась¹⁴.

Скудный паек, плохая одежда в условиях сурового сибирского климата делали положение трудившихся пленных особенно тяжелым. В начале войны наиболее тяжелым было положение именно пленных «дружественных» национальностей. С 1914 г. на работы назначали именно их, тогда как труд немцев, венгров и турок в Сибири первоначально почти не использовался. Лесные, горнозаводские, заводские, сельскохозяйственные работы в Сибири для множества пленных оказались непривычно тяжелыми. При этом российские власти во многом спровоцировали нежелание «дружественных» пленных трудиться, объявив о добровольности их труда, а с лета 1915 г., после массовых отказов от работ, сделав их труд принудительным. Труд венгров, немцев и турок считался принудительным всегда. Добровольно могли трудиться только офицеры, причем независимо от национальности.

Международное право запрещало труд пленных на оборону пленившего их государства, но это требование воюющими государствами не соблюдалось. Действовавшее в России «Положение о военнопленных», предусматривало только, чтобы их работа не была изнурительной и не имела «отношения к военным действиям»¹⁵. Отсюда следует, что «работы на оборону» рассматривались

¹³ Приказ войскам Омского военного округа. Омск, 1916. 22 авг. № 511; 30 нояб. № 723.

¹⁴ ТФ ГАТюмО. Ф. 479. Оп. 2. Д. 122. Л. 167.

¹⁵ Сборник узаконений о привлечении находящихся в России военнопленных на работы и других правил и постановлений, относящихся до военнопленных. / Сост. И.А. Овчинников. 2-е изд. Пг., 1917. С. 11.

как не имевшие непосредственного отношения к военным действиям. Работы на стратегических объектах, а также работы, где сложно было организовать строгий надзор за пленными (например, сельскохозяйственные) доверялись славянам и представителям других «дружественных национальностей», вроде итальянцев или румын. Только в январе 1916 г. было решено использовать весь оставшийся контингент трудоспособных пленных без различия национальностей, предоставив основную их массу ведомству земледелия¹⁶. Сельский труд был признан в России наиболее важным из всех видов работ на оборону страны.

Компенсировать работодателям расходы на содержание военнопленных должно было то, что их труд изначально не оплачивался. Кроме того, расходы на охрану и содержание пленных на казенных и общественных работах возмещались военным ведомством. Не считая эффективным бесплатный принудительный труд, работодатели добились права поощрять пленных денежными выплатами, в зависимости от производительности каждого пленного. Но эти выплаты не считались обязательными. Только в 1916 г., проанализировав опыт использования труда пленных, ГУГШ признало вознаграждение за их труд заработной платой, а не произвольной наградой¹⁷. Расходы на содержание и охрану пленных вычитались из их заработка. Суммы, выдававшиеся пленным на руки, различались даже на одинаковых работах. Все зависело от ведомства, в чьем распоряжении оказались пленные. Например, с 1915 г. за труд в сельском хозяйстве им полагалось выдавать не менее половины заработка, а за усердный труд на работах военного ведомства — не более 10 процентов¹⁸.

Впоследствии, с распределением пленных на работы и строительством концентрационных лагерей, эпидемии локализовались почти исключительно в лагерях. Скученность пленных в помещениях, часто не отвечавших элементарным санитарным требованиям, сокращение норм питания и плохая медицинская помощь делали их легкой добычей тифа, холеры, дизентерии, туберкулеза и

¹⁶ ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 248. Л. 66; Алтайское дело. 1916. 29 янв.

¹⁷ Приказание войскам Омского военного округа. Омск, 1916. 9 мая. № 129.

¹⁸ Подробнее см.: Сборник узаконений о привлечении находящихся в России военнопленных... С. 29, 37, 40, 45.

других болезней. Власти стремились лишь избежать распространения эпидемий. Почти повсеместно нужды самих пленных игнорировались. Безразличие порой граничило с жестокостью, как это было, например, в Сретенске, где осенью 1915 г. вспыхнула эпидемия тифа. Вплоть до вмешательства шведской делегации Красного креста (зимой 1915–1916 г.) пленные были просто заперты в лагере без какой-либо помощи¹⁹. Сретенский лагерь военнопленных в Восточной Сибири, лагерь в Шкотове (близ Владивостока) и Тоцкий лагерь в Оренбургской степи по уровню смертности, суровости режима содержания и состоянию помощи пленным были худшими в России.

С весны 1915 г. работающие военнопленные стали предъявлять требования по улучшению условий их содержания и труда. Одно из первых волнений военнопленных в Сибири произошло в мае 1915 г. на ремонте железной дороги в Омске²⁰. Уже летом 1915 г. волнения и забастовки военнопленных стали заурядным событием. Нередко пленные добивались своего, нанося ущерб производству. Они покидали заводские работы, получая отказ в уравнении оплаты труда с местными рабочими, отказывались работать в разгар страды, что вело к гибели части урожая и т.п., то есть использовали любые способы давления, не боясь последствий.

До лета 1915 г. работодатели не принимали действенных мер к бастовавшим пленным. Они передавали их обратно в распоряжение военного начальства. С лета 1915 г. ГУГШ было предписано содержать возвращенных в лагерь пленных в особых группах в тюремных условиях, применяя в дальнейшем к ним строгие правила содержания на все время пребывания в плену²¹. Одновременно ГУГШ потребовал унифицировать положение работавших пленных. Фактически оно варьировалось от предоставления свобод, противоречивших статусу пленного, до ограничения удовлетворением минимальных потребностей, что было одной из причин их недовольства.

¹⁹ Там же. С. 78–79; *Чащин А.И.* Сретенск. Страницы истории. Чита, 2009. С. 100–106.

²⁰ Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. Т. 3. Июнь 1907 — февраль 1917 гг. Томск, 1991. С. 260.

²¹ ГАТО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 7. Л. 211–212.

Летом 1915 г. местная администрация получила право, используя полицию, содержать недовольных пленными под арестом²². До мая 1916 г. семидневный арест военнопленных был самым суровым наказанием в административном порядке. Впоследствии он был признан неэффективным, и гражданская администрация получила право выбирать форму ареста и определять его продолжительность. С весны — лета 1915 г. к надзору за назначенными на работы нижними чинами в Сибири стали привлекать пленных офицеров. Офицеры несли ответственность за нарушение рядовыми военнопленными порядка в местах проведения работ.

Местное население неоднозначно воспринимало появление пленных в Сибири. Пленные создали массу дополнительных неудобств для населения. Пресса открыто называла случаи отказа пленных от работ умышленным саботажем с целью подрыва обороноспособности России. Предельная концентрация пленных в зимний период в городах влияла на удорожание жизни, что раздражало местных жителей. В городах можно было обеспечить казарменную строгость содержания. При отсутствии подходящих помещений в сельской местности пленных селили в городах. В 1915 г. расселение пленных по деревням без привлечения к труду было запрещено. Недовольство вызывала и реквизиция помещений под воинский постой. Домовладельцы требовали прекратить размещение пленных в городах. Общее мнение выразил гласный томской городской думы С.М. Богашев: «Вопрос [...] применительно пленным может быть разрешен двояко: или выселением их на крестьянские угодья, или закопать их в земле»²³.

В ответ на расселение пленных по деревням пошли жалобы Верховному главнокомандующему, в которых звучал такой мотив: «[...] Мы, воины, сражаемся здесь, оставили свои семьи, а нашим женам прислали военнопленных и, благодаря такому совместному

²² Приказание войскам Омского военного округа. Омск, 1915. 18 июля. № 152. По Томскому жандармскому полицейскому управлению железных дорог 14 авг. 1915 г. был объявлен аналогичный приказ, адресованный войскам Иркутского военного округа от 1 авг. 1915 г. — ГАТО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 7. Л. 286.

²³ Известия Томского городского общественного управления. Томск, 1916. № 1. С. 66.

сожителству, получились невеселые, грустные картины»²⁴. Крестьяне под Троицкосавском, в Забайкалье, весной 1915 г. высказались еще конкретнее: «К чему, мол, нам в деревню пленных [...]. Примутся они за наших баб, а потом возись с их немчурой [...]²⁵. Невыгодным было и содержание пленных. До казенной компенсации расходов на пленных, размещенных по деревням в 1914 г., их приходилось содержать за свой счет. Крестьян также не устраивало, что содержать их нужно было в особых помещениях с отоплением и освещением. Заболевших приходилось отвозить в город в военный госпиталь или больницу. Все это, по мнению крестьян, делало содержание пленных в деревне крайне обременительным.

Военнопленные, причем именно «дружественных национальностей», не отличались дисциплинированным поведением. Это вызывало недовольство сибирских военных властей. В итоге, чтобы заставить пленных соблюдать дисциплину, было разрешено даже рукоприкладство, «когда слова будет недостаточно»²⁶. Впрочем, случаев злоупотребления этим правом отмечено не было, да и касалось оно исключительно рядовых. В любом случае разрешение физического воздействия мало что меняло, поскольку отсутствие дисциплины объяснялось безответственностью местных властей. Осенью 1915 г., по свидетельству начальника Омской железной дороги, пленные без конвоя бродили по станциям и даже стали посещать ближайшие кинематографы²⁷. Пресечь такое поведение и восстановить дисциплину военнопленных, размещенных в селах, деревнях и на станциях, еще весной — летом 1915 г. требовали командующий Омским военным округом Е.О. Шмит и сменивший его Н.А. Сухомлинов²⁸.

На фоне пустых разговоров о «попечении» более распространенными были иные явления. Например, летом 1915 г. к томскому губернатору обратился один из местных корреспондентов, заявивший, что по просьбе некоторых редакций зарубежных газет он два месяца изучал положение пленных австрийцев и германцев в

²⁴ Там же. С. 64.

²⁵ Сибирь. 1915. 25 апр.

²⁶ ГАОО. Ф. 272. Оп. 2. Д. 63. Л. 35.

²⁷ ГАОО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 18. Л. 108–111.

²⁸ ГАТО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 7. Л. 67; Акмолинские областные ведомости. 1915. 8 июля.

деревнях и селах этой губернии. Кроме обычной констатации тяжелого положения военнопленных (одежда, обувь обносились, белья нет, купить негде, заработки низкие, цены несоразмерны работкам, кормят плохо и т.п.), автор заявил о небывалом размахе злоупотреблений и коррупции. Содержание пленных было скудным, работы было мало, а для вольного найма требовалось особое разрешение. Этим пользовались и крестьяне, установившие низкие расценки за труд, и конвой, который пленные подкупали, чтобы найти самим работу²⁹.

Определенную помощь пленным оказывали иностранные благотворители и миссии Красного креста. Но ими посещались строго определенные пункты; местные власти, где это происходило, заранее информировались о приезде делегации с подробным указанием ее состава и рекомендациями по негласному надзору за конкретными лицами. Не все военнопленные были рады такой помощи. Центральные державы почти в открытую использовали эти визиты для давления на пленных и сбора разведывательных данных о России. Известны попытки запугивания пленных в Сибири даже представителями Красного креста, требования подтвердить лояльность собственному правительству, нелегальная передача корреспонденции и т.п.³⁰ Нередко пленным славянам подобные благотворители вовсе отказывали в помощи, мотивируя это тем, что о них заботятся русские.

Более объективные отчеты о военнопленных в дореволюционной России А. Харта (A.C. Harte), представителя американской The Young Men's Christian Association³¹. Он выяснил, что в Сибири военнопленных первоначально разместили по деревням и частным домам, снятым для этой цели в городах, при этом им было предоставлено очень много свободы. Позже, как и во всех воевавших странах, были выстроены концентрационные лагеря с бараками по типовым проектам, рассчитанным для русских солдат, где режим

²⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1782. Л. 2–3.

³⁰ См. об этом: *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг. Шпионomanия и реальные проблемы. М., 2000. С. 320–322; *Чащин А.И.* Средтенск. С. 111–116.

³¹ См., напр., его отчет о положении пленных в Сибири летом 1915 г. (текст на английском языке). — ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1702. Л. 180–206.

содержания стал строже. Пленные, побывавшие в деревнях, предпочитали там оставаться, а не идти в лагерь.

Местные власти, естественно, старались создать впечатление, что ими обеспечены наилучшие условия содержания пленных. В сентябре 1916 г. делегация Датского Красного креста, знакомясь с условиями содержания военнопленных, в числе прочих мест посетила Тобольск. К ее приезду даже недостроенный концентрационный лагерь предстал в самом лучшем виде³². Но пленные жаловались на обилие в лагере блох, отсутствие книг и газет. После осмотра концлагеря комиссия ознакомилась с условиями содержания пленных офицеров в Михайловском скиту (в 12 верстах от Тобольска). Говоря об этом месте, сопровождавший комиссию цензор описывал «уют русского плена», однако оказалось, что помещение к приезду пленных имело вид «лишь вчерне законченного без окон и дверей здания»³³. В жилой вид за собственный счет его привели сами офицеры. Теперь они ходатайствовали о возвращении потраченных средств.

Военнопленные должны были содержаться государством, но их положение больше зависело от наличия собственных средств. Материальную и моральную поддержку могли оказать их родственники. Однако почтовое сообщение с пленными было затруднено. Корреспонденция и денежные переводы задерживались. Осложнения были и при соотношении курсов валют, когда сначала Россия, а в ответ и Центральные державы удерживали значительную часть переведенных сумм. Переписка шла через Центральное справочное бюро о военнопленных с помощью специальных почтовых карточек, поступивших в продажу с весны 1915 г., или открытых писем (закрытые письма рассматривались в последнюю очередь и все равно вскрывались цензурой). Посредничество Справочного бюро должно было облегчить пересылку, но часто играло роль дополнительной инстанции, через которую проходили письма и посылки.

Однако в целом положение военнопленных в дореволюционной Сибири было удовлетворительным. По мере затягивания войны условия содержания ухудшались, но это компенсировалось все

³² ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 29. Д. 242. Л. 15–22.

³³ Там же. Л. 16.

большей свободой поведения. Вопреки предписанной законом казарменной строгости, военнопленные в Сибири часто вели образ жизни, не совместимый с их статусом. Отношение к пленным, при всех крайностях высказываний в их адрес (от нетерпимых до сочувственных), оставалось благоприятным. Тезис о суровом лагерном режиме для большинства пленных, из которого, как правило, исходят и современные исследователи, не соответствовал действительности.

* * *

После Февральской революции 1917 г. система надзора за пленными была совершенно подорвана. Новой власти было не до военнопленных, а ее представители чаще всего не имели представления о специфике данной проблемы. Характерное признание сделал уездный комиссар Временного правительства Курганского уезда Тобольской губернии. Он заявил, что не знает «правительственных распоряжений в части, касающейся надзора за военнопленными и наложения на них [...] взысканий»³⁴. Он не знал, на ком лежит общий надзор за пленными, не представлял, в чем вообще выражаются его обязанности в их отношении. Только 30 сентября 1917 г. губернский комиссар уведомил своего подчиненного о том, что высылает все необходимые правила и распоряжения, не изменившиеся, по сути, с дореволюционных времен.

Не правительственные распоряжения, а личные симпатии стали определяющим в поведении ответственных лиц. Начальник лагеря военнопленных в Томске помогал пленным, идя на нарушение приказов вышестоящего начальства. Пленный-интернационалист Б. Кун утверждал, что «однажды было получено распоряжение из Омского военного округа о высылке десяти военнопленных-интернационалистов, в том числе меня, в гор. Омск в распоряжение начальника бригады. Но начальник лагеря [...] отпустил всех десять военнопленных [...] и поместил на частной квартире. С этого времени я и остальные мои товарищи получили полную свободу и, возможно, что этим была сохранена нам и сама жизнь»³⁵.

³⁴ ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 44. Д. 521. Л. 80–81.

³⁵ Цит. по: Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке 1917–1922 гг.: К истории советско-венгерских интернациональных связей. М., 1980. С. 30.

В июле 1917 г. Центральный комитет о военнопленных в ответ на наказание (по-видимому, арест) русского военнопленного врача решил перевести на арестантский режим двух германских пленных врачей, отослав соответствующее распоряжение в Омский военный округ. Омский военно-окружной комитет совместно с командующим округом генералом Г.В. Григорьевым отреагировал заявлением, что не считает нужным по соображениям морального порядка применить эту меру. Лишь после повторного приказа, напомнимшего о необходимости неукоснительного исполнения всех директив, идущих из Петрограда, репрессии были применены, с занесением в протокол заседания военно-окружного комитета от 2 августа 1917 г. возмущения по поводу подобного разрешения вопроса³⁶.

Пользуясь всеобщей растерянностью, пленные пытались добиться прав и свобод, равных с российскими военнослужащим и рабочими. Они требовали экономических и политических прав, вплоть до свободы собраний, участия в профсоюзах и советах³⁷. Такое поведение провоцировали сами российские власти, демонстрировавшие либерализм и демократичность в отношении военнопленных. Для пропагандистских целей в России было создано даже «Особое частное присутствие по расследованию вопроса о содержании военнопленных в лагерях и на работах и выяснению причин эпидемий и высокой смертности среди них». Но заявлениям властей противоречила их реальная политика, попытки удержать ситуацию под контролем.

Начавшие стихийно образовываться политические организации среди пленных, согласно приказу военного министра, были официально ликвидированы в апреле 1917 г. Якобы не делалось исключений и для пленных-славян, хотя фактически легально созданные организации продолжали существовать. На деле и нелегальные объединения не искоренялись, а революционная риторика власти только усиливала претензии пленных. 18 апреля (1 мая по новому стилю) военнопленные участвовали в демонстрациях и митингах по случаю Дня международной солидарности трудящихся

³⁶ ГАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 56. Л. 52^а, 52^б.

³⁷ Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: Февраль 1917–1920 гг. Красноярск, 2007. С. 48–52.

ся. Временное правительство запретило его празднование пленными, но из-за противодействия местных советов этот запрет в России не соблюдался. В Омске пленные чехи и словаки вышли на демонстрацию со своим оркестром, под знаменем с надписью «чехословацкие интернационалисты»³⁸. В Томске после демонстрации они выступали на митинге с протестом против суда, организованного в Австрии над Фридрихом Адлером, убившим председателя Совета министров³⁹.

«Революционный голос» пленных настойчиво доводился до сибирской общественности. Завоевая всеобщие симпатии, пленные заявляли не только о солидарности с российским пролетариатом, но и с русскими пленными в центральных державах. Газеты публиковали их протесты «против бесчеловечного обращения с русскими военнопленными в Австрии, Германии и Турции»⁴⁰. Тысячные митинги с протестами пленных прошли в Томске и его окрестностях. Резолюцию митинговавшие подкрепили отчислением части своего заработка в пользу русских в плену Германии и Австро-Венгрии⁴¹. В советской историографии подобное «благородство» объяснялось пролетарской солидарностью. Но у пленных были более весомые аргументы — угроза репрессий со стороны российских властей. Угрожая ужесточить условия содержания, российские военные добивались от пленных обращения к своим правительствам с требованием улучшить содержание русских военнопленных в центральных державах⁴².

³⁸ Омский вестник. 1917. 25 апр.

³⁹ ЦДНИГО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 59. Л. 3.

⁴⁰ Свой протест пленные направили в Стокгольм на международную социалистическую конференцию (которая так и не состоялась). — Омский вестник. 1917. 17 июня; Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сб. док. В 2 т. Т. 1: Возникновение и развитие революционного движения среди венгерских военнопленных в России. М., 1968. С. 16–17.

⁴¹ Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1959. С. 27–28.

⁴² ГУГШ в мае 1917 г. потребовало разослать во все пункты размещения и работ военнопленных подобное обращение. — ТФ ГАТюмО. Ф. 722. Оп. 3. Д. 44. Л. 30–31.

Стихийной социализации пленных в крае власти также пытались препятствовать. С 1915 г. известны обращения военнопленных о принятии в подданство России. После Февральской революции последовал целый поток таких обращений. Но просителям не помогали ни браки с местными жителями, ни обладание недвижимостью, ни другие обстоятельства, укоренявшие их в Сибири. Интересно, что Временное правительство разрешало вступление в брак как одну из особых льгот для пленных, вступавших добровольцами в союзные армии. Лишь незадолго до Октябрьской революции пленным разрешили начать процедуру приобретения гражданства. Вначале они должны были получить водворительное свидетельство. В нем указывалось, что его обладатель не перестает считаться иностранцем, обязан подчиняться всем законам о них и лишь после пятилетнего срока водворения в России может просить МВД о гражданстве. Временное правительство объявило также об освобождении лиц, захваченных на оккупированных территориях⁴³. В июне оно решило принять в подданство России пленных, состоявших в рядах русской армии или добровольческих частей⁴⁴. Все это были пропагандистские шаги, не имевшие серьезных последствий для большей части военнопленных.

Использование труда пленных после Февральской революции осложнялось неэффективностью процедуры учета и распределения рабочих рук. Ситуацию усугубляло появление все новых организаций, пытавшихся контролировать распределение пленных между работодателями. Формировались различные комиссии, назначались ответственные лица для распределения и перераспределения пленных на подведомственных им территориях. Из-за нехватки свободной рабочей силы к принудительному труду стали привлекать пленных унтер-офицеров. Местные советы в условиях двоевластия присваивали себе право решения вопросов, касавшихся положения пленных и использования их рабочих рук. Поскольку

⁴³ Омский вестник. 1917. 24 марта. Однако когда местные губернские власти стали давать разрешения военнообязанным австрийским подданным на выезд за границу, немедленно последовал запрет, так как австрийское правительство отказалось давать подобные льготы гражданам России. — ГАТО. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 29. Л. 178.

⁴⁴ Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март — октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 146.

пленные находились в распоряжении военных властей, то местные советы и ГУГШ оказались в этом вопросе конкурентами.

Опираясь на поддержку местных советов, пленные добивались условий, сопоставимых с тем, что имели русские рабочие. Главными были требование повышения оплаты их труда до уровня местных рабочих и введения восьмичасового рабочего дня на работах с использованием военнопленных. Однако их фактическая зарплата, даже в случае согласия с указанными требованиями, оставалась урезанной, поскольку их приходилось содержать и охранять, а при назначении на работы преимущество отдавалось гражданам России. Поэтому никакие формальные уступки пленным в «рабочем вопросе» не помогли преодолеть их растущее нежелание работать. Оно подогревалось надеждами на скорейшее окончание войны и возвращение на родину. Пленные подчас не искали убедительных причин, объяснявших нежелание или невозможность трудиться. Нередко они уходили с работ вовсе без объяснения причин или заявляли, что работать им надоело или что они устали.

Одной из причин нежелания пленных работать было предписанное правительством сокращение платы за их труд. Военный министр А.Ф. Керенский в июле 1917 г. приказал установить оплаты труда военнопленных за все виды работ так, чтобы из их зарплаты на руки выдавать от 20 и не более 50 коп., в зависимости от продуктивности работ. Остальные деньги, за вычетом всех расходов по содержанию пленного, должны были предприятиями сдаваться в казну⁴⁵. В условиях инфляции и роста цен на местах предлагались более рациональные меры: не сокращать, а поднимать зарплату пленных, урезая нормы питания. К примеру, в августе 1917 г. в лесничествах Тобольской губернии были сокращены нормы питания пленных, но на четверть увеличен их заработок⁴⁶. Добиваясь подобного, на местах игнорировали распоряжения центральной власти. Однако ничтожный рост заработной платы не позволял серьезно увеличить суммы на содержание военнопленных и их охрану. Преодолеть недовольство властей неповиновени-

⁴⁵ ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 44. Д. 520. Л. 240, 303; Ф. 185. Оп. 1. Д. 453. Л. 48.

⁴⁶ ТФ ГАТюмО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 453. Л. 21–24.

ем пленных и военнопленных, возмущенных низкой оплатой и тяжелыми условиями труда, не удалось.

Сибиряки, использовавшие труд пленных, не принимали необходимых мер к их охране. Случалось, что из экономии несколько работодателей нанимали одного охранника. В конфликты пленных и работодателей охрана не вмешивалась. Нередко местные рабочие, бастуя, по-революционному «снимали» с работ и военнопленных, чему охрана никак не мешала. После февраля 1917 г. пленные, отказавшиеся от работ, как и до революции, подвергались аресту. Но они не только не прекращали саботаж, но даже допускали насилие над представителями власти и стражей, поставленной для надзора за ними. В ответ на непрерывные жалобы на неповиновение военнопленных Временное правительство ограничилось повторением старых «рецептов», стандартно требуя отправлять зачинщиков в концентрационные лагеря. Репрессии не должны были останавливать хода работ на оборону.

Ничего, кроме пустых рассуждений, для восстановления дисциплины пленных ни власти, ни общественные деятели не предлагали. Зато активизировались иностранные делегации Красного креста, различных благотворительных организаций. На общем фоне их помощь и мнение становились все более значимыми для пленных. Большинство пленных осталось равнодушным к революционной пропаганде, а офицеры, опасаясь лишения их преимуществ перед нижними чинами, восприняли ее негативно. Они сообщали иностранным делегациям о революционно настроенных и сотрудничавших с российскими властями военнопленных. Последние всерьез опасались, что об этом станет известно на их родине⁴⁷.

С другой стороны, обвинение в агентурной деятельности в пользу центральных держав стало инструментом давления на левых социал-демократов из пленных еще до Февральской револю-

⁴⁷ Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке (1917–1922). С. 207–208, 213–214. По этой причине уже в годы гражданской войны в России многие бывшие пленные воевали в рядах Красной армии под чужим именем.

ции⁴⁸. До событий 1917 г. военнопленные, сочувствовавшие русским (в основном, славяне), вполне оправданно опасались визитов иностранных делегаций, инспектировавших их положение. После октября 1917 г. пленные-интернационалисты, открыто выступившие в защиту советской власти, панически их избегали. О том, что именно по этой причине интернационалисты покидали весной 1918 г. Москву, сообщала местная пресса. Однако российские власти почти не использовали столь эффективный рычаг давления на неповинующихся пленных. Незадолго до Октябрьской революции МВД подвело итоги своих попыток восстановить надзор за военнопленными: «Деятельность [...] местной власти не дала положительных результатов [...] и военнопленные бегут уже не в одиночку, а целыми партиями [...] пользуются полной свободой и могут направлять безнаказанно свою деятельность во вред нашей родине»⁴⁹.

Октябрьскую революцию, как ранее Февральскую, основная масса военнопленных сочла внутренним делом России, надеясь лишь на скорую отправку на родину⁵⁰. Призывы не вмешиваться в дела русских и добиваться отправки домой были самыми популярными. Однако, вопреки утверждениям советских историков, захват большевиками власти не принес пленным освобождения. Акты советского правительства в их отношении носили пропагандистский характер. Большевики старались расколоть пленных по классовому признаку. Ради этого применялись любые средства. Многократно объявлялось об отмене самого слова «военнопленный», точнее — о его замене определением «иностранные пролетарии». На всех, живших и на родине и в плену своим трудом, было нацелено острое «красной» пропаганды.

Большевики обещали всем мир и свободу. Небольшевистские правительства России открыто выступали за продолжение войны и, значит, препятствовали возвращению пленных на родину. Осо-

⁴⁸ См.: Колмогоров Н.С. Красные мадьяры (Венгерские интернационалисты в борьбе за власть советов в Омске. 1917–1919 гг.). Новосибирск, 1970. С. 13.

⁴⁹ ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 44. Д. 520. Л. 267–268.

⁵⁰ Интернационалисты. Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть советов в России. 1917–1920 гг. М., 1987. С. 381.

бый успех большевистская пропаганда имела среди пленных, традиционно объявлявшихся «враждебными» России. Небольшевистские правительства декларировали «привилегии» славян в русском плену, вызывая недовольство «враждебных» национальностей. Солдаты сочувствовали большевикам потому, что и в плену их офицеры поддерживали свою «классовую привилегированность», что в России было очевиднее, чем на их родине⁵¹. Офицеры трудились только добровольно, имели лучшие условия содержания и жалование. Многие из них вообще никогда не жили в концентрационных лагерях, редко соблюдали положенную дисциплину. В этом свете классовая пропаганда среди рядовых пленных легко находила отклик.

Принятый в декабре 1917 г. декрет советского правительства об освобождении пленных от тюремно-лагерного режима и о предоставлении им свободы передвижения обещал «сорвать цепи неволи с военнопленных всех категорий»⁵². На деле никакого освобождения «всех категорий» не предусматривалось. Более того система лагерного режима переворачивалась с ног на голову: прежде власти использовали пленных офицеров для надзора за пленными нижними чинами, предоставляли им более привилегированные условия содержания; теперь же местные революционные организации военнопленных, нелегально созданные еще при Временном правительстве, получили право брать на себя административное управление концентрационными лагерями.

Большевики официально уравнили пленных офицеров и рядовых в правах, доверив пленным-интернационалистам реализацию этого решения. Военнопленный Ф. Мюнних утверждал, что в Томске пленные-революционеры сразу заставили офицеров соблюдать предписания, установленные для них революционной организацией военнопленных. Уже в январе 1918 г. «к великому изумлению пленных офицеров» красногвардейский батальон военнопленных принял на себя охрану их лагеря и, по словам Ф. Мюнниха, «неог-

⁵¹ См. причины успеха большевистской пропаганды среди пленных: *Volgyes Ivan. Hungarian Prisoners of War in Russia, 1916–1919. In: Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 14. № 1–2. P. 54–85.*

⁵² *Ананьев В.И. Положение иностранных военнопленных и их участие в революционном движении в России // Некоторые вопросы всеобщей истории. Вып. 1. Челябинск, 1965. С. 93.*

раниченной свободе пленных господ-офицеров был положен конец. Охрана из наших товарищей оказалась строгой и дисциплинированной»⁵³.

С осени 1917 г. в Сибири стали формироваться интернациональные красногвардейские отряды. Пленные не только вступали в ряды Красной гвардии, но и занимались военной подготовкой, обучением бойцов, как пленных, так и русских рабочих. Военнопленных, нарушавших дисциплину, теперь чаще всего задерживали не российские стражи порядка, а «Красная гвардия военнопленных». Арестовывались, разумеется, только офицеры, конвоировавшиеся в лагеря для дальнейшего содержания под охраной революционно настроенных товарищей. Привилегированными теперь оказались солдаты и немногие офицеры, перешедшие на сторону пролетарской революции. Согласие Совета народных комиссаров еще в конце 1917 г. на поддержку самоуправления военнопленных, то есть на создание политических, профсоюзных и иных организаций с хозяйственными функциями, строилось на восприятии основной их массы не как обезоруженных врагов, а иностранного пролетариата — союзника русской революции.

Октябрьский переворот способствовал приобретению военнопленными прав российского гражданства, в первую очередь теми из них, которые являлись интернационалистами и проводили революционную работу среди других военнопленных. Именно такие пленные первыми воспользовались известными декретами о праве убежища (от 25 марта 1918 г.) и о приобретении прав российского гражданства (от 3 апреля 1918 г.). Принятие названных декретов не отменило для пленных необходимости до приобретения прав гражданства получить водворительное свидетельство.

Удовлетворение прошений военнопленных в советской России также было несколько упрощено, поскольку решающей стала не «дружественная» национальность пленного, служба в русской армии или добровольческих частях, а просто лояльность к новой власти, хотя, конечно, преимущество получали ее активные сторонники. В апреле 1918 г. Омский военно-окружной комитет объявил, что рассмотрение и разрешение ходатайств военнопленных о

⁵³ Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции. С. 220–221.

вступлении в брак, о получении гражданства Российской республики и о праве проживания на частных квартирах переходит в компетенцию местных советов рабочих и солдатских депутатов⁵⁴.

Власти, существовавшие в России до Октябрьской революции, ориентировались преимущественно на трудовое использование военнопленных. Большевики сделали ставку на сокращение труда пленных. 2–10 декабря 1917 г. в Омске проходил 3-й Западносибирский областной съезд советов рабочих и солдатских депутатов. Он провозгласил переход власти в руки советов на всей территории Западной Сибири. В резолюции этого съезда значилось требование «признать необходимым немедленную замену квалифицированного труда военнопленных рабочим трудом безработных квалифицированных русских рабочих»⁵⁵.

Начав с лозунга замены квалифицированного «пленного труда», советская власть в Сибири сделала ставку на замену любого труда военнопленных русскими рабочими. Принудительное снятие пленных даже с добровольных работ ввиду известной замены их безработными русскими означало фактический отказ от формально признанного права пленных на свободный труд в советской России. В начале 1918 г. военнопленные продолжали переводиться и направляться на работы в различные населенные пункты; они не стали свободной рабочей силой. Такие мероприятия советской власти по уравниванию условий труда и его оплаты для пленных и российских трудящихся, как восьмичасовой рабочий день, представительство в советах, фабзавкомах и проч. преследовали популистские цели. Выгода от использования труда военнопленных казалась большевикам ничтожной, особенно в сравнении с возможным значением при соответствующем идеологическом «перевоспитании» в революционном интернациональном движении.

Революционные настроения пленных привлекали повышенное внимание центральных держав. После заключения Брестского мира на территории советской России начали действовать германские комиссии попечения пленных и беженцев, готовившие их эвакуацию. К подобной деятельности приступили и аналогичные комис-

⁵⁴ Сибирский листок. 1918. 5 апр.

⁵⁵ Омск в дни Октября и установления советской власти (1917–1919 гг.). Сб. документ. мат-лов. М., 1947. С. 61.

сии других центральных держав и нейтральных государств. Их озабоченность революционным движением пленных и открытые протесты игнорировались советским правительством. В этих условиях центральные державы активизировали деятельность своих представительств и комиссий в России, издававших брошюры и листовки, осуществлявших патриотическую и религиозную пропаганду среди пленных. Сотрудники Датского и Шведского Красного креста при поддержке дипломатических миссий Германии и Австро-Венгрии отказывали в помощи революционно настроенным пленным, препятствовали созданию органов самоуправления пленных в ряде лагерей.

Революционно настроенные пленные под воздействием большевистской пропаганды активно противодействовали попыткам изолировать их и отвлечь от классовой борьбы в России. В Сибири быстро оформились их национальные революционные организации, появилась легальная пресса на родных языках. Они начали сотрудничать в таких местных изданиях, как «Знамя революции», «Сибирский рабочий». Возникшие в 1917–1918 гг. организации военнопленных декларировали свой общедемократический характер и объединяли представителей разных национальностей⁵⁶. Такими были и массовые политические форумы пленных — съезды в Москве (всероссийский) и Иркутске (сибирский) в апреле 1918 г. Несмотря на декларативно демократический характер, созданные на этих съездах организации (в Москве — «Интернациональная революционная организация социалистов рабочих и крестьян», а в Иркутске — «Коммунистическая (социал-демократическая) организация иностранных рабочих Сибири») находились под пристальным вниманием и плотной опекой РКП(б).

Партийные организации интернационалистов в Сибири к весне 1918 г. были созданы в Омске, Томске, Иркутске, Чите. В феврале 1918 г. на совещании Всероссийского бюро военнопленных при ЦИК советов и Петроградского социал-демократического комитета военнопленных было объявлено о создании по всей стране револю-

⁵⁶ Данилов В.А. Сотрудничество военнопленных интернационалистов с сибирскими рабочими от февраля до октября 1917 г. // Рабочие Сибири в борьбе за построение социализма и коммунизма (1917–1967 гг.). Кемерово, 1967. С. 52.

ционных организаций (комитетов) или ревкомов военнопленных. Ревкомы создавались для борьбы с контрреволюцией, агитации и пропаганды. Упомянутое совещание высказалось также за создание национальных отделов при Всероссийском бюро военнопленных, а также информационного отдела с целью издания газет, брошюр, листовок. Было поддержано уже осуществлявшееся в Сибири отделение «пленных пролетариев» от офицеров с концентрацией последних в отдельных казармах под строгим надзором и охраной⁵⁷.

Поощряя революционное движение военнопленных, вооружая их, большевики постарались избавиться от организаций, созданных с участием пленных до революции. Наибольшие опасения у большевиков вызывал созданный как часть русской армии, а теперь формально подчиненный французскому командованию Чехословацкий корпус. Весной 1918 г. по соглашению с советским правительством он отправился через Сибирь для эвакуации во Владивосток. Вспыхнувший в конце мае 1918 г. мятеж корпуса положил начало широко-масштабной гражданской войне в России.

* * *

Сражавшиеся в России на фронтах гражданской войны военно-служащие центральных держав выступали уже не как военнопленные. Их уже нельзя было назвать лицами, находившимися во власти пленившей их державы, ограничившей их свободу с целью исключения участия в вооруженной борьбе. Многие пленные фактически потеряли этот статус еще раньше: одни — после Февральской, другие — после Октябрьской революции, став участниками разного рода военных структур вроде Чехословацкого корпуса или красногвардейских отрядов военнопленных. Судьба этих пленных особенно трагична: бывшие союзники, иногда — подданные одного государства, реже — лица одной национальности, они сражались друг с другом за чужие интересы. Однако большинство пленных, не участвуя в войне, сохранило свой фактический статус и в ее условиях.

Временное Сибирское правительство, установившее в конце мая — августе 1918 г. власть на освобожденной от большевиков тер-

⁵⁷ Данилов В.А. Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск, 1972. С. 9; Виноградов С.А. Югославянские военнопленные австро-венгерской армии в России в 1914–1918 гг. // Новый часовой. 1998. № 6–7. С. 76.

ритории, а позже Временное Всероссийское правительство придерживались принципов дореволюционной политики в отношении военнопленных. Однако эти принципы были ужесточены. Считая пленных немцев и венгров опорой большевиков в Сибири, новые власти с июля 1918 г. предписали строго изолировать их в особых лагерях, разрешив размещать в деревнях и станицах только военнопленных «иных национальностей»⁵⁸. Предписывалось немедленно снять пленных с работ в частных предприятиях, если те не обслуживали нужд государства. Принципиальным было положение, что труд пленных расценивается на 25 % ниже местных расценок оплаты труда, а на руки им выдается не более одного рубля⁵⁹.

На территориях, где советская власть была свергнута, пленные-революционеры оказались вне закона. В одни и те же лагеря для военнопленных по всей Сибири, помимо собственно пленных Первой мировой войны, были заключены тысячи большевиков и советских работников, пленных красноармейцев и красногвардейцев. В октябре 1918 г. Всероссийское Временное правительство, пытаясь упорядочить размещение военнопленных, потребовало эвакуировать их из прифронтовой полосы, оставив только рабочие команды, обслуживающие армию⁶⁰. Это же правительство потребовало упразднить все малочисленные (до пяти тысяч человек концентрационные лагеря).

В Сибири планировалось образовать настоящие национальные лагеря для военнопленных и отдельные лагеря для пленных инвалидов и офицеров. Прежде, как правило, названные категории размещались в пределах одного лагеря, но в разных бараках. Временное Всероссийское правительство намечало создать отдельные национальные лагеря: в Омске — для «чехословаков» и карпаторуссов, в Новониколаевске — для поляков, в Томске — для «югославян», итальянцев и эльзасцев, в Петропавловске — для румын, в Славгороде — для украинцев, в Иркутске — для «чехословаков»; офицер-

⁵⁸ Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.). Сб. документов и материалов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. С. 209.

⁵⁹ Там же. С. 210.

⁶⁰ Временное Всероссийское правительство (23 сентября — 18 ноября 1918 г.) Сб. документов и материалов. / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. С. 174.

ские лагеря — в Тобольске и Таре; лагерь для инвалидов — в Павлодаре, Семипалатинске, Барнауле и Бийске⁶¹.

Приход к власти Российского правительства во главе с адмиралом А.В. Колчаком только ужесточил политику в отношении пленных. Сам А.В. Колчак с недоверием относился даже к чехословацким легионерам. Славяне, не пожелавшие вступить в «добровольческие» соединения, как и «враждебные национальности», были заперты в лагерях. Вступившие в такие формирования, но потом отказавшиеся в них воевать, возвращались в концентрационные лагеря⁶². В лагерях даже чехи и словаки содержались раздельно. Специальный лагерь для чехов, не пожелавших вступить в корпус, был в Омске, а для словаков — в Иркутске. Попытки бегства и тем более восстаний в лагерях карались смертной казнью, как это было, например, в 1918–1919 гг. в Тюмени, Омске и Красноярске. В Тюмени были расстреляны пленные венгры, примкнувшие к восстанию мобилизованных в колчаковскую армию; в Омске — за участие в попытке массового побега с помощью подкопа из концентрационного лагеря; в Красноярске — пленные венгры за то, что примкнули к восстанию части русского гарнизона⁶³. Везде казнили организаторов и наиболее активных участников.

Специального органа, который бы занимался только вопросами содержания, распределения на работы и руководства лагерями военнопленных в Российском правительстве не существовало. Отсутствовали необходимые документы по регистрации и управлению пленными. Большевики еще в январе 1918 г. создали специальный орган по делам военнопленных при военном отделе ВЦИК — Центральную коллегия по делам пленных и беженцев с отделами по всей России. В Российском правительстве лишь в марте 1919 г. Совет министров утвердил создание особой комиссии по делам о пленных, проект учреждения которой был написан еще в декабре 1918

⁶¹ Там же. С. 175.

⁶² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 2. Д. 41. Л. 3.

⁶³ См.: *Бушаров Е.А.* Военнопленные Первой мировой войны в Тюмени // *Словцовские чтения-97: Тезисы докл. и сообщ.* Тюмень, 1997. С. 80; *Памятники истории и культуры города Омска: Сб. статей.* Омск, 1992. Вып. 1. С. 26–27; *Гергилева А.И.* Военнопленные Первой мировой войны... С. 77–81.

года⁶⁴. Она должна была заниматься подготовкой эвакуации пленных из России.

Летом 1919 г. пленных чехов и словаков, желавших стать гражданами Чехословацкой республики, было разрешено освобождать, за исключением лиц, отправленных на работы. Работающих можно было освобождать только по окончании работ⁶⁵. Пытаясь расположить к себе «дружественных» пленных, летом 1919 г. им подтвердили право иметь уполномоченных при отправке и раздаче корреспонденции и посылок, беспрепятственного удовлетворения религиозных нужд, жительства на частных квартирах, свободного вступления в брак, занятия трудом по профессии и т.п. При этом попытки «дружественных» пленных самовольно присвоить себе права свободных граждан пресекались⁶⁶.

Летом 1919 г. «чехословацкие» руководители, видя неспособность А.В. Колчака сдержать большевиков, стали колебаться, предлагая придать его правительству более демократический характер. В ответ правительство А.В. Колчака обвинило чехословацкие части в развале, деморализации и совершенной ненадежности. Адмирал лично в телеграмме Ж. Клемансо заявил об опасности оставления чехов в Сибири и просил державы Антанты немедленно начать их постепенную эвакуацию⁶⁷. Эвакуация из России Чехословацкого корпуса и других аналогичных частей оказалась долгожданной не только для самих бывших пленных, но и, как ни странно, для их «белогвардейских» союзников.

С восстановлением советской власти оставшиеся в Сибири пленные надеялись на немедленную отправку домой, а не желавшие возвращаться на родину — на свободную и счастливую жизнь в советской России. Однако лагерные бараки и принудительные работы

⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 325. Л. 2–18.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 2. Д. 41. Л. 124.

⁶⁶ Польский военный комитет в России незаконно выдавал пленным полякам свидетельства о том, что они являются свободными гражданами. Летом 1919 г. по требованию штаба Верховного главнокомандующего такие свидетельства было предписано отобрать и уничтожить (см.: ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 2. Д. 41. Л. 78).

⁶⁷ *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М., 1965. С. 318–320.

для большинства военнопленных де-факто не были отменены. Надежды на скорую отправку домой не оправдались и у пленных, сражавшихся в рядах Красной армии. В феврале 1920 г. Центральная коллегия по делам пленных и беженцев разослала на места свой приказ, предписывавший всем красноармейцам из бывших военнопленных империалистической войны выдавать на общем основании «билет военнопленного». Причем в целях пресечения дезертирства на первой (паспортной) странице должна быть сделана отметка о состоянии данного лица в Красной армии⁶⁸.

В концентрационных лагерях по всей Сибири росло недовольство как материальным содержанием, так и принудительной задержкой в стране, объявившей об освобождении всех военнопленных. Многие военнопленные, прежде вступившие в коммунистическую партию, перед отправкой на родину из нее выходили. Они с удивлением обнаружили, что это сложно сделать, не подвергшись каким-либо взысканиям. В августе 1920 г. в немецкой секции РКП(б) в Омске разгорелись жаркие дебаты по поводу санкций в отношении подобных «военнопленных товарищей». Некоторые предлагали наказывать их в течение 24 часов, но только «если они подлежат какому-либо наказанию за такой проступок против партии»⁶⁹.

Официально санкций за желание покинуть ее ряды РКП(б) не предусматривала. Членство в ней было для всех, в том числе и пленных, добровольным. Однако фактически возобладала точка зрения, что «пленных товарищей», выходящих из РКП(б) перед самой эвакуацией, следует наказывать. Идейные коммунисты, в том числе из самих военнопленных, вообще предлагали относить таких «дезертиров» к шпионам. В любом случае, как только пленный выходил из партии, эвакуация его на родину откладывалась на неопределенный срок. Беспартийному военнопленному было легче вернуться домой, чем бывшему члену РКП(б). Но даже эти санкции не являлись официальными: за желание покинуть ее ряды партия не предусматривала наказаний.

В условиях разрухи и нехватки рабочих рук новые власти поставили эвакуацию пленных на родину в зависимость от хозяйственных нужд Сибири. На военнопленных была распространена

⁶⁸ ГАОО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 17. Л. 8.

⁶⁹ ЦДНИОО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 224. Л. 25.

трудовая повинность. От нее освобождались лишь пленные, получившие удостоверение о зачислении в очередной эшелон на эвакуацию. Пленных, принудительно отправленных на работы, было запрещено принимать обратно в лагерь. Постановлением Сибревкома, принятом в январе 1920 г., их предписывалось направлять на биржу труда как безработных⁷⁰. Трудоспособные пленные возвращались в лагерь только при назначении на работы в лагерных мастерских, а нетрудоспособные передавались местным отделам социального обеспечения.

Содержать не работающих и трудоспособных бывших военнопленных никто не собирался. На территориях, входивших в состав Дальневосточной республики, по постановлению президиума Народного собрания в июне 1920 г. лагеря военнопленных были ликвидированы, пленным объявили свободными гражданами республики и заставили освободить занятые ими помещения, фактически выбросив на улицу⁷¹. В голодной и разоренной стране пленные могли рассчитывать лишь на себя и иностранную помощь. Миссии Красного креста и благотворительные организации не прекращали свою деятельность в Сибири и после восстановления в ней советской власти. Однако, как и прежде, эта помощь была не более чем каплей в море. Родные пленных — подданные стран, проигравших мировую войну и переживших революции, помочь просто не могли.

Эвакуация военнопленных на родину формально была возобновлена большевиками уже осенью 1920 г. От организованных и сражавшихся против большевиков бывших военнопленных власти постарались избавиться в первую очередь. Но поскольку почти все оставшиеся пленные прежде были принудительно распределены на разного рода работы, вначале им предстояло уволиться с них. Это касалось и красноармейцев из бывших пленников империалистической войны. Увольнением пленных с работ занимались местные уездные комитеты по труду, куда военнопленным необходимо было обратиться, чтобы заявить о своем желании вернуться на родину⁷². Только получившие разрешения от комитетов по труду

⁷⁰ Так в документе. Имеются в виду, видимо, местные органы по распределению рабочей силы, куда пленных фактически и направляли (см.: ГАОО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 58. Л. 22–23).

⁷¹ Чащин А.И. Сретенск. С. 135.

⁷² ГАОО. Ф. 440. Оп. 1. Д. 17. Л. 6.

могли рассчитывать на выдачу проездных документов, а также суточных денег.

Пленные, боясь затягивания процедуры отправки на родину, продолжали самовольно покидать работы. Подобному поведению способствовало и то, что новые власти осенью 1920 г. предписали всем советским учреждениям, предприятиям, хозяйствам и частным лицам немедленно освободить всех работающих у них военнопленных, желающих отправиться на родину. Пленные должны были поступить в распоряжение местных уездных комитетов по труду⁷³. Одновременно было объявлено и о санкциях в отношении «граждан-военнопленных» за уклонение от работ и побеги⁷⁴.

Официально эвакуация пленных из России завершилась 15 июля 1925 г. Задержавшиеся позже этого срока лишались права на бесплатную отправку домой. В виду окончания репатриации военнопленные, по каким-либо причинам не успевшие покинуть Россию, автоматически переводились в разряд желающих получить гражданство СССР. Они должны были получить вид на жительство, а лица соответствующего возраста подлежали взятию на военный учет⁷⁵. Так заканчивалась долгая история пребывания военнопленных Первой мировой войны в Сибири и России в целом.

Пленные не оставили заметного следа в экономической и культурной жизни Сибири. Однако сам факт их пребывания здесь был явлением ярким и необычным. Их положение в Сибири отличалось минимальной строгостью режима содержания. Но суровый климат и политическая катастрофа в пленившей их стране делали существование тяжелым. Заложники своего положения, пленные были втянуты в решение внутренних проблем России. Разобщенные по социальным и национальным признакам, на протяжении всего времени они оставались объектом манипулирования различных политических сил. Для всех военнопленных, желавших поскорее покинуть Сибирь или решивших остаться здесь навсегда, плен стал мучительным испытанием, растянувшимся на долгие годы.

⁷³ Там же. Л. 17.

⁷⁴ Пленным объявлялось, что за побег они будут посылаться на принудительные работы и подлежат отправке на родину в последнюю очередь. — ГАОО. Ф. 440. Оп. 1. Д. 17. Л. 6.

⁷⁵ ГАОО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 12. Л. 75, 91.

Д.Л. Шереметьева

**БОЛЬШЕВИКИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ
«ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ» СИБИРИ
(июнь — ноябрь 1918 г.)**

Одной из непреложных аксиом политической и военной борьбы является наиболее полное знание своего противника. Трудно рассчитывать на победу без адекватного представления о количественных и качественных характеристиках противостоящего тебе субъекта. Особую значимость эта прописная истина имела в экстремальной обстановке гражданской войны, отличавшейся к тому же исключительным динамизмом и непредсказуемостью, когда в соперничавших лагерях стремительно менялось соотношение социально-политических и вооруженных сил, структура органов государственной власти, их политическая линия, формы и методы ее реализации, уровень социальной напряженности и т.п.

Полномасштабная гражданская война в России развернулась в результате вооруженного выступления Чехословацкого корпуса, начавшегося на востоке страны в конце мая 1918 г. Его части совместно с антибольшевистскими вооруженными формированиями в течение трех летних месяцев свергли советскую власть на территории Сибири. Лагерь контрреволюции составляли разнородные общественно-политические силы, объединившиеся под флагом борьбы с большевиками.

Однако каковы были представления различных политических групп, партий и институтов об этом противнике? Менялись ли они с течением времени и под влиянием обстоятельств? Анализ знаний, мнений, суждений, стереотипов и мифов о большевиках на начальном этапе гражданской войны, в период так называемой «демократической контрреволюции», позволит приблизиться к более точному пониманию того, что представлял собой этот антибольшевистский конгломерат. Принципиально важно получить ответ на вопрос о том, смогли ли противники большевиков распознать, а затем создать реалистический образ противостоявшего им врага, предназначенный для внедрения в массовое сознание населения, превратить его в инструмент пропаганды и государственной политики? Или мобилизационные возможности концепта «большевик» после свержения советской власти в Сибири оста-

лись не использованными, тем самым не дав должного консолидирующего эффекта в лагере контрреволюции?

В историографии выявлению и анализу основных представлений о большевиках периода гражданской войны в России, бытовавших в лагере их противников, уделено сравнительно мало внимания. Этой тематике посвящен раздел монографии Л.А. Молчанова. Кроме того, она нашла отражение в статьях В.В. Журавлева и Т.В. Кребс, а также в диссертации Д.Н. Шевелева.

Опираясь на единичные сообщения нескольких антибольшевистских газет, выходивших на различных территориях бывшей Российской империи во второй половине 1918 г., Л.А. Молчанов попытался вычленить ключевые мифологемы «белых» о «красных». Главные из них сводились к следующему: власть большевиков скоро падет, так как они пособники германских спецслужб, чудовища, возглавляемые сумасшедшим фанатиком В.И. Лениным, и народ их не поддерживает¹. Однако тем самым Л.А. Молчанов зафиксировал лишь несколько разрозненных элементов калейдоскопа представлений о большевиках, циркулировавших в лагере контрреволюции.

Более «прицельно», на материалах трех омских газет («Правительственный вестник», «Сибирская речь» и «Русская армия») тему «Советская Россия в изображении белогвардейской печати при Российском правительстве А.В. Колчака» попыталась исследовать Т.В. Кребс². Она препарировала официозную антибольшевистскую пропаганду на эмоциональную, информационную и оценочную составляющие. В результате был сделан вывод о ее косности и противоречии с действительностью.

В статье В.В. Журавлева «Правовая репрезентация государственной власти сибирской контрреволюции в 1918 г.»³ были про-

¹ Молчанов Л.А. Газетный мир антибольшевистской России (октябрь 1917 — 1920 г.). М., 2001. С. 110–114.

² Кребс Т.В. Советская Россия в изображении белогвардейской печати (по материалам омских газет) // Омский научный вестник. Серия: общество, история, современность. № 3 (78). Омск, 2009. С. 36–38.

³ Журавлев В.В. Правовая репрезентация государственной власти сибирской контрреволюции в 1918 г. // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Сб. науч. статей / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2009. С. 3–20.

анализированы декларативные акты Сибирской областной думы, Временного правительства автономной Сибири, Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства, Совета министров Временного Сибирского правительства и Временного Всероссийского правительства. Автор диагностировал изменение набора политических ценностей, которыми оперировала государственная власть восточной ветви контрреволюции. В частности, образ «врага» в качестве гарантии своей легитимности использовали все антибольшевистские правительства, но если одни изображали большевиков как врагов революции и демократии, то другие делали акцент на предательстве ими национальных интересов и «разрушении русской государственности». В.В. Журавлев впервые в историографии обратил внимание на то, что образ «врага» не был единым, монолитным феноменом в контрреволюционном движении, а напротив, отличался подвижностью и неоднозначностью.

В диссертационном исследовании Д.Н. Шевелева «дискурсу политической пропаганды белой Сибири в июне 1918 — январе 1920 г.» посвящена целая глава. В качестве центральной идеи в «политической программе Белого Востока» он выделил «бескомпромиссную борьбу с большевизмом»⁴, не раскрыв, однако, что «белые» понимали под «большевизмом». При этом автор доказал, что основным механизмом изображения врага было использование противопоставлений архетипов, бинарных оппозиций «Мы» — «Они».

Можно сказать, что исследователи пока робко проявляют интерес к изучению представлений о противнике, существовавших в антибольшевистском движении на востоке России. До сих пор не исследованы ключевые вопросы данной темы: содержание знаний, мнений, суждений и мифов о большевиках, бытовавших в политических группах и партиях, и их динамика; формы, методы и результаты использования представлений о большевиках в лагере контрреволюции; применение образа «врага» органами государст-

⁴ Шевелев Д.Н. Осведомительная работа антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы гражданской войны (июнь 1918 — январь 1920 г.). Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Томск, 2012. С. 45.

венной власти в идейно-информационной борьбе и практической деятельности.

* * *

В революционную эпоху складывание представлений либерально-радикальной общественности бывшей Российской империи о большевиках происходило в русле политической традиции, под влиянием конкретных событий и явлений. Крайне негативное отношение со стороны либеральных, демократических и социалистических политических групп и партий к РСДРП(б) как к агрессивному и непредсказуемому актору получило мощный импульс весной — летом 1917 г.

Во-первых, в контексте истерии выискивания «предателей родины», «внутренних врагов», препятствовавших победам российской армии в ходе Первой мировой войны, ажиотаж вызвало сообщение о том, что «через Германию в plombированном вагоне в Россию проехал Ленин с единомышленниками». В прессе муссировались подробности — «не просто проехал через Германию, а взял на себя известные обязательства перед германским правительством. Он [...] заявил, что будет „требовать“ в России освобождения австро-германских пленных»⁵. С этого скандала началось разыгрывание «немецкой карты» в отношении большевиков. Тем более, что сюжет о предательстве родины «удачно» накладывался на интернационалистические позиции партии, так называемый «циммервальдизм» ее лидеров. Тем более, что первым пунктом апрельских тезисов «О задачах пролетариата в данной революции» В.И. Ленина была критика империалистической войны, «революционного оборончества» и призыв к братанию на фронте.

Во-вторых, в действиях и личности лидера большевиков политические оппоненты с самого начала улавливали беспрецедентную нацеленность на власть и авторитарные замашки. Безапелляционный отказ в поддержке Всероссийскому Временному правительству и «разъяснение полной лживости всех его обещаний», курс на гражданскую войну, прагматичное отношение к советам депутатов и идее Всероссийского Учредительного собрания, агрессивная риторика и провокация июльских антиправительственных выступле-

⁵ См., напр.: *Колосов Евгений*. Красноярские соц[иал]-дем[окра]ты о моих «инсинуациях» // Наш голос (Красноярск). 1917. 13 апреля.

ний в 1917 г. — все это клеймилось как «преступления против революции», предательство демократии и подготовка к «грядущему самодержавию Его Императорского Величества Ленина I». Аналогии с глубоко укоренившимися в сознании либеральной и радикальной общественности негативными образами «самодержавия», «царизма» и «монархии» были симптоматичны. Тем самым большевиков ставили в один ряд со злейшим «врагом народа».

Так в революционную эпоху в России рождался многоликий образ большевиков как «врагов родины», «врагов революции», «врагов демократии» и «врагов народа». Он вместил в себя апелляцию к национальным и демократическим ценностям, символам Великой Французской революции и сконструированными контрэлитой представлениям о политической системе бывшей империи. Поэтому такой образ потенциально способствовал объединению против большевиков разнородных политических групп, партий и общественно-политических сил.

Обобщенное негативное представление о большевиках быстро закрепились в риторике соперничавших с ними политических групп и партий, но использовалось зачастую ситуативно, непоследовательно. Из-за этого оно проигрывало тому образу «врага», который в противовес создавали о своих оппонентах и противниках сами большевики. Последние выстраивали обобщенные представления о противниках комплексно, базируясь на концепции классовой борьбы. Образ представлял собой своеобразную пирамиду, в основании которой лежал социальный уровень (представления о классовых врагах), над ним надстраивались политический (враждебные партии, организации и институты) и личностный. Такой подход обеспечивал последовательность и жесткость в насаждении образа в массовое сознание населения и одновременно допускал известную гибкость, так как набор и внутренняя иерархия «врагов» могли меняться в зависимости от политического момента⁶.

Борьба против большевиков приняла новое качество в результате успеха Октябрьской революции. Вчерашние политические

⁶ См.: Сазонов Е.А. Образ «врага народа» в партийной и государственной политике большевиков (июль 1917 — июль 1918 г.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002.

оппоненты кадетов, эсеров и меньшевиков узурпировали государственную власть и стали противниками первого порядка. Большевики проводили дискриминационно-репрессивную политику в отношении оппозиционных политических групп и партий, ограничили свободу слова, приступили к формированию монопольной партийно-государственной системы средств массовой информации и развернули агрессивную пропаганду. Борьба на информационно-идеологическом поле резко обострилась, приобрела жесткий, бескомпромиссный характер.

Советская власть в представлениях политических противников была отождествлена с деятельностью партии большевиков и личностями В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого. Однако сам термин «советская власть» для характеристики того, что происходило в стране в ноябре 1917–1918 г., использовался оппозицией крайне медленно. Кадеты, эсеры и меньшевики предпочитали применять термины «большевизм», «большевицкая власть», поскольку значение «советов» как символа демократической революции было прочно укоренено в политической культуре российских партий. Особенно болезненно использование советов большевиками для захвата власти переживали эсеры и социал-демократы. Они развернули борьбу за перевыборы советов депутатов, стремясь вытеснить из них большевиков, сохранить представительную функцию и демократичный характер этих органов.

При этом сами большевики в представлениях их противников все реже рассматривались в качестве членов политической партии. Их стали «видеть» как власть предрержащую группу, объединенную целью «все отобрать и поделить», и/или даже целым социокультурным явлением сродни «пугачевщине».

После Октябрьской революции всесторонней критике подверглась политика Совета народных комиссаров и действия представителей советской власти на местах. Разгон Всероссийского Учредительного собрания и органов местного самоуправления, попытки подчинить административному контролю профсоюзы, сворачивание гражданских свобод, незаконные аресты, гонение на оппозиционные политические партии, введение смертной казни, возрождение бюрократического аппарата в лице местных комиссаров, карательные экспедиции красноармейцев в деревню за хлебом, — все это оценивалось не иначе как «возвращение самодержавия» и

«правительственный деспотизм»⁷. Представление о большевиках как «врагах революции», поправших демократические ценности, получило обильную свежую подпитку.

Однако наиболее мощным стимулом для объединения оппозиционных большевикам общественно-политических сил стали Декрет о мире и сепаратный Брестский мирный договор, заключенный Советом народных комиссаров. «Похабный», «несчастный» Брестский мир с аннексиями и контрибуциями задел самые глубокие национальные чувства населения страны. Поэтому на первый план в развитии представлений о большевиках вышел образ «внутреннего врага», базирующийся на национальных ценностях, а слово «большевизм» быстро стало нарицательным, синонимом предательства родины и преступлений против народа.

В Сибири установление и упрочение власти большевиков происходило медленнее, чем в центре России, а их действия по реализации политической программы партии не были столь решительными. При этом негативное отношение к большевикам усугублялось маргинальным, полууголовным составом представителей власти и широким применением насильственных методов. Как следствие, в представлениях о противнике особенно ярко выделялись такие черты как грубость, жестокость и примитивность. «Наш доморощенный большевизм — это именно то несуразное „рыло“, которое никогда социализма не нюхало, слыхало о нем только одно — „все мое — мое и все твое — мое“ — это упрощенный острожный социализм и за этой-то ясной и простой формой на страх и ужас обывателя пошла огромная рать темных людей»⁸.

Положение на востоке России кардинально изменилось в результате антибольшевистского переворота. В конце мая — июне 1918 г. большинство крупных городов Сибири перешли под управление Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства. Его члены, эсеры-максималисты, провозгласили высшими целями спасение завоеваний революции и восстановле-

⁷ Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 — май 1918 г.). Из истории идейно-политической борьбы. Томск, 1994. С. 170.

⁸ Крутовский В.М. Областное обозрение // Сибирские записки (Красноярск). 1918. № 1–2. С. 57.

ние национальной независимости страны⁹. В их декларации «Ко всему населению Западной Сибири» от 1 июня 1918 г. говорилось: «Западная Сибирь очищена от большевиков. Они бегут, унося с собою все, что можно захватить. Ядро нового самодержавия уничтожено. Сибирь вновь свободна». Подчеркивался «антиреволюционный» характер свергнутой советской власти. Именно в качестве противостоявшей этому «новому самодержавию» легитимировалась новая власть¹⁰.

Однако Западно-Сибирский комиссариат не спешил с отменой декретов Совета народных комиссаров, постепенно возвращая в практику правовые нормы периода Февральской революции. Вплоть до конца июня 1918 г. в самоуправлениях Томска, Красноярска, Барнаула и ряда других городов Сибири оставались в качестве гласных большевики и их сторонники. Только 27 июня 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат принял постановление «Об устранении представителей антигосударственных партий из органов самоуправления», в котором признал недопустимым пребывание в составе органов местного самоуправления представителей тех партий и организаций, которые продолжают вести вооруженную борьбу против Временного Сибирского правительства¹¹. Вместе с тем его члены «считали изоляцию большевиков вполне достаточной мерой для обезвреживания»¹² и даже допускали существование этой партии в качестве идейно-политического течения.

Западно-Сибирский комиссариат 30 июня 1918 г. передал власть пяти министрам Временного Сибирского правительства, избранным Сибирской областной думой в конце января 1918 г. По политическим позициям они были значительно «правее» членов Западно-Сибирского комиссариата и в качестве приоритетной задачи выдвинули укрепление законности и порядка. В репрезента-

⁹ Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая — 30 июня 1918 г.). Сб. док. и мат. / Сост., отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2005. С. 58.

¹⁰ Журавлев В.В. Правовая репрезентация государственной власти сибирской контрреволюции... С. 11.

¹¹ Западно-Сибирский комиссариат... С. 152.

¹² Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.). Сб. документов и материалов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. С. 93.

тивной риторике прозвучали другие акценты. В воззвании «Ко всем гражданам Сибири» свергнутая советская власть характеризовалась ими уже не как «большевистское самодержавие», а как «большевистское иго», то есть в терминах не социальной, а национальной борьбы. В тексте были использованы образы наведения порядка — «разбив банды красноармейцев», «борьба с темными силами, разрушившими русскую государственность». Совет министров Временного Сибирского правительства решительно отказался от революционаристской риторики, выдвинув на первый план национальные, государственные и патриотические лозунги¹³.

В отношении так называемого «большевистского наследия» Совет министров Временного Сибирского правительства действовал более жестко и решительно. В начале июля 1918 г. он принял постановления «Об аннулировании декретов советской власти» и «О недопущении советских организаций»¹⁴. Тем самым было продемонстрировано решительное отрицание практики советско-большевистского режима, а образ «врага» более последовательно реализовывался в политике Временного Сибирского правительства. Однако Совет министров не решился выпустить постановление об отношении к большевикам-коммунистам, в котором «партия признавалась антигосударственной и деятельность ее законом запрещалась»¹⁵. Более того, министр туземных дел М.Б. Шатилов, эсер по партийной принадлежности, высказался против¹⁶, выражая не только личное мнение, но и позицию Сибирского краевого комитета партии.

Политика Западно-Сибирского комиссариата и Совета министров Временного Сибирского правительства летом 1918 г. в отношении большевиков строилась на основании представлений, бытовавших у их членов, представлявших различные общественно-политические силы в антибольшевистском движении. Специального органа или учреждения, которые бы целенаправленно занимались сбором и анализом информации о военно-политическом противнике, создано не было. Поэтому государственная власть

¹³ Журавлев В.В. Правовая репрезентация государственной власти сибирской контрреволюции... С. 14–15.

¹⁴ Временное Сибирское правительство... С. 118, 126.

¹⁵ Там же. С. 99.

¹⁶ Там же. С. 673.

оказалась в определенной зависимости от мнений и представлений о большевиках, существовавших у представителей идейно-политических течений, поддерживавших ее.

В условиях свержения советской власти летом 1918 г. активизировалась деятельность крупнейшей партии «левого» фланга общественно-политических сил Сибири — партии эсеров. Широко развернули работу организации социал-демократов, состоявшие в основном из меньшевиков-центристов, которые во время господства советской власти существовали в условиях «допустимой легальности»¹⁷. Возобновили легальную деятельность местные комитеты партии народной свободы, объявленной Советом народных комиссаров 11 декабря 1917 г. вне закона. Начали проявлять себя представители трудовой народно-социалистической партии и социал-демократической группы «Единство». Восстанавливались органы местного самоуправления. Динамичнее и разнообразнее стала легальная общественно-политическая жизнь в городах Сибири.

Летом 1918 г. в Сибири органы государственной власти декларировали и соблюдали свободу слова. Поэтому в крае резко выросло количество газет и журналов за счет возобновления выхода ранее закрытых большевиками эсеровских, кадетских и меньшевистских повременных органов, учреждения новых партийных изданий, увеличения количества частных, кооперативных и профсоюзных газет, появления повременных органов местного самоуправления. Кроме того, в июне — июле 1918 г. стали издаваться газеты административных органов управления сибирской контрреволюции¹⁸.

Именно периодическая печать как наиболее доступное и широко распространенное средство массовой информации стала основным инструментом идейно-политической и пропагандистской деятельности различных общественно-политических сил. На ее

¹⁷ См.: *Макарчук С.В.* РСДРП(о) в Сибири. 1917–1918 гг. // Гражданская война в Сибири. Сб. докладов. Красноярск, 1999. С. 68–71; *Ненароков А. П., Павлов Д. Б., Розенберг У.* В условиях официальной и полуофициальной легальности // *Меньшевики в 1918 г. М., 1999.* С. 22.

¹⁸ См.: *Шереметьева Д.Л.* Газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая — середина ноября 1918 г.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011.

страницах печатали не только новостные сводки, публицистические статьи, очерки и фельетоны, но и воззвания, обращения, протоколы и резолюции съездов, конференций, совещаний, материалы публичных лекций, интервью с политическими деятелями и пр. Поэтому пресса служит самым информативным, полным и достоверным источником для изучения представлений контрреволюции о большевиках.

Реакция всего спектра идейно-политических течений в лагере контрреволюции на свержение советской власти была определенной и однозначной. В большинстве воззваний, заметок и статей при освещении этой темы присутствовал мотив «освобождения»: «пал строй большевистского насилия и произвола»¹⁹, «ряд областей Сибири освобождены от большевистского ига»²⁰, «власть большевиков пала, гражданин облегченно вздохнул и опять вышел на улицы»²¹, «наши выбили большевистские банды», «население приветствует освободительные действия»²² и т. п.

В связи с успешно развивавшимся антибольшевистским переворотом в прессе оперативно публиковались разнообразные и, как правило, достаточно полные сведения о ходе боевых действий на территории Сибири. Летом 1918 г. военные предоставляли значительное количество достоверной информации по этому вопросу, особенно по сравнению с предшествующим периодом, когда по военно-цензурным соображениям большая часть военной информации была запрещена к печати²³.

При этом в газетах Сибири акценты делались на фактах «позорного бегства большевиков». Статьи в крупнейших либеральных и социалистических общественно-политических газетах края «Сибирской жизни» («Свержение советской власти в Томске», «Как они убегали», «К истории переворота»), омской «Заре» («На „Андрея Первозванном“»), «Свободной Сибири» («Падение большевизма», «Наши аргонавты», «Рассказы беженцев из Енисейска», «Новая страна», «Крах большевизма»), «Голосе народа» («По го-

¹⁹ Голос народа (Томск). 1918. 2 июня.

²⁰ Заря (Томск). 1918. 5 июня.

²¹ Алтайский луч (Барнаул). 1918. 20 июня.

²² Народная свобода (Барнаул). 1918. 9 июля.

²³ Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 19.

родам и весям», «К бегству большевиков из Томска»), «Алтае» («События в Томске», «Красноярск очищен от большевиков»), барнаульской «Народной свободе» («Как они бежали»), «Нашей мысли» («Большевики в Нарыме», «О друзьях народа») содержали подробности того, как руководители советов Красноярска, Томска и Тобольска и члены их исполнительных комитетов расхищали городские финансы, захватывали продовольствие и пытались скрыться на реквизированных пароходах²⁴. После множества сообщений о вывозе большевиками денег, золота и прочих ценностей из населенных пунктов Сибири в некоторых статьях журналисты сделали вывод, экстраполировав факты, что большевики ограбили большинство городских и государственных касс в крае²⁵.

На основании достоверных сведений и вытекавших из них суждений большевиков изображали слабым, трусливым и своекорыстным противником. Советская власть в Сибири стремительно терпела военное поражение, основной причиной чего если не называлась, то по крайней мере подразумевалась организационная и морально-психологическая слабость «красных в сравнении с чехобелыми»²⁶. То есть уничижительные представления о большевиках в лагере контрреволюции выводились из объективных фактов, а потому были хорошо узнаваемы и прочно утверждались в сознании общественности.

Однако в потоке торжествующих материалов по поводу свержения советской власти в Сибири профсоюзные газеты «Рабочий путь», «Рабочее знамя» и социал-демократические издания «Заря» и «Алтайский луч» пытались «держаться» лояльный тон. В меньшевистской «Заре» «в целях всестороннего освещения событий» была опубликована статья большевика В.Д. Вегмана «Последнее со-

²⁴ Сибирская жизнь (Томск). 1918. 1, 2 и 4 июня; Заря (Омск). 1918. 20 июня; Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 22, 27, 28 июня, 19, 23, 24 июля; Голос народа (Томск). 1918. 4, 8 июня; Алтай (Бийск). 1918. 23, 28 июня; Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 5, 7 июня; Наша мысль (Томск). 1918. 30 июня.

²⁵ Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 28 июня; Заря (Омск). 1918. 21 июня; и др.

²⁶ *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 385.

вещание старой и первый час новой власти»²⁷. Автор довольно обширного материала, присутствовавший на последнем заседании томского совдепа, выражал несогласие с обвинениями в воровстве из городской казны и в намерении уничтожить запасы продовольствия. В.Д. Вегман использовал нейтральную лексику и тон случайного очевидца событий. Помимо этого, редакторские коллективы профсоюзной газеты «Рабочее знамя», социал-демократических «Зари» и «Алтайского луча» размещали обличительные материалы о карательных мерах военных против большевиков, незаконных арестах и недостатках в работе следственных комиссий²⁸, затушевывая ликование остальных изданий по поводу смены власти.

Свержение советской власти, которая летом 1918 г. в основном именовалась как «большевицкая», дало возможность ее противникам беспрепятственно и последовательно выразить представления о характере и сущности советско-большевистского режима. Практически все материалы о большевиках, опубликованные в периодической печати либералов и так называемых «правых» социалистов (части эсеров, членов трудовой народно-социалистической партии и социал-демократической группы «Единство») летом 1918 г. можно охарактеризовать как «беспощадное разоблачение»²⁹. Представители этих идейно-политических течений развернули пропаганду против большевиков, основы которой сложились еще в ноябре 1917 — мае 1918 г., и включали в себя критику насильственного захвата власти, разгона Всероссийского Учредительного собрания, «позорного» Брестского мира и реквизиционной продовольственной политики советской власти³⁰.

²⁷ Последнее совещание старой и первый час новой власти // Заря (Томск). 1918. 9 июня.

²⁸ Ликвидация большевизма // Рабочее знамя (Томск). 1918. 26 июня; Несколько слов о следственной комиссии // Рабочее знамя (Томск). 1918. 2 июля; На ту же тему // Заря (Томск). 1918. 9 июня; После переворота // Заря (Томск). 1918. 18 июля; Дело о расстрелах // Алтайский луч (Барнаул). 1918. 26 июня.

²⁹ Сибирская речь (Омск). 1918. 27 июня.

³⁰ См.: *Косых Е.Н.* Периодическая печать Сибири... С. 155–174.

На страницах газет либералов и «правых» социалистов критиковались практически все аспекты деятельности большевиков как представителей власти. Публицисты определяли политику советской власти так: «Руками обманутого народа они [большевики. — *Д.Ш.*] делают все, чтобы разрушить и поработить Россию». Все декреты Совета народных комиссаров квалифицировались как бред³¹. Аргументированной критике с точки зрения либеральных правовых норм подверглись «Декрет о суде», «Декрет об отмене права наследования», «Декрет о печати», нарушавшие гражданские свободы³². «Декрет о браке» и «Декрет об отделении Русской православной церкви от государства» обличались как аморальные³³.

Экономическая политика советского правительства была признана в антибольшевистской прессе вредительской. Этот вывод следовал из того, что в результате деятельности большевистской власти в Сибири произошел повсеместный развал промышленности, финансовой сферы и торговой системы³⁴. Острой критике подверглись меры по экспроприации и национализации большевиками частной собственности³⁵, работа советских продовольственных органов³⁶. Из мероприятий большевиков в сфере экономики их противники особо выделяли введение рабочего контроля над производством. Его называли «одной из главных приманок большевизма», результаты осуществления которой на предприятиях оказались губительными для промышленности и транспорта. С опорой на мнения инженеров и администраторов предприятий делались выводы о том, что в фабрично-заводских комитетах не было ни одного достаточно образованного человека для управления

³¹ Советские декреты // Сибирская речь (Омск). 1918. 10 июля; Свободный край (Иркутск). 1918. 18 июля.

³² Отмена декретов // Сибирская жизнь (Томск). 1918. 10 июля; Правовой идиотизм // Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 6 авг.

³³ Сибирская речь (Омск). 1918. 13 июля; Алтай (Бийск). 1918. 29 июня.

³⁴ Сибирская жизнь (Томск). 1918. 28 июля; Свободный край (Иркутск). 1918. 15 сент.

³⁵ Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 4 июня; Свободный край (Иркутск). 1918. 25 авг.

³⁶ Заря (Омск). 1918. 2 июля.

производством и «кривой привел слепого» к почти полной остановке производства в крае³⁷.

Политика большевиков была постоянным объектом критики в периодической печати либералов и «правых» социалистов. Однако самыми сильными аргументами против советско-большевистской власти были не ее идейные установки и политические проекты, а социальный состав и методы работы советских управленцев.

Летом 1918 г. в прессу попали сведения о члене исполнительного комитета совета депутатов Красноярска М.И. Максимове, который подвергся аресту инспекцией уголовного розыска за участие в вооруженном ограблении³⁸. Омская «Заря» сообщила о том, что председателем Атбасарского уездного совета депутатов был «малограмотный и невежественный торгаш М. Ващенко», которого обвиняли в растратах и казнокрадстве даже местные большевики³⁹.

В июле 1918 г. в сибирской прессе появилась серия статей Алфорова под названием «Семипалатинские большевики». В ней были даны характеристики членам исполкома Семипалатинского совдепа: «Военнопленный немец Вейцвагер — углубитель революции, прятавшийся за спиной красноармейцев; фон Феттер — патентованный интернационалист, военнопленный, пойманный на заимке под печкой; Трусов — глупый костыльник, полное ничтожество; Лягин — отброс студенчества, вылезший из арестантского халата; Молоствов — равнодушный к чужой собственности пьяница, издевавшийся над офицерами; Кривошеков — бывший монархист, который пьет иноземцевы капли»⁴⁰. В таких экспрессивных выражениях был составлен социальный портрет советских руководителей Семипалатинска.

Тобольская газета «Сибирская земская деревня» опубликовала справку о судимости за кражу и растрату председателя Тюменско-

³⁷ Сибирская жизнь (Томск). 1918. июня; Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 16 июня; Сибирская речь (Омск). 1918. 29 июня; Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 4 июля; Народная свобода (Барнаул). 1918. 11 июля.

³⁸ Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 27 июня.

³⁹ Заря (Омск). 1918. 19 июня.

⁴⁰ Свободная речь (Семипалатинск). 1918. 1 июля; Сибирская речь (Омск). 1918. 4 июля.

го ревтрибунала и редактора «Известий Тюменского совета рабочих и солдатских депутатов» Шелихова⁴¹. Иркутские газеты поместили ряд нелицеприятных материалов о «просветительской» деятельности Пантелеймона и Милицы Парняковых, чьими стараниями в начале 1918 г. расхищению подверглась городская духовная семинария⁴².

В качестве доказательства уголовного характера деятельности большевиков как представителей власти были опубликованы свидетельства о расхищении муниципального и частного имущества, в том числе финансовых средств, продовольствия, орудий и средств производства, лекарств, мебели и пр.⁴³.

Перечисление такого рода заметок можно продолжить. Однако в данном случае важно, что подобные материалы были распространены, типичными и не противоречили реальному социокультурному облику «среднего» представителя советско-большевистской власти в 1918 г.⁴⁴ На этом основании за большевиками прочно закрепились характеристика «уголовники и аферисты».

В качестве основных методов проведения политики советского правительства антибольшевистская пресса выделяла «запугивание», «репрессии» и «заложничество». Журналисты приводили документы, свидетельства очевидцев, а также использовали слухи о большевистских насилиях в отношении мирного населения. Информационно насыщенный комплекс материалов, в которых повествовалось о случаях грубого обращения, избиения и незаконных арестов гражданского населения в Сибири зимой — весной 1918 г., был опубли-

⁴¹ Сибирская земская деревня (Тобольск). 1918. 18 июля.

⁴² Свободный край (Иркутск). 1918. 23 июля.

⁴³ Сибирская жизнь (Томск). 1918. 6 июня; Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 7 июня, 18 июля; Сибирская речь (Омск). 1918. 28 июня; Алтай (Бийск). 1918. 28 июня; Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 3, 9, 14 июля, 8, 25 авг.; Наша мысль (Томск). 1918. 30 июня; Свободный край (Иркутск). 1918. 16, 17 июля; Сибирь (Иркутск). 1918. 13 августа; и др.

⁴⁴ См.: *Ларьков Н.С.* Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 36–39, 218, 223; *Шиловский М.В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 150–152.

кован в газетах «Сибирская жизнь», «Сибирская речь» и «Свободная Сибирь»⁴⁵.

В либеральной прессе нашли освещение организованные большевиками насилия против религиозных деятелей⁴⁶. В частности, достоянием общественности стали убийство большевиками епископа Тобольского и Сибирского Гермогена⁴⁷, арест омского архиепископа Сильвестра и убийство его келейника⁴⁸. В августе 1918 г. журналист красноярской кадетской газеты «Свободная Сибирь» составил список под названием «Жертвы за церковь», в котором насчитывается 60 фамилий убитых большевиками священно- и церковнослужителей⁴⁹.

В качестве яркого примера большевистского террора сотрудник новониколаевской газеты «правых» социалистов «Народная Сибирь» М.П. Затонский, публиковавшийся под литературным псевдонимом А. Батрак, в статье «Последние дни Совдепии в Сибири» перечислил приказы коменданта Тюмени В.И. Шебалдина с 15 июня по 19 июля 1918 г., когда город был очагом большевистского сопротивления в Западной Сибири. Автор привел тексты 29 приказов, 13 из которых содержали требования расстрела буржуазии, попов, контрреволюционеров и всех, кто мешал проводить диктатуру пролетариата, а два предусматривали расстрел заложников⁵⁰. Этот факт был дополнен в августе сообщением корреспондента из Тюмени: «Большевики подвергли город полнейшему террору. Начались аресты, брались заложники, которых было загнано более двухсот человек без разбора. Содержание в тюрьме было ужасным [...]. Всего ужаснее для за-

⁴⁵ Зверства большевиков // Сибирская жизнь (Томск). 1918. 2 июля, 1 августа; Зверства большевиков // Сибирская речь (Омск). 1918. 4 июля, 3, 4 августа; Большевистская власть держалась на насилии... // Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 23 июля; и др.

⁴⁶ Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 30 июня.

⁴⁷ Подробности убийства епископа Гермогена // Тобольское народное слово. 1918. 31 июля; Сибирская жизнь (Томск). 1918. 8 августа; Иртыш (Омск). 1918. 30 августа.

⁴⁸ Арест омского архиепископа Сильвестра (рассказ очевидца) // Сибирская речь (Омск). 1918. 2 июля.

⁴⁹ Жертвы за церковь // Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 24 августа.

⁵⁰ См. перепечатку: Сибирская речь (Омск). 1918. 14 сентября.

ключенных был день пятого июля, когда партию из 12 человек повели на расстрел»⁵¹. Расстрел не состоялся, но за В.И. Шебадлиным, В.М. Косаревым и Г.А. Усиевичем, руководившими осажденной Тюменью, в антибольшевистской прессе закрепилось прозвище «главари кровопийц».

Аналогичные действия большевиков описал автор кадетской газеты, скрывшийся под псевдонимом Абориген, в статье «Дни советской власти в Енисейске». Он сообщил, что с 20 по 25 июня 1918 г. бежавшие в Енисейск члены Красноярского совдепа арестовали 180 «контрреволюционеров», захватили около 30 заложников из буржуазии и убили одного обывателя⁵².

В прессе наряду с фактами насилия большевиков над гражданским населением описаны расправы красноармейцев с военными противниками, пытки и казни пленных, надругательства над трупами и т. п. Одним из самых на шумевших «военных зверств красноармейцев», описанном в большинстве сибирских антибольшевистских газет летом 1918 г., было убийство подполковника Б.Ф. Ушакова⁵³. Оно было превращено в одно из своеобразных медийных событий, с помощью которых утверждался в массовом сознании населения образ большевиков как военного противника.

Таким образом, либералы и «правые» социалисты на протяжении лета 1918 г. были солидарны в том, что большевики — это «слабые», но «жестокие» «преступники», а большевизм является «страшным злом для страны». Они целенаправленно транслировали это обобщенное, но упрощенное представление, используя всевозможные методы: от сообщения достоверных фактов до экспрессивных художественных приемов и навешивания ярлыков. Поскольку складывавшийся образ «большевизма» имел подтверждение в советско-большевистской действительности Сибири образца весны 1918 г., он легко утверждался в сознании значительной части представителей антибольшевистского движения.

Отношение к большевикам и советской власти эсеров и меньшевиков летом 1918 г. было более сдержанным. В их пропа-

⁵¹ Сибирская речь (Омск). 1918. 4 августа; Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 8 августа.

⁵² Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 9 июля.

⁵³ Свободный край (Иркутск). 1918. 27 августа; Сибирская жизнь (Томск). 1918. 28 августа.

ганде прослеживается враждебное отношение к советско-большевистскому режиму, однако оно имело свои особенности. Социалисты разделяли некоторые идеологические позиции коммунистов и с пониманием относились к отдельным преобразованиям, проводимым в жизнь Советом народных комиссаров. Поэтому отрицание большевизма представителями «левого» фланга антибольшевистского движения не было однозначным, полным и последовательным.

В основе представлений эсеров о большевиках лежал тезис о предательстве ими интересов народа. Большевиков называли, как правило, «самодержавной кучкой временщиков», «опричниками» и «контрреволюционерами». В июньском воззвании Сибирского краевого комитета партии эсеров фигурировали «цепи большевизма, задушившего свободу и обманом правившего от имени рабочих и крестьян». В резолюции по текущему моменту IV Томского губернского съезда партии эсеров от 16 июля 1918 г. было сформулировано требование о необходимости «полной ликвидации большевистской власти, предавшей интересы трудящихся соглашением с германским империализмом и разрушившей все добытые Февральской революцией свободы»⁵⁴.

При этом проблемное «поле критики» эсерами большевиков летом 1918 г. значительно сузилось по сравнению с зимой 1917 — весной 1918 г. В периодической печати практически сошли на нет темы политической демагогии коммунистов, заимствования ими эсеровского закона о земле и его извращения советской властью при применении на практике, продовольственной политики и положения пролетариата. Самым насущным оставался только вопрос о судьбе советов. В статьях газет «Голос народа» и «Дело Сибири» доказывалось, что большевики «извратили идею советов, используя их как ширму для установления собственной власти»⁵⁵. Это, по мнению эсеров, нанесло «неизгладимые раны демократии»⁵⁶.

⁵⁴ Политические партии в Сибири (март 1917 — ноябрь 1918 гг.): Съезды, конференции, совещания / Сост. Э.И. Черняк. Томск, 1993. С. 149.

⁵⁵ Дискредитация советов как органов власти заключалась в указании на подтасовке выборов и роспуск «неудобных» советов. (См.: Голос народа (Томск). 3, 13 июня; Дело Сибири (Омск). 1918. 27 июня, 4 июля).

⁵⁶ Там же. 1918. 27 июня, 6 июля.

Меньшевики летом 1918 г. представляли большевиков в основном как политических противников, «врагов демократии и социализма». Советскую власть они оценивали как «мнимо социалистический опыт большевиков» и «террористический режим безответственной диктатуры». Резолюция по текущему моменту Западно-Сибирской конференции РСДРП от 5 июля 1918 г. гласила: «Политика управления страной путем уничтожения всех демократических гарантий способом красногвардейского террора и гражданской войны внутри демократии [...] вызвали глубокий кризис русской революции и обессилили творческие силы демократии, объективно подготовили [...] почву для торжества реакционных сил». Одновременно меньшевики считали, что «свержение большевистской власти [...] само по себе еще не означает торжества демократии»⁵⁷.

Более того, летом 1918 г. в газетах социал-демократов содержались призывы не преследовать людей за политическую принадлежность к РКП(б)⁵⁸ и обсуждалась возможность формирования социалистической коалиции с участием большевиков⁵⁹. В общем меньшевики не отвергали партию большевиков как нечто чужеродное для России и народа.

Эсеры и меньшевики были солидарны с либералами только в критике методов утверждения и удержания советской власти. В эсеровском «Голосе народа» 13 июня 1918 г. И.Г. Гольдберг поместил обширную статью под названием «Политическая месть», в которой живописал «кроважность большевиков и их стремление физически уничтожить политических оппонентов». Через несколько дней в газете были приведены факты посягательства противников на неприкосновенность личности, жилища и имущества, за что они сравнивались с опричниками и инквизиторами⁶⁰. 3 августа 1918 г. издание сообщило о преступлениях «большевистского тюремщика» Розанова⁶¹. Позже редактор «Голоса народа» М.С. Фельдман написал эмоциональный некролог

⁵⁷ Политические партии в Сибири... С. 146–147.

⁵⁸ Алтайский луч (Барнаул). 1918. 30 июля.

⁵⁹ Единый революционный фронт // Заря (Томск). 1918. 29 июля; Тобольский рабочий. 1918. 1 августа.

⁶⁰ Голос народа (Томск). 1918. 16 июня.

⁶¹ Там же. 3 августа.

«Одному из многих», посвященный эсеру Г.Н. Надеждину, расстрелянному большевиками в Балаганске накануне свержения там советской власти⁶².

Подобные материалы периодически появлялись во всех газетах эсеров и меньшевиков. В качестве примеров можно привести «Алтайский луч» (см.: «Барская любовь» «Готтентотская мораль», «Обещания и их последствия»⁶³), «Сибирь» («Памяти жертв большевистской инквизиции», «Ужасы красного террора», «Агония»)⁶⁴, «Волю Сибири» («Последние дни большевистской власти», «Идейные фанатики или уголовные элементы», «К убийству Н.Н. Патлых»⁶⁵), «Дело Сибири» («Памяти павших»⁶⁶) и др. «Большевистские» методы политического действия — запугивание, насилие и обман, — отождествлялись с «самодержавием», «царизмом» и «деспотизмом». В представлении социалистов термин «большевизм» стал нарицательным и означал государственное насилие и погромы демократических ценностей.

Антибольшевистское движение в Сибири было объединено целью свержения «жестокого и слабого политического режима большевиков». В то же время либералы и «правые» социалисты последовательно насаждали представления о большевиках как о преступниках. Эсеры изображали большевиков преимущественно предателями интересов народа. Меньшевики редко и осторожно высказывались о большевиках, стремясь вывести из-под удара социалистические идеи и программы, а акцентировали внимание на насилии, применяемом всеми «антиреволюционным», «истинно реакционным силам».

К концу августа 1918 г. советская власть во всех городах Сибири была свергнута, бои на территории края прекратились. Тем не менее, в чрезвычайных условиях гражданской войны политический режим контрреволюции эволюционировал от первоначально декларированного народоправства к авторитаризму. Усиливалось вмешательство военных в сферу гражданского управления, социалисты оттеснялись от государственной власти. Даже

⁶² Там же. 24 августа.

⁶³ Алтайский луч (Барнаул). 1918. 21 июня, 3 июля 15 августа.

⁶⁴ Сибирь (Иркутск). 1918. 7 августа.

⁶⁵ Воля Сибири (Красноярск). 1918. 22, 23, 26 июня, 27 июля.

⁶⁶ Дело Сибири (Омск). 1918. 15 июня.

передача властных полномочий образованному на Уфимском государственном совещании 23 сентября 1918 г. Временному Всероссийскому правительству, которое намеревалось остановить «сползание» политического режима «вправо», не привела к изменению этой тенденции.

По мере отдаления линии фронта снижалась острота вопроса о большевиках и сильнее сказывался крайний недостаток в Сибири информации о том, что происходило в советской России. Со страниц периодической печати практически исчезли статьи, в которых осмысливался бы и/или критиковался характер советско-большевистского политического режима. Сведения о ситуации и событиях за линией советского фронта размещалась, как правило, в новостных блоках и специальных рубриках под названием «По России», «Что творится в советской России» и т. п.

Источники этой информации были разнообразными: перехваченные радиосводки, телеграммы иностранных новостных агентств, советские газеты и сообщения очевидцев, пересекших линию фронта. Однако сведения из этих источников зачастую были устаревшими, публиковались фрагментарно и могли быть недостоверными.

Содержание сообщений и заметок о большевиках и советской власти в прессе Сибири осенью 1918 г. ограничивалось несколькими основными темами: «красный террор», «военные поражения и развал Красной армии», «разруха» и «голод».

О терроре в советской России сообщалось, как правило, в псевдоточных или откровенно расплывчатых выражениях: «За полтора месяца арестовано четыре тысячи офицеров, которых поместили в концентрационные лагеря», «у большевиков будто бы адский план истребить повсеместно всех офицеров, затем подвергнуть такой же участи активных работников всех социалистических партий, затем приняться за представителей интеллигенции и торгово-промышленников»⁶⁷. При этом каждый раз подчеркивалась преступная суть массовых безжалостных убийств. За ними не признавалось дисциплинирующей роли, способствовавшей укреплению советской власти.

⁶⁷ В Советской России // Сибирский вестник (Омск). 1918. 24 сентября.

Ярким примером того, как доказывали «никчемность» вооруженных сил противника, может служить широко опубликованное сообщение, составленное на основе найденного после захвата Казани доклада командующего красными войсками Восточного фронта полковника И.И. Вацетиса. В нем содержалась информация о «плохом командовании», «паническом бегстве многочисленных, но недисциплинированных сил, привыкших к произволу и трусости», широко распространенных «случаях не выполнения приказов», «предательстве латышей» и необходимости «вводить дисциплину в армии расстрелами»⁶⁸. В совокупности с многочисленными сообщениями о поражениях Красной армии на всех фронтах подобные заметки ярко иллюстрировали заимствованный из пропаганды противника миф о «железном кольце, стягивавшемся вокруг большевиков все теснее и теснее». Только в отличие от большевиков, которые использовали представление о «железном кольце» для мобилизации сил и ресурсов, идейно-информационная сфера контрреволюции делала «расслабляющий» вывод о неминуемом крахе советской власти.

Осенью 1918 г. сибирские газеты растиражировали распространяемые Американским бюро печати так называемые «документы Сиссона» «о подкупе немцами Троцкого и Ленина». Они были опубликованы 18–19 октября 1918 г. в органе барнаульских кадетов «Народной свободе», 6 ноября 1918 г. появились в иркутских газетах (либеральном «Свободном крае» и социалистической «Сибири»), а 13 ноября 1918 г. в новониколаевской «Народной Сибири». Информация, разоблачавшая связи большевиков с германским Генеральным штабом, отвечала стереотипному представлению антибольшевистских общественно-политических сил о полной зависимости советско-большевистского режима от «внешнего врага России». В условиях поражения Германии в Мировой войне из подобной убежденности опять же следовал вывод о «неминуемом крахе предателей родины — большевиков».

⁶⁸ Состояние большевистских войск (доклад главнокомандующего Вацетиса, найденный после взятия Казани) // Заря (Омск). 1918. 1 сентября; Во вражеском стане // Сибирский вестник (Омск). 1918. 5 сентября; и др.

Разруха и голод в советской России эмоционально живописались со слов очевидцев: «В Москве хлеба нет! Ничего нельзя купить! Скоро с голоду умирать придется!», а «большевики справляют настоящий пир [...]. Бесконечно разъезжают комиссары и тучи комиссариков в автомобилях, кричат, грубят, стреляют, пьянствуют, грабят»⁶⁹. При этом не производилось оценок финансовой, экономической и продовольственной политики Совета народных комиссаров.

В течение осени 1918 г. представления о большевиках и советской власти в идейно-информационной сфере контрреволюции в Сибири не менялись. Более того, их внедрение в массовое сознание населения утратило динамику. Повсеместно продолжал звучать только лейтмотив о «слабости и жестокости советско-большевистского режима».

Одновременно обобщенные представления о большевиках стали широко использоваться как клише, политические штампы в идейно-политической борьбе внутри антибольшевистского движения. По мере неблагоприятного для социалистов развития политической ситуации на востоке России (их оттеснения от государственной власти и роста давления со стороны военных и административного аппарата) эсеры и меньшевики сосредоточились на борьбе с «антидемократическими тенденциями», выискивая и обличая «большевизмом справа»⁷⁰. Либералы в свою очередь в ответ все чаще не различали социалистов разного толка, заявляли, что «социалисты нераздельны с большевиками» и «беспощадная борьба между ними является фразеологией»⁷¹.

К осени 1918 г. сложилась информационно-аналитическая служба государственной власти контрреволюции. При Совете министров Временного Сибирского правительства было учреждено информационное бюро, собиравшее сведения о мнениях и настроениях общественности и распространявшее через Сибирское телеграфное агентство и газету «Сибирский вестник» информацию о деятельности государственных институтов. Бюро решало в пер-

⁶⁹ *Минор О.* Последние московские впечатления // *Голос народа* (Томск). 1918. 14 сентября.

⁷⁰ *Голос народа* (Томск). 1918. 25, 26 октября.

⁷¹ *Социалисты* // *Свободная Сибирь* (Красноярск). 1918. 13 ноября.

вую очередь задачу информационного обеспечения деятельности местных органов власти и практически не уделяло внимания пропаганде и агитации. Оно целенаправленно не занималась обобщением представлений о большевиках и утверждением образа «врага» в массовом сознании. В начале ноября 1918 г. было подписано постановление о передаче официальных информационных структур Временного Сибирского правительства Временному Всероссийскому правительству⁷², но их работа продолжалась в прежнем режиме.

В грамоте Временного Всероссийского правительства «Ко всем областным правительствам и ко всем гражданам Государства Российского» от 4 ноября 1918 г. говорилось: правительство верит, что «все части и все народности Великой России, поняв смертельную опасность большевизма, грозящую Родине со стороны германо-мадьярских полчищ и их приспешников большевиков, сплотятся в единое мощное целое, дабы под твердым руководством всероссийской верховной власти вывести, наконец, нашу пострадавшую отчизну из бездны распада на предначертанный ей путь всероссийского государственного возрождения»⁷³. Соответствующая риторика — «немецко-большевистские полчища», «тяжкое иго большевизма и немецкого насилия» т.п. — использовалась в передовых статьях официальной газеты «Вестник Временного Всероссийского правительства» и в интервью председателя правительства Н.Д. Авксентьева⁷⁴. Тем самым большевики изображались врагом скорее «внешним», чем «внутренним». В условиях гражданской войны в России и окончания Мировой войны в ноябре 1918 г. такая подмена не могла способствовать мобилизации населения на борьбу с советской властью.

Таким образом, политическая общественность Сибири в период «демократической контрреволюции» была объединена императивом борьбы с большевизмом, но не имела цельного и точного представления о военно-политическом противнике. Причины, ос-

⁷² Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири... С. 33.

⁷³ Журавлев В.В. Правовая репрезентация государственной власти сибирской контрреволюции... С. 17.

⁷⁴ См.: Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 7, 15 и 17 ноября.

нования и цели, скрывавшиеся под лозунгом «борьбы с большевиками», у представителей разных общественно-политических сил оставались различными. Представители верховной государственной власти, неоднократно менявшие иерархию в эклектичном наборе национальных и демократических ценностей, не задавались целью внедрить массовое сознание населения образ «врага-большевика», сделать его полноценным орудием государственной политики. В итоге осенью 1918 г., когда на территории Сибири советская власть была повсеместно свергнута, а Германия капитулировала, окрепла уверенность в скором и неминуемом крахе «советско-большевистского политического режима». Поэтому кластеры негативных представлений о «большевизме» стали применяться в идейно-политической борьбе внутри антибольшевистского движения. Образ противника-большевика оказался в значительной степени распылен и девальвирован.

*Н.С. Ларьков
В.И. Шишкин*

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРИ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Одной из наиболее массовых и эффективных форм вооруженной борьбы за государственную власть, развернувшейся в годы гражданской войны на территории России, было партизанское движение в тылу антибольшевистских государственных образований. Наряду с крестьянскими и городскими восстаниями, забастовками рабочих, дезертирством из белых армий партизанское движение явилось важнейшей составляющей сопротивления антибольшевистским режимам власти. Это движение имело место во многих регионах страны, однако наибольший размах, организованность и устойчивость оно приобрело на Украине и в Сибири.

На территории Сибири (от Урала до Забайкалья) партизанское движение началось вскоре после свержения здесь советской власти, уже летом 1918 г., и продолжалось вплоть до разгрома белых армий в начале 1920 г. По приблизительным подсчетам Ю.В. Журова, из 400 тысяч партизан периода гражданской войны в России на территорию Сибири приходилось до 150 тысяч. В партизанских районах края, освобожденных из-под власти антибольшевистских правительств, в разное время проживали почти 1,8 миллиона человек, или около четверти его населения¹. И хотя эти цифры, возможно, завышены, нельзя не признать, что сибирское партизанское движение, разрушая и ослабляя тыл контрреволюции, тем самым существенно облегчило задачу Красной армии, особенно в период проведения ею наступательных операций. Объективно оно превратилось во второй по значимости военно-стратегический фактор в разгроме колчаковщины, в восстановлении на территории Сибири власти советов, в победе большевизма.

Масштабы и военно-политическая значимость партизанского движения в Сибири обусловили внимание к нему со стороны исследователей истории гражданской войны сразу же после ее завершения. О феномене партизанского движения в Сибири писали

¹ Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986. С. 96, 131.

авторы почти всех первых книг по истории гражданской войны в России и в Сибири, которые вышли в свет в 1920-е — первой половине 1930-х годов как в нашей стране (А.И. Анишев, Н.Е. Какурин, Л.П. Мамет, К.М. Молотов, П.С. Парфенов и др.), так и за рубежом (С.П. Мельгунов).

В те же годы появились публикации А.А. Ансона (А. Абова), В.Д. Вегмана, Н.Ф. Преображенского, Ю.Г. Циркунова, В.Б. Эльцина и некоторых других авторов, специально посвященные партизанскому движению в Сибири. В большинстве своем они представляли собой небольшие по объему политически ангажированные статьи, нередко с элементами публицистики. Для них были характерны минимальная опора на источники, отсутствие сколь угодно обстоятельной аргументации оценок и выводов. Такое качество изданий того времени во многом было обусловлено узостью источниковой базы, отсутствием исторической подготовки у большинства авторов, а также неприкрытым стремлением победителей представить историю гражданской войны в выгодном для себя свете².

Из числа вышедших в РСФСР и СССР книг и статей несколько особняком стояли лишь публикации Е.Е. Колосова, в недавнем прошлом одного из лидеров сибирских эсеров и члена Всероссийского Учредительного собрания. В них автор пытался дать более глубокие качественные характеристики партизанского движения в Сибири с позиций объективизма³. Как следствие, Е.Е. Колосов вызвал в свой адрес огонь критики, продолжавшейся в советской исторической литературе на протяжении несколь-

² Более подробно об освещении партизанского движения в Сибири в историографии тех лет см.: *Плотникова М.Е.* Советская историография гражданской войны в Сибири (1918 — первая половина 1930-х гг.). Томск: изд-во Томского ун-та, 1974. С.218–245; *Шишкин В.И.* Большевики и партизанское движение в Сибири в освещении советской литературы 1920 — начала 1930-х годов // *Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции.* Новосибирск, 1987. С. 57–77; Он же. Дискуссионные проблемы истории партизанского движения в Сибири в советской историографии 1920-х — начала 1930-х годов // *Социальная активность трудящихся советской сибирской деревни.* Сб. научных трудов. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отделение, 1988. С. 6–29.

ких последующих десятилетий.

Вместе с тем в 1920–1930-е годы было положено начало созданию источниковой базы по истории партизанского движения. Появился ряд содержательных публикаций документов, посвященных, главным образом, партизанскому движению на территории Степного Алтая и Енисейской губернии⁴.

Тогда же многие руководители и рядовые участники партизанского движения написали свои воспоминания. Большая их часть была передана на хранение в архивы и музеи, но некоторые удалось опубликовать. Например, в уже в 1920-е годы вышли в свет мемуары В.М. Голева, П.К. Голикова, И.В. Громова, И.Е. Кантышева, П.П. Петрова, Т.Г. Рагозина, С.А. Сухотина, П.Е. Щетинкина, В.Г. Яковенко, в первой половине 1930-х годов — Н.А. Бушуевой-Вернер, А.Н. Геласимовой, Р.П. Захарова, И.М. Зубова, П.Д. Криволицкого, М.Х. Перевалова, И.Я. Третьяка и ряда других⁵. Не лишним будет отметить своевременность написания этих воспоминаний, поскольку многие их авторы во второй половине 1930-х годов во время «Большого террора» были репрессированы и погибли в сталинских тюрьмах и лагерях. Разумеется, все публикации источников того времени — и документальные, и мемуарные — равно как и более поздние издания советского периода, несли на себе отпечаток господствовавшей в СССР идеологии.

Последующие полтора десятилетия не принесли скольконибудь заметных результатов в изучении истории сибирского партизанского движения. Усиление исследовательского интереса к

³ Колосов Е.Е. Крестьянское движение при Колчаке // Былое. Петроград, 1922. № 20. С. 223–267; Он же. Сибирь при Колчаке: Воспоминания, материалы, документы. Петроград: Былое, 1923. 190 с.

⁴ Партизанское движение в Сибири. Т. 1: Приенисейский край. М.; Л.: Государственное издательство, Центрархив, 1925. 285 с.; Повстанческое движение на Алтае. Новосибирск, 1935. 124 с.; Партизанское движение в Западной Сибири в 1918–1919 гг. Партизанская армия Мамонтова и Громова. Сб. документов / Подготовил к печати К. Селезнев. Новосибирск: Западно-Сибирское краевое изд-во, 1936. 374 с.; Тасеевский партизанский район в 1919 г. // Красный архив. 1937. Т. 6. С. 102–137; и др.

⁵ См.: Плотникова М.Е. Советская историография гражданской войны в Сибири... С. 183–218.

этой теме произошло лишь с приходом хрущевской «оттепели», когда расширился доступ к архивным документам, были реабилитированы многие необоснованно репрессированные участники борьбы за советскую власть, выросло число историков-профессионалов. С середины 1950-х годов продолжилась прерванная на два десятилетия публикация документов по истории партизанского движения. В частности, был переиздан в значительно расширенном варианте сборник документов «Партизанское движение в Западной Сибири»⁶. Едва ли не во всех краевых и областных центрах Сибири вышли в свет документальные сборники, посвященные революции 1917 г. и гражданской войне. В общей сложности к 1980-м годам по истории сибирского партизанского движения было опубликовано до полутора тысяч документов. Продолжали издаваться и переиздаваться в эти годы также и многочисленные воспоминания участников партизанского движения.

Таким образом, вторая половина 1950-х — 1980-е годы явились более благоприятным временем для исследования истории гражданской войны в Сибири. В результате появились диссертации, книги, статьи Г.Ф. Большакова, Н.А. Васильева, В.К. Логвинова, В.Г. Мирзоева, М.Е. Плотниковой, Д.К. Шелестова, М.И. Стишова, Г.Х. Эйхе, Н.К. Ведяшева, Ю.В. Журова, В.А. Кадейкина, Н.С. Ларькова, А.Н. Никитина, Г.Г. Пензина, В.И. Шишкина и ряда других исследователей⁷, которые существенно расширили и

⁶ Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1920 гг.). Документы и материалы. / Редакционная коллегия: И.В. Громов и др. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1959. 832 с.

⁷ Журов Ю.В., Плотникова М.Е., Шишкин В.И. Новые работы о борьбе большевиков Западной Сибири за народные массы в 1917–1920 годы // Борьба большевиков Сибири за народные массы в годы революции и гражданской войны. Красноярск, 1983. С. 128–140; Плотникова М.Е. Современная советская историография гражданской войны в Сибири // История СССР. М., 1985. № 5. С. 101–116; Шишкин В.И. Советское строительство в партизанских районах Сибири периода интервенции и гражданской войны (к историографии вопроса) // Партийное руководство советами Сибири в период строительства и совершенствования социализма. Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1988. С. 62–82; Гарипо-

углубили знания о сибирском партизанском движении. Включение в научный оборот огромного количества документальных и мемуарных источников позволило представить гораздо более детальную историческую картину этого социально-политического феномена. Однако, несмотря на насыщенность большим фактическим материалом, исследования историков советского периода, к сожалению, существенно девальвировались из-за того, что были выполнены в жестких рамках марксистско-ленинской идеологии.

Перестройка и гласность в СССР, революционные события начала 1990-х годов позволили российским авторам более эффективно и с большей объективностью продолжить исследование истории гражданской войны. Однако в последние два десятилетия обнаружился очередной перекосяк в освещении этой темы. Основные усилия историков оказались вполне предсказуемо направленными на изучение антибольшевистского лагеря, который в советский период освещался очень фрагментарно и поверхностно. В результате исследование революционного лагеря оказалось «в тени», во многом на периферии научных изысканий. К тому же «красные», сторонники советской власти нередко стали изображаться отдельными авторами предвзято, в сугубо негативном свете, что в очередной раз привело к искажению исторической картины. Все сказанное отразилось и на изучении сибирского партизанского движения, количество научных публикаций о котором резко сократилось.

Зарубежные авторы, изучающие историю гражданской войны в России, как правило, уделяют определенное внимание и сибирскому партизанскому движению. Но лишь немногие из них посвящают этой теме специальные публикации, как канадский историк Н. Перейра⁸. В зарубежных исследованиях содержатся достаточно взвешенные оценки места и роли партизанского движения в контексте военно-политических событий революционного периода в России. В этом отношении они выгодно отличаются от публикаций советских авторов. Вместе с тем зарубежные исследования, в

ва Л.Г. Советская историография гражданской войны в Сибири (конец 60-х — 80-е годы). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1991. 20 с.

⁸ Pereira N.G.O. The Partisan Movement in Western Siberia, 1918–1919 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1990. Bd. 38. № 1.

которых нашла отражение история партизанского движения в Сибири, основаны на очень узком корпусе источников, которые до недавнего времени в силу известных причин были для них менее доступны или совсем недоступны.

К настоящему времени история сибирского партизанского движения — сложного, противоречивого социально-политического явления — остается по-прежнему недостаточно изученной, а некоторые вопросы — дискуссионными. Нуждаются в уточнении численность сибирских партизан, их потери в ходе боев с правительственными вооруженными силами, социально-психологическая характеристика партизан, внутренние противоречия в движении, степень влияния на его участников различных политических партий и групп, масштабы партизанского террора и другие. Между тем, без глубокого и всестороннего изучения истории партизанского движения невозможно в полной мере раскрыть сущность гражданской войны в России в целом, многовекторность устремлений участвовавших в ней различных противоборствующих сил, альтернативы исторического процесса.

В порядке ликвидации выявленных лакун и неясностей, сформулируем свою позицию по ряду наиболее важных проблем. Прежде всего выскажемся по вопросу о причинах возникновения и развития партизанского движения в Сибири. Оно было обусловлено совокупностью разнородных причин. К партизанским действиям были вынуждены прибегнуть остатки разгромленных и рассеянных летом 1918 г. по территории Сибири советских отрядов. Подвергаясь преследованию со стороны силовых структур Временного Сибирского правительства, бывшие красногвардейцы, красноармейцы, большевики и другие активные сторонники советской власти иногда не ограничивались пассивным поведением, а продолжали вооруженную борьбу. Им на руку было усиливавшееся с осени 1918 г. недовольство значительной части населения восстановлением дореволюционных порядков. Сопrotивление вызывали взимание налогов и податей, реквизиции и конфискации военного имущества и продовольствия у крестьян, к которым нередко в грубой форме прибегали власти, а также мобилизация крестьянской молодежи в Сибирскую армию. Между тем, полуторагодичный — с февраля 1917 г. до лета 1918 г. — период революционных преобразований, сопровождавшихся неоднократной смены

власти, дал возможность сибирским крестьянам почувствовать и оценить свое бытование в условиях существенного ослабления традиционного давления на них со стороны государства. В это время сбор налогов и выполнение ряда других повинностей сократились или даже полностью прекратились из-за развала старого государственного аппарата и неналаженности нового.

Совершенно очевидно, что долго так продолжаться не могло. Противоборствующим сторонам нужны были человеческие и материальные ресурсы. Сама логика борьбы за государственную власть противостоявших друг другу военно-политических сил закономерно вела к расширению масштабов и ужесточению гражданской войны. Возникновение и рост партизанского движения отражали процесс ее эскалации и одновременно являлись одной из важнейших составляющих. Более того, партизанское движение во многом определяло характер этой войны, поскольку именно гражданское население — до поры, до времени мирное — зачастую помимо своего желания и воли втягивалось в кровавый водоворот событий, вынуждено было братья за оружие и тоже прибегать к насилию.

Исследователи истории гражданской войны обычно выделяют в развитии сибирского партизанского движения два основных этапа. Первый из них они датируют серединой 1918 г. и серединой (иногда весной) 1919 г. В это время — главным образом на территории Западной Сибири — возникли и действовали немногочисленные и слабо связанные между собой партизанские группы и отряды. Для них были характерны идейно-политическая и организационная аморфность, выборность командного состава, слабая дисциплина, митингование как способ решения даже маловажных вопросов, несогласованность действий. Партизанским отрядам пришлось вести борьбу в условиях укрепления контрреволюционных органов государственной власти, роста численности и боеспособности ее вооруженных формирований, а также наибольших успехов, достигнутых ими против Красной армии на Восточном фронте.

Особенностью второго этапа (вторая половина 1919 — начало 1920 г.) являлись массовость и возросшая организованность партизанского движения как результат нараставшего недовольства местного населения внутренней политикой А.В. Колчака, дезоргани-

зации и ослабления его вооруженных сил, поспешно отступавших на восток под давлением Красной армии. Партизанское движение за это время постепенно настолько выросло, что, по оценке не склонного к преувеличению чьих-либо заслуг советского военного командования, превратилось в стратегический фактор гражданской войны в Сибири.

Партизанскому движению разных районов Сибири были присущи значительные особенности. Давал о себе знать различный удельный вес среди местного крестьянского населения старожилов и новоселов, недавно живших в Сибири, проявлявшийся в разнице не только их социально-экономического и культурного положения, но и политических настроений и поведения. Наиболее «беспокойной» для контрреволюционных властей категорией являлись так называемые «неприписные» — самовольные переселенцы, не приписанные к обществу, и поэтому не имевшие ни соответствующего статуса, ни земельного надела. Сказывалось остаточное влияние дореволюционной политической и уголовной ссылки, а также присутствие в рядах партизан членов левых политических партий и групп (большевиков, меньшевиков, эсеров, анархистов). Не последнюю роль играли степень удаленности от административных центров и мест дислокации правительственных вооруженных сил, характер местности (тайга, горы, степь) и т. п.

Не случайно первые партизанские отряды на территории Западной Сибири возникли осенью 1918 г. в таежных районах на юге Томской губернии (отряды П.К. Лубкова, И.П. Новоселова, М.Х. Перевалова, Е.П. Попова, Г.Д. Шувалова, В.П. Шевелева и др.), в средней и южной полосе Северо-Западной Сибири на территории Тарского, Татарского, Каинского и Тобольского и уездов (отряды С.В. Абрамова, М.И. Дьякова, Л.И. Избышева и др.). Весной 1919 г. на территории Западной Сибири действовали уже десятки партизанских отрядов и групп, различных по численности, боеспособности и опасности для властей. Наиболее крупными из них были отряды П.К. Лубкова (около 250 чел.) и Г.Ф. Рогова (до 500 чел.). К середине 1919 г. общая численность партизан Западной Сибири достигла, по оценке некоторых историков, 10 тысяч человек.

С самого начала в партизанском движении тесно переплетались элементы стихийности и организованности. Крестьяне, со-

ставлявшие основной контингент партизанских отрядов, брались за оружие в большинстве своем стихийно, как правило, в ответ на притеснения и репрессии со стороны местных властей. Среди них немало было дезертиров, уклонявшихся от службы в Сибирской армии. Вместе с тем скрывавшиеся в сельской местности после антибольшевистского переворота большевики, бывшие советские работники, красноармейцы и красногвардейцы стремились оседлать нараставшую стихийную волну крестьянского недовольства. В результате зачастую именно они оказывались руководителями партизанских отрядов, причем, как правило, успеха добивались те из них, кто обладал организаторскими способностями, лидерскими качествами, кто демонстрировал личную храбрость, удачу, смекалку.

В то же время партизанские командиры, будучи в большинстве своем выходцами из крестьянской среды, в полной мере отражали характерные черты этого социального слоя населения. В условиях автономного существования партизанских отрядов и групп подобного рода руководители во многих случаях являли собой своеобразных предводителей вооруженной вольницы, крестьянских «атаманов», олицетворявших на локальной территории, на социально-политическом микроуровне в одном лице законодательную, исполнительную, и судебную власть. Попытки посланцев разного рода партийно-политических структур подчинить таких командиров своему влиянию заканчивались обычно безрезультатно. Характерно в связи с этим признание М.Ф. Ператинского, побывавшего в качестве представителя Томского нелегального комитета РКП(б) в отряде П.К. Лубкова. Во время первой же встречи П.К. Лубков твердо заявил ему: «Управлять мною я никому не позволю. Управлять и сам я могу»⁹.

«Атаманщина», или так называемая «батьковщина», будучи во многом проявлением стихийного крестьянского анархизма, неприятия какой-либо власти, была характерна практически для всех регионов России, где имело место развитое повстанческо-партизанское движение.

⁹ Дмитриев И.С. Колчаковское подполье (1918–1919 гг.). Рукопись // ГАТО. Ф. 1612. Оп. 1. Д. 99. Л. 147.

В отличие от Западной, на территории Восточной Сибири партизанское движение уже в первый период своего существования в ряде мест приобрело большой размах, большую организованность и устойчивость. В Иркутской губернии в числе первых начал боевые действия осенью 1918 г. партизанский отряд анархиста Н.А. Каландаришвили. Несколько отрядов появилось на рубеже 1918–1919 гг. в районе Черемхова. На севере Ачинского уезда Енисейской губернии наибольшее беспокойство местным властям доставлял рейдовый партизанский отряд, который в конце декабря 1918 г. организовал и возглавил бывший начальник уездной советской милиции П.Е. Щетинкин. С января 1919 г. отряд приступил к активным боевым действиям против колчаковцев и вскоре вырос до 450 человек.

Особенностью партизанского движения в Восточной Сибири являлась использование не только отрядно-групповой, но и очагово-территориальной формы его организации. Такая специфика во многом была обусловлена тем, что с самого начала движение развивалось здесь под сильным партийно-политическим и организационным влиянием большевиков и социалистов-революционеров, нередко соперничавших между собой.

Одним из крупнейших очагов партизанского движения в Восточной Сибири стала южная часть Канского и Красноярского уездов Енисейской губернии с центром в с. Степной Баджей. На занятой партизанами территории между реками Енисей и Кан (14 волостей с населением около 100 тыс. человек) с декабря 1918 г. до июня 1919 г. существовала так называемая «Степно-Баджейская (Заманская) партизанская республика» с партизанской армией под командованием А.Д. Кравченко и отступившего сюда в середине апреля 1919 г. со своим отрядом П.Е. Щетинкина. После их объединения численность партизан составила около 3,5 тыс. чел. Образовался так называемый Южно-Канский фронт. Высшим органом власти стал избранный на совещании представителей освобожденных волостей и партизанской армии объединенный Совет крестьянских, рабочих и партизанских депутатов Канского и Красноярского уездов (председатель — «левый» эсер П.П. Петров). Кроме того, был создан Армейский совет во главе с большевиком С.К. Сургуладзе.

Другим крупным очагом партизанского движения в Енисейской губернии стал район с. Тасеево на северо-востоке Канского уезда. Здесь в конце декабря 1918 г. была восстановлена советская власть, избран военно-революционный штаб во главе с большевиком В.Г. Яковенко. В январе 1919 г. возник так называемый Тасеевский (Северо-Канский) партизанский фронт, численность бойцов которого к лету 1919 г. составила около двух тысяч человек.

В феврале 1919 г. в районе с. Шиткино Енисейской губернии образовался небольшой партизанский отряд во главе с И.А. Бич-Таежным, который в марте приступил к активным действиям. 28 марта 1919 г. был создан партизанский отряд в с. Бирюсинском Тайшетской волости под командованием Н.А. Бурлова. Постепенно сложился так называемый Шиткинский фронт из семи отрядов в пределах 13 волостей Канского (Енисейская губерния) и Нижнеудинского (Иркутская губерния) уездов. К концу марта он насчитывал около полутора тысяч бойцов. В марте 1919 г. в Невонской волости Нижнеудинского уезда возник так называемый Баерский фронт, насчитывавший к середине 1919 г. около 300 человек (руководитель Ф.А. Антонов).

На территории Забайкалья инициаторами партизанского движения стали скрывавшиеся в горно-таежной местности на юго-востоке района бывшие партийные и советские работники. Они образовали в сентябре 1918 г. «лесные коммуны», представители которых избрали в ноябре 1918 г. военно-революционный штаб во главе с М.И. Бородиным. Осенью и зимой 1918–1919 гг. в Забайкальской области появилось также несколько других небольших партизанских групп. Весной 1919 г. в результате активизации своих действий партизаны образовали Восточно-Забайкальский фронт численностью до двух тысяч бойцов под командованием П.Н. Журавлева.

На первых порах белогвардейские власти пытались ликвидировать образовавшиеся партизанские отряды силами местной милиции. Однако почти сразу же обнаружилась ее неспособность справиться с этой задачей из-за малочисленности и низкого уровня подготовки милиционеров. Поэтому против партизан стали направляться крупные, более-менее подготовленные в военном отношении и хорошо вооруженные отряды особого назначения и регулярные части армии из состава дислоцировавшихся в сибирь

ских городах военных гарнизонов, а также из числа войск интервентов. Основные силы иностранных войск на территории Сибири располагались на линии Транссибирской железнодорожной магистрали, выполняя прежде всего задачу ее охраны. Но отдельные подразделения интервентов непосредственно участвовали в карательных операциях против партизан.

Однако и регулярные армейские части, насчитывавшие иногда сотни и даже тысячи солдат и офицеров, с самого начала вооруженной борьбы неоднократно терпели поражения и несли чувствительные потери в боях с партизанами. В частности, зимой 1918–1919 г. правительственному отряду дважды не удавалось штурмом взять укрепленное партизанами с. Тасеево, несмотря на применение пулеметов и артиллерийских орудий. Безуспешными в первые месяцы 1919 г. оказались и попытки ликвидировать силами крупного карательного отряда «Степно-Баджейскую республику». Не удавалось предотвратить вооруженные вылазки партизан Иркутской губернии на Транссибирскую магистраль. В мае 1919 г. тайшетские партизаны даже на две недели парализовали железнодорожное движение. В июне набеги партизан продолжались. «На участке ст. Тайшет — Тулун продолжается разборка путей красными [...]. Поезда ходят только днем», — сообщал комендант железнодорожного участка начальнику штаба Иркутского военного округа¹⁰. Успешные действия партизанских отрядов во многом были обусловлены хорошим знанием местности, применением характерной для такого рода борьбы тактики: использование засад, внезапные налеты и быстрое отступление, временное рассредоточение на мелкие группы с последующим объединением и т. п.

Расширение партизанского движения, активизация боевых действий партизан в первые месяцы 1919 г. вызвали серьезное беспокойство колчаковской власти. Несмотря на действия карательных отрядов, партизанское движение удавалось в лучшем случае локализовать, но не подавить. До поры, до времени в качестве «союзника» колчаковской власти выступала сибирская зима с ее холодами и глубокими снегами, ограничивавшими действия партизан. Но с наступлением лета и тепла следовало ожидать расши-

¹⁰ Партизанское движение в Сибири. Т. 1: Приенисейский край. М.; Л., 1925. С. 203.

рения и усиления движения. «Пройдет два-три месяца, — предупредила выходящая в Томске либеральная газета «Сибирская жизнь», — и борьба с этими бандитами может стать невозможной [...]. С наступлением весны всем этим шайкам „под каждым кустом будет готов и стол, и дом“. Более благоприятной обстановки для таких операций, как наша Сибирь, трудно что-либо и придумать. Примкнут к этим шайкам все недовольные — а их много — взбунтуется деревня, и борьба с ними окажется очень тяжелой. Самые энергичные и широкие мероприятия необходимы сейчас же, чтобы потом не услышать о сибирских Емельках Пугачевых и Стеньках Разиных»¹¹.

В конце весны — начале лета 1919 г. правительственные вооруженные формирования усилили давление на партизан, проведя ряд успешных операций как в Западной, так и в Восточной Сибири. Был наголову разгромлен партизанский отряд П.К. Лубкова, погибло свыше 100 его бойцов. В середине июня степнобаджейские партизаны после почти месяца боев оказались вытесненными из своей «республики» и отступили под натиском превосходящих колчаковских войск на юг Енисейской губернии, совершив тысячекилометровый переход по таежной местности. Тогда же тасеевские партизаны были загнаны на 100 верст к востоку от своего центра, вглубь тайги. Военный министр Российского правительства генерал-майор Н.А. Степанов требовал в конце апреля¹² 1919 г. от командующих войсками сибирских округов продолжения борьбы с партизанами: «Банды нужно беспощадно уничтожать. Вытеснение банд из одного района в другой цели не достигает»¹³.

Однако военные неудачи партизан оказались временными в условиях неуклонно нараставшего недовольства политикой колчаковского правительства со стороны значительной части городских и сельских жителей. В городах, где находились сильные военные гарнизоны, попытки антиправительственных вооруженных выступлений, в которых участвовали рабочие и солдаты, сравнительно

¹¹ Сибирская жизнь (Томск), 1918. 8 февр.

¹² В сборнике документ ошибочно датирован 29 июня; правильно: «29 апреля».

¹³ Партизанское движение в Сибири. Т. 1: Приенисейский край. М.; Л., 1925. С. 174.

быстро подавлялись. Большинство городского населения проявляло свое отношение к происходившим событиям в 1919 г., главным образом, в пассивной форме, не поддерживая власть. Ярким проявлением такого поведения был абсентеизм горожан во время избирательной кампании в городские думы летом 1919 г. В большинстве сибирских городов к урнам пришло менее четверти избирателей, а кое-где их число составило лишь от 5 до 10 процентов.

Сопrotивление сибирского крестьянства оказалось более активным и успешным. В июле — августе 1919 г. в сельской местности вспыхнул ряд крупных вооруженных восстаний, из числа участников которых сначала сформировались многочисленные партизанские отряды, а затем появились и новые обширные очаги движения.

В июле 1919 г. произошло крестьянское восстание в опасной близости от Транссибирской железнодорожной магистрали на территории Западной Сибири в пределах Каинского, Тарского и Татарского уездов. Оно охватило несколько десятков волостей. Сформированные вооруженные отряды повстанцев во главе с И.С. Чубыкиным, Л.Т. Ярошенко, Ф.З. Коркиным, А.П. Мацуком и другими командирами перешли к энергичным действиям, развернув наступление на уездные центры Каинск, Тару и Татарск. Против повстанцев и партизан были направлены регулярные части Белой армии, которым в течение нескольких недель удалось подавить основные очаги сопротивления. Однако рассеянные по таежной территории партизаны вскоре вновь организовались в отряды и группы, продолжив вооруженную борьбу против колчаковской власти.

В Степном Алтае 2 августа 1919 г. началось вооруженное восстание крестьян с. Зимино и окрестных селений. Большую роль в его подготовке сыграло антиколчаковское революционное подполье, к лету 1919 г. насчитывавшее около 30 сельских ячеек во главе с большевиками К.Н. Брусенцовым, Г.С. Ивкиным, А.В. Кольцовым, Г.Г. Конкориним, В.Е. Кузьминым, И.Л. Мавринским, М.А. Розинкиным, а также беспартийными Ф.И. Архиповым, Р.П. Захаровым и П.К. Чаузовым. В результате за десять дней к составшим зиминцам присоединилось около 90 сел и деревень Барнаульского и Бийского уездов. В течение первых пяти дней их отряды захватили ст. Алейская, Топчиха, Шипуново, Пospelиха на

линии Алтайской железной дороги и Усть-Чарышскую пристань на р. Обь. Через казачьи станицы Бийской линии, в большинстве своем сдавшие повстанцам оружие в обмен на гарантию неприкосновенности населения, восстание перекинулось в Горный Алтай. Общая численность повстанцев достигла 15 тысяч человек. Но они были плохо вооружены, действовали отрядами, сформированными по территориальному принципу, без единого плана и в разных направлениях.

Из Барнаула, Бийска и Усть-Каменогорска на подавление восстания были направлены части регулярной армии, которым оказали поддержку местные дружины самообороны и часть казаков Бийской линии. Начались тяжелые бои. Станции Алтайской железной дороги от Калманки до Пospelихи, Усть-Чарышская пристань и некоторые казачьи станицы по несколько раз переходили из рук в руки. С обеих сторон была проявлена исключительная жестокость, в том числе по отношению к заложникам и гражданскому населению. Почти везде восставшие понесли тяжелые потери. Спасаясь от полного разгрома, несколько сотен повстанцев Зиминского района перешли через линию Алтайской железной дороги и через Боровский район ушли в Славгородский уезд, где действовал партизанский отряд под командой Е.М. Мамонтова. 28 августа они подошли к с. Мельниково Новичихинской волости, где такое соединение состоялось. Пришедшие зиминские повстанцы составили большую часть отряда Е.М. Мамонтова, который стал именоваться Южным фронтом.

Седьмого октября 1919 г. командный состав Южного и Северного фронтов (командующий И.В. Громов) Степного Алтая, принял решение объединиться в Западно-Сибирскую крестьянскую Красную армию. Первоначально она состояла из одного 3-го корпуса, разделенного на две дивизии. Командующим армией являлся Е.М. Мамонтов, командиром корпуса — И.В. Громов, начальником штаба корпуса — бывший казачий офицер беспартийный Я.П. Жигалин (В.П. Бурцев). С созданием армии все партизанские отряды обоих фронтов были преобразованы в восемь полков, которые контролировали большую часть Славгородского уезда, южную часть Каменского уезда и несколько волостей на западе Барнаульского уезда. В начале октября 1919 г. общая численность Западно-Сибирской крестьянской Красной армии достигла примерно 10 тыс. чел., около

трети из которых были вооружены разнокалиберными винтовками, остальные — дробовиками и холодным оружием, главным образом пиками. Кроме того, у партизан имелось около полутора десятков пулеметов.

Низший командный состав до командира роты включительно в армии избирался, высший — назначался. Дисциплина, базировавшаяся преимущественно на ненависти к колчаковскому режиму, оставалась низкой. Пьянство, мародерство, дезертирство, невыполнение приказов, в том числе боевых, были нередким явлением. Борьбу с этими недостатками вели командный состав, полковые советы и полковые товарищеские суды, действовавшие подчас достаточно решительно и даже жестоко. Большевики пытались наладить среди партизан политическую работу в интересах советской власти, но из-за своей малочисленности (их количество не превышало трех десятков человек) не могли развернуть ее широко. 9–10 сентября 1919 г. в с. Леньки по их инициативе был проведен съезд крестьянских, рабочих и солдатских депутатов восставших местностей Алтайской губернии и избран Областной совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, исполнительный комитет которого возглавил большевик П.К. Голиков. Формально большинство партизан боролось за восстановление советской власти, понимаемой, правда, по-разному. Среди них были как сторонники «диктатуры пролетариата», так и ее противники. Но еще больше партизан не хотело никакой власти и являлось носителями стихийного анархизма.

В начале октября и в начале ноября 1919 г. колчаковское командование пыталось окружить и разгромить степноалтайских партизан. Однако оба раза командование Западно-Сибирской крестьянской Красной армии воспользовавшись отсутствием должной координации в действиях противника, навязало ему бои до того, как белогвардейцам удалось замкнуть кольцо окружения. В результате оба раза — в середине октября и еще месяц спустя — в боях, которые велись в основном на территории Покровской волости Славгородского уезда, колчаковцы понесли большие потери в людях и вооружении. Получив информацию о взятии Омска Красной армией, они поспешно отошли к линии Алтайской железной дороги.

С этого времени Западно-Сибирская крестьянская Красная армия сама перешла в решительное наступление по всем направлениям. Деморализованные колчаковские войска фактически не оказывали партизанам никакого сопротивления, чаще всего сдавая населенные пункты без боя. 19 ноября партизаны заняли уездный город Славгород, 28 ноября — Камень-на-Оби, ст. Рубцовка и ст. Шипуново, 2 декабря партизанские полки вошли в Павлодар и Семипалатинск, 6 — в Змеиногорск, 10 декабря — в Барнаул. В результате почти вся территория Степного Алтая и ряда прилегающих к нему районов была освобождена партизанами от белогвардейцев за несколько дней до прихода частей 5-й советской армии, на которую была возложена задача завершить разгром колчаковских войск.

В ходе наступления численность Западно-Сибирской крестьянской Красной армии стремительно выросла как за счет добровольцев-крестьян, так и за счет переходивших на ее сторону бывших колчаковских солдат. В конце ноября 1919 г. она была реорганизована: в армии стало два корпуса, каждый из которых включал в себя по две дивизии, насчитывавшие в общей сложности 25 полков. Численность армии достигла примерно 35 тыс. штыков и сабель.

Рост численности партизан сопровождался резким улучшением ее вооружения. На железнодорожных станциях и в городах они захватили тысячи винтовок, десятки пулеметов, сотни тысяч патронов, орудия и снаряды. Часть оружия и боеприпасов партизанам передали перешедшие на их сторону колчаковские части, в том числе команды бронепоездов и броневиков. В результате партизаны, по признанию их командиров, вооружились «до зубов». На ее вооружении имелось 17 тыс. винтовок, свыше 100 пулеметов, 11 орудий. К началу декабря 1919 г. Западно-Сибирская крестьянская Красная армия стала серьезной вооруженной силой, считаться с которой были вынуждены не только колчаковцы, но и командование 5-й советской армии.

В августе 1919 г. повстанческо-партизанские отряды появились и на территории Горного Алтая. В конце сентября 1919 г. они объединились в партизанскую бригаду численностью до двух тысяч человек, а затем в 1-ю Горно-Алтайскую партизанскую дивизию под командованием анархиста И.Я. Третьяка. В течение осени 1919 г. горноалтайские партизаны выдержали несколько боев с

карательными отрядами под командованием полковника Хмелевского, Кайгородова и др., но все же были оттеснены в глубь Алтайских гор.

Крупным очагом партизанского движения стал так называемый Причерный (Чумышский) край, находившийся на границе Томской и Алтайской губерний, в который входило до 30 волостей Барнаульского, Бийского, Новониколаевского и Кузнецкого уездов. На состоявшемся 12 июля 1919 г. крестьянском съезде был создан краевой исполнительный комитет (председатель И.Ф. Чекрыжов) и принято решение об объединении всех партизанских сил под командованием анархиста Г.Ф. Рогова. К осени 1919 г. по реке Чумыш возник партизанский фронт. К декабрю 1919 г. численность его бойцов составляла около четырех тысяч. Примерно половина из них входила в партизанские формирования во главе с Г.Ф. Роговым, из остальных в начале декабря 1919 г. была сформирована 1-я Чумышская партизанская дивизия под командованием большевика М.И. Ворожцова (Анатолия).

Тринадцатого декабря 1919 г. партизанские отряды, действовавшие на юго-востоке Томской губернии, объединились в «партизанскую армию Мариинского, Щегловского и Кузнецкого уездов» под общим командованием В.П. Шевелева-Лубкова, преобразованную 20 декабря 1919 г. в 1-ю Томскую дивизию численностью до тысячи бойцов.

К концу лета 1919 г. оправившись от неудач партизаны Енисейской губернии. Партизанская армия под командованием А.Д. Кравченко, вынужденная отступить через тайгу в Белоцарск (в настоящее время г. Кызыл, столица Республики Тыва), нанесла 29 августа 1919 г. поражение преследовавшему ее крупному правительственному отряду под командованием есаула Г.К. Бологова. В качестве трофеев партизанам достались два орудия, более десятка пулеметов, сотни винтовок. Развернув вскоре успешное контрнаступление на Минусинск, партизаны к середине сентября захватили этот уездный город. В конце того же месяца здесь был созван первый Чрезвычайный съезд крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, избравший Объединенный совет. К декабрю 1919 г. партизанская армия выросла до 22 тысяч человек. На ее вооружении имелось уже 153 пулемета и пять орудий.

В августе 1919 г. тасеевские партизаны также перешли в контрнаступление и вернули утраченную ранее территорию. На первом съезде Северо-Канского фронта они избрали Армейский совет — высший орган партизанской армии во главе с председателем большевиком В.Г. Яковенко. Командующим фронтом стал Н.М. Буда. В ноябре 1919 г. партизанская армия насчитывала примерно 10 тысяч бойцов при 15 орудиях и 170 пулеметах.

Летом 1919 г. в Приангарье передислоцировался партизанский отряд Н.А. Бурлова. Вместе с местными партизанами и бойцами перешедшей на сторону партизан роты особого назначения, сформированной белыми из числа бывших красноармейцев-военнопленных, здесь образовался Северо-Восточный партизанский фронт численностью до 800 человек во главе с командующим Д.Е. Зверевым и начальником штаба В.К. Костычевым. В результате появился Ангаро-Илимо-Ленский партизанский район на территории семи волостей, где высшим органом власти стал Временный центральный военно-революционный совет Северо-Восточного края Сибири во главе с В.К. Брумом.

В Восточном Забайкалье в начале осени 1919 г. численность партизан выросла до трех тысяч. Они с переменным успехом вели бои с казаками атамана Г.М. Семенова и японцами. На территории Западного Забайкалья партизаны, заняв к концу января 1920 г. значительную территорию между реками Селенгой и Чикой, созвали в с. Бичура съезд представителей восставших селений, на котором был избран Центральный исполком советов Прибайкалья.

Успехи и неудачи партизан были обусловлены многими факторами. Важное значение имел социальный состав партизанского движения — преимущественно крестьянского, в котором лишь очень незначительный удельный вес составляли рабочие и представители интеллигенции. Будучи сложным социально-политическим явлением, это движение развивалось под сильным и противоречивым воздействием элементов стихийности и сознательности. Стихийность в рядах партизан во многом была обусловлена особенностями социальной психологии крестьянства, повышенной нервозностью и импульсивностью его революционности, способностью ее быстро превращаться при неудачах в нерешительность, неуверенность и паникерство. Стихийный крестьянский анархизм содержал в себе момент отрицания всякой власти вообще. На-

строения стихийного анархизма нередко выливались в акты самосудов, бессмысленных разрушений, грабежей, а иногда и настоящих погромов.

Важным фактором, ограничивавшим масштабы партизанского движения, являлось стремление многих партизан и даже целых крупных партизанских формирований вести военные действия только в районах своего проживания. К примеру, в момент отступления с территории Степно-Баджейской республики армия А.Д. Кравченко — П.Е. Щетинкина сократилась в 2,5 раза за счет отказавшихся покинуть свои селения партизан. Отступившие в глубину Алтайских гор партизаны И.Я. Третьяка недосчитались трех полков, бойцы которых также разошлись по своим домам. Немалый вклад в усиление стихийности, в дезорганизацию движения вносили лица с девиантным поведением и уголовные элементы, оказавшиеся в Сибири вследствие существовавшей здесь на протяжении многих десятилетий каторги и ссылки. От рук уголовно-бандитских элементов, занимавшихся грабежами и насилием, погиб ряд партизанских командиров, в том числе Е.П. Попов и А. Анфиногенов.

Устойчивость и эффективность партизанской борьбы напрямую зависела от военной организации партизан, поскольку партизанские отряды и группы представляли собой иррегулярные вооруженные формирования, тогда как сражаться им приходилось в основном с регулярными частями правительственных войск. Обращает на себя внимание большое разнообразие в деле военного строительства у сибирских партизан. Наряду с многочисленными аморфными отрядами и группами, действовавшими на протяжении всего периода гражданской войны и на всей территории Сибири, в ряде мест создавались более-менее грамотно организационно оформленные и структурированные партизанские подразделения, которые в военном строительстве ориентировались на регулярную армию. В частности, степнобаджейские партизаны почти сразу же сформировали два полка, увеличив к лету 1919 г. их число до пяти. У тасеевских партизан уже в момент выступления бойцы были разделены на четыре роты, конный отряд и лыжную команду. Отряд А.И. Избышева в Тарском уезде подразделялся на батальоны.

Весной 1919 г. в ряде районов Сибири предпринимались попытки объединения и координации действий отдельных отрядов. В

апреле 1919 г. состоялась партизанская конференция представителей партизанских отрядов, действовавших на территории Тарского, Татарского и Каинского уездов, избравшая штаб во главе с Л.И. Избышевым и Г. Захаренко. На совещании тасеевских партизан 28–29 апреля 1919 г. было решено объединить все мелкие отряды и подчинить их Тасеевскому военно-революционному штабу. Аналогичное решение в начале мая 1919 г. приняла Шиткинская военная конференция, делегаты которой высказались за формирование единого штаба и разработку единого плана военных действий. Предпринимались шаги к координации действий отдельных партизанских районов и фронтов: Тасеевского и Степно-Баджейского, Тасеевского и Шиткинского, Шиткинского и Баерского. Правда, контакты эти носили преимущественно информационный характер.

Военное строительство у сибирских партизан не осталось без внимания представителей колчаковского командования. Военный министр генерал-майор Н.А. Степанов в одной из своих телеграмм в мае 1919 г. отмечал «истинно воинское понимание у красных первостепенной важности организации введением у себя повсеместно однотипно сформированных боевых единиц»¹⁴.

На первом этапе движения партизанские формирования пополнялись преимущественно за счет добровольцев, что сдерживало рост их численности. Однако во второй половине 1919 г. во всех крупных районах движения партизанские органы власти стали прибегать к мобилизациям боеспособного мужского населения. Наряду с расширением притока добровольцев, принудительные мобилизации придали партизанскому движению массовость, что обусловило, в свою очередь, широкий размах и целенаправленный характер военно-организационной работы. К концу 1919 г. армия Е.М. Мамонтова на территории Степного Алтая была сведена в два корпуса и пять дивизий, горно-алтайские партизаны — в дивизию из 11 полков, тасеевские партизаны — в шесть полков, шиткинские — в один полк. Партизаны Восточно-Забайкальского фронта были разделены на шесть кавалерийских, два пехотных полка и китайский батальон. При этом, однако, даже на террито-

¹⁴ Партизанское движение в Сибири. Т. 1: Приенисейский край. М.; Л., 1925. С. 174.

рии партизанских «республик» оставались отдельные отряды и группы, сохранявшие автономию либо лишь номинально подчинявшиеся «республиканскому» руководству.

Численность партизанских подразделений сильно отличалась не только в разных районах движения, но и в пределах отдельных его районов. В полках армии Е.М. Мамонтова количество бойцов колебалась от одной до нескольких тысяч, а в ротках — от нескольких десятков до нескольких сотен. В армии А.Д. Кравченко Канский полк насчитывал 2242 бойца, тогда как Манский — 4750, а численность многих рот достигала 300 и более человек.

Одновременно в партизанских формированиях предпринимались меры по укреплению дисциплины. С этой целью разрабатывались и принимались «Уставы товарищеской дисциплины» (у степнобаджейских партизан), «Инструкция командному составу» и «Инструкция для товарищей солдат» (в Степном Алтае) и т. п. документы, главным образом, в районах развитого партизанского движения. В них определялись права и обязанности как рядовых бойцов, так и лиц командного состава. В документах о дисциплине нашли отражение многие положения и требования уставов регулярной армии. Наиболее тщательно они были разработаны у минусинских, шиткинских, ангаро-илимо-ленских партизан. Для поддержания дисциплины в некоторых партизанских формированиях создавались военно-революционные суды и трибуналы.

Вовлечение в ряды партизан в ходе проводимых партизанскими органами власти мобилизаций крестьянской молодежи, не имевшей военной подготовки, потребовало организации военного обучения. Съезд степноалтайских партизан в сентябре 1919 г. принял решение «немедленно построить школы или учебные команды для обучения или преподавания военных уставов и планов солдатам и тактики военных действий»¹⁵. Занятия по военной подготовке осенью 1919 г. проводились у тасеевских, шиткинских, ангаро-илимо-ленских партизан. У последних для этой цели использовались даже попавшие в плен белогвардейские офицеры.

В основе военного строительства у сибирских партизан в одних случаях лежал принцип построения старой Русской армии, в

¹⁵ Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Новосибирск, 1959. С. 555.

других — опыт первых формирований Красной армии, в третьих — в полной мере проявилось творчество самих партизанских масс. Сильнейшее влияние на процессы военного строительства оказало присутствие в движении бывших фронтовиков, участников Первой мировой войны, составлявших в конце 1919 г. не менее трети общего числа сибирских партизан. Именно эти люди — рядовые и унтер-офицеры, очень редко — обер-офицеры (например, штабс-капитан П.Е. Щетинкин), побывавшие в горниле сражений, имели представление об устройстве армейской машины. Однако ориентиром для них была, скорее, не дореволюционная Русская армия, а та, какой она стала после Февральской революции 1917 г. в результате процесса демократизации. Бывшие красногвардейцы и красноармейцы, оказавшиеся в рядах партизанского движения, также внесли свою лепту в процессы его военно-организационного оформления. Отсюда широко распространенные в сибирских партизанских формированиях выборность командного состава, решение многих вопросов посредством митингов, голосования, «товарищеская дисциплина» и т. п. явления, характерные для вооруженных формирований революционной России периода 1917 — первой половины 1918 г. В результате сибирское партизанское движение в организационном отношении существенно уступало регулярным армиям, как Белой, так и Красной образца 1919 г.

Организационная слабость партизанского движения очень часто приводила к расколу отрядов, особенно в периоды военных неудач. Отдельные группы, отряды и даже целые полки (Агинский полк армии А.Д. Кравченко, Алейский полк армии Е.М. Мамонтова) отказывались подчиняться командованию, расходились по домам или же ограничивались только защитой своих селений. В этих условиях оказалось недостижимым объединение под единым командованием партизанских формирований не только на территории в целом всей Сибири, но даже в пределах отдельных губерний.

В крупных районах партизанского движения высшими военными органами партизан были преимущественно выборные армейские советы, военно-революционные и главные штабы, возглавлявшиеся председателями и главнокомандующими. Командный состав на первом этапе, как правило, был выборный. На втором этапе наряду с принципом выборности, доминировавшим в небольших автономно действовавших отрядах, стало уже практи-

коваться в некоторых крупных партизанских районах назначение либо утверждение командного состава партизанскими органами власти. Была установлена соподчиненность командного состава, близкая к имевшейся в регулярной армии. Иногда происходили смещения и чистки комсостава. Однако выборность командиров так и оставалась преобладающей до самого конца движения. В крупных партизанских формированиях для ведения военно-оперативной работы создавались малочисленные по своему составу импровизированные штабы. Однако, не имея подготовленных штабных работников, они не способны были выполнять необходимые функции в полном объеме.

Военная квалификация подавляющего большинства партизанских командиров была не выше уровня унтер-офицеров Русской армии. Между тем организационное оформление массового партизанского движения потребовало большого числа лиц командного состава, в особенности младших командиров. На завершающем этапе партизанской борьбы в армии Е.М. Мамонтова насчитывалось около 300 рот и почти тысяча взводов, у горно-алтайских партизан — 60 рот и 240 взводов. Для обеспечения партизанских формирований младшим командным составом руководство партизан прибегало в ряде мест к мобилизациям унтер-офицеров, фельдфебелей, подпрапорщиков, вахмистров старой армии. В некоторых партизанских районах (Гасеевский, Минусинский, Степной Алтай) были организованы школы для подготовки младшего комсостава, впрочем, не игравшие сколько-нибудь заметной роли.

В подражание Красной армии предпринимались даже попытки создания института политических комиссаров — в партизанской армии Е.М. Мамонтова, у горно-алтайских партизан. Однако, в отличие от красноармейских формирований, партизанские комиссары в большинстве своем были беспартийными.

Вершиной военного строительства партизанских сил в тылу колчаковщины явилось создание Восточно-Сибирской советской армии. Она была образована после взятия власти в Иркутске военно-революционным комитетом в конце января 1920 г. по образцу Красной армии из вооруженных частей Политцентра (временный коалиционный демократический орган власти), рабочих дружин и партизанских формирований Иркутской губернии. Главнокомандующим армией являлся бывший командующий Северо-

Восточным партизанским фронтом, участник Первой мировой войны Д.Е. Зверев, политическим комиссаром — Л.Я. Колос (Леонидов), начальником штаба — Бандейкин. В состав армии вошли шесть дивизий и Интернациональная бригада. Из них две дивизии полностью и одна более чем наполовину состояли из партизан. К концу февраля 1920 г. численность армии составила 26717 пехотинцев и 1259 кавалеристов, имевших на вооружении 96 пулеметов.

В большинстве районов развитого партизанского движения создавались и функционировали, наряду с военными органами власти (армейскими советами, выборными штабами), также и гражданские советы, которые избирались местным населением. Между ними порой возникали серьезные трения и разногласия, связанные с борьбой за полноту власти. На практике эта борьба обычно заканчивалась в пользу военных, в распоряжении которых находилась вооруженная сила.

В составе органов власти большинства крупных партизанских районов имелись агитационные отделы. В их задачу входило разъяснение целей борьбы, агитация за вступление в партизанские ряды новых бойцов, распространение информации о военно-политической обстановке и т. п. Агитационно-пропагандистская работа велась как в устной, так и в письменной форме. Предпочтение зачастую отдавалось устной агитации в форме митингов, бесед и т. п., поскольку значительная масса партизан была неграмотной или малограмотной. Вместе с тем агитационные отделы, а там, где их не было — штабы, советы или другие партизанские органы власти — выпускали печатные воззвания, обращения, призывы, которые читались перед группами партизан или местного населения.

Почти во всех крупных партизанских соединениях имелась своя периодическая печать. В общей сложности на территории Сибири выходило не менее 12 изданий. Из них типографским способом печатались только три газеты, причем все — после захвата партизанами городов и конфискации необходимого типографского оборудования: «Соха и молот» (г. Минусинск, с 21 сентября 1919 г. до 18 февраля 1920 г., выпущено 75 номеров), «Знамя борьбы и труда» (г. Семипалатинск, декабрь 1919 г., 14 номеров), «Известия штаба 3-го крестьянского корпуса» (г. Камень, с 29 ноября по 10 декабря 1919 г., около 10 номеров). Что же касается периодиче-

ских изданий, выпускавшихся в селах, то тиражировались они с помощью простейших печатающих устройств: гектографов, шапирографов, а чаще всего — посредством пишущих машинок в небольшом количестве экземпляров. Из числа машинописных изданий наибольшее количество номеров было выпущено в с. Тасеево — примерно 50 («Известия Тасеевского военно-революционного штаба» («Военные известия»)).

Наряду с военно-политическими задачами на освобожденной партизанами территории решались и различные хозяйственно-экономические вопросы. В составе партизанских органов власти создавались специальные отделы и подотделы: хозяйственные, финансовые, земельные, труда и промышленности, призрения и т. п., цель которых заключалась прежде всего в обеспечении бесперебойного снабжения партизанских сил и в регулировании хозяйственно-экономических процессов на освобожденной территории. Снабжение осуществлялось путем бесплатных добровольных пожертвований со стороны населения, а также конфискации и реквизиции у сторонников колчаковщины, у зажиточной части населения. В некоторых партизанских районах был введен прогрессивно-подходящий натуральный налог, денежное обложение (у шиткинских партизан), самообложение (Степно-Баджейский и Минусинский районы), единовременный налог и даже продовольственная разверстка (Степной Алтай), устанавливались твердые цены, проводились трудовые мобилизации, национализировались предприятия. Освобожденные партизанские районы превращались в своеобразные военные лагеря, вся жизнь которых была подчинена достижению победы над противником.

В то же время в районе действия автономных партизанских отрядов их снабжение осуществлялось, главным образом, посредством набегов на волостные центры, где подвергались ограблению местные земские управы, почтовые отделения, зажиточные крестьяне и торговцы. В результате антиправительственные действия таких отрядов тесным образом переплетались с уголовным бандитизмом. Наиболее ярко, пожалуй, это демонстрировали партизанские отряды, оперировавшие на территории Томской губернии. Местные проправительственные газеты в 1919 г. регулярно помещали информацию о нападениях «бандитских шаек», т. е. партизанских отрядов и групп, на сельские населенные пункты.

На заключительном этапе движения партизанский бандитизм стал угрозой и для окраинных городов. Едва ли не самым крупным и трагичным его проявлением в Западной Сибири стал разгром в декабре 1919 г. объединенным отрядом под командованием анархистов Г.Ф. Рогова и И.П. Новоселова небольшого уездного города Кузнецка на юге Томской губернии. В течение трех суток партизаны производили массовую расправу над всеми, кто был причастен к белогвардейским органам власти и управления, расстреливали офицеров и представителей интеллигенции, жгли церкви. Одновременно они разграбили имущество состоятельных горожан и покинули разоренный город с внушительным по размерам обозом. Впрочем, самосуды, самовольные реквизиции, конфискации, грабежи были частым явлением и на территории партизанских «республик». Руководство Минусинского партизанского района, чтобы справиться с такого рода негативными явлениями, было даже вынуждено с 1 декабря 1919 г. ввести на подконтрольной ему территории осадное положение.

Сама обстановка гражданской войны порождала и усиливала в рядах всех противоборствующих сторон ненависть к противнику, жестокость, применение пыток, порой самых что ни на есть варварских. Исторические источники содержат массу фактов такого рода с участием сибирских партизан. Однако и действовавшие против них карательные отряды также в полной мере использовали методы устрашения, прибегали к массовому насилию: истязаниям и расстрелам без суда и следствия попавших в плен партизан, сожжению их домов, конфискации имущества. Иначе говоря, белый и красный (точнее его можно было бы назвать «зеленым») террор был неотъемлемой частью борьбы между силами революции и контрреволюции в сибирском тылу последней.

Партизанское движение пытались подчинить своему влиянию различные политические партии и группы, прежде всего большевики, эсеры и анархисты. Наибольших успехов добились большевики, под идейным или организационным воздействием которых уже летом 1918 г. в сибирской деревне появились первые подпольные организации, в которых к началу 1919 г. состояло несколько тысяч человек. Участники сельского революционного подполья составили ядро многих партизанских отрядов.

В рядах сибирских партизан находилось несколько сотен членов коммунистической партии. Наиболее заметную роль среди них играли Ф.Я. Бабкин, С.Т. Баталов, М.П. Богданович (Волгин), Н.М. Буда, И.А. Вашкорин, М.И. Ворожцов, П.К. Голиков, И.В. Громов, Д.Е. Зверев, М.А. Игнатов, И.П. Маздрин, Я.П. Новиков, П.Е. Щетинкин и В.Г. Яковенко. ЦК РКП(б) посредством специально образованного в декабре 1918 г. Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК, а также сибирских нелегальных большевистских организаций стремился поставить партизанское движение под свой идейно-организационный контроль. Однако централизованного воздействия не получилось. Руководящие сибирские партийные органы большевиков оказались разгромленными колчаковской контрразведкой. Существенно ослаблены были в результате многочисленных арестов их губернские и городские структуры. Поэтому члены коммунистической партии, оказавшиеся в рядах партизан, действовали, как правило, самостоятельно, на свой страх и риск, опираясь лишь на собственный политический опыт, идеологический багаж, с учетом специфики обстановки. При этом далеко не все из них действовали в духе программы РКП(б), допуская нередко своеобразный «крестьянский уклон».

Два относительно крупных партизанских отряда на протяжении всего времени находились под непосредственным руководством идейных анархистов. Отряд И.П. Новоселова в Томской губернии, насчитывавший около 100 чел., сражался под черным знаменем с надписью «Да здравствует анархия — мать порядка», а походной песней его бойцов был «Гимн анархистов». Ядро отряда составляли члены созданной И.П. Новоселовым и М. Скударновым крестьянской анархистской коммуны в д. Баерак Кузнецкого уезда. Эта коммуна была одной из четырех анархистских организаций, существовавших весной 1918 г. на территории Томской губернии. Другой отряд, под командованием Н.А. Каландаришвили, действовал в Иркутской губернии и насчитывал к декабрю 1919 г. около 500 человек. Кроме того, отдельные анархисты входили в состав руководящих партизанских органов власти.

Одновременно с коммунистами Сибирский краевой комитет партии социалистов-революционеров и Сибирский союз социалистов-революционеров также пытались идейно-политически и организационно воздействовать на партизанское движение, стремясь

направить его в русло борьбы за Учредительное собрание и «истинное народовластие». Наряду с «правыми» эсерами и более умеренными эсерами-центристами, в рядах сибирских партизан находилось немало также и «левых» эсеров. Социалисты-революционеры возглавляли некоторые партизанские формирования (в частности, «левые» эсеры Г.Д. Шувалов, В.А. Зворыкин), занимали высокие должности в отдельных партизанских органах власти.

Социальная и политическая неоднородность партизанского движения, различные идейно-политические устремления его участников, присутствие членов и сторонников различных политических партий и групп обусловили напряженную внутреннюю идейно-политическую борьбу в ряде партизанских формированиях и на освобожденных партизанами территориях. На первом этапе движения наиболее упорная борьба между большевиками с одной стороны, эсерами и меньшевиками — с другой развернулась в Шиткинском районе. Члены оформившейся в Тайшете эсеро-меньшевицкой группы «Единство» вошли в командный состав партизанского фронта (Е. Кочергин, И.А. Кочергин, Н.И. Куприянов, Я.М. Москвитин, Ф.М. Чайковский), заняв при этом ключевые посты. В результате партизанский штаб провозгласил и на первых порах активно пропагандировал лозунги борьбы за Учредительное собрание, «за народное право», «за чисто крестьянскую власть». Почти на каждом заседании штаба происходили идейно-политические споры. Однако на состоявшихся в мае 1919 г. в с. Шиткино военной и гражданской конференциях сторонники борьбы за «чисто крестьянскую власть» потерпели поражение. Из 36 делегатов гражданской конференции 25 проголосовало за резолюцию, в которой говорилось: «Двухгодичный опыт русской революции учит, что в борьбе трудящихся против буржуазии наилучшей государственной властью является власть самих трудящихся, организованная в советы. Всякая другая власть, под каким бы лозунгом она не выступала, в конечном счете является организацией буржуазии против трудящихся»¹⁶. В начале июля партизанский штаб был переизбран. Его членами стали преимущественно сторонники советской власти во главе с большевиком М.П. Богдановичем (Волгиным).

¹⁶ ЦХИДНИ КК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 864. Л. 11. Протокол конференции.

Другим очагом партизанского движения, где также наблюдалось значительное эсеровское влияние, была южная часть Енисейской губернии. Здесь эсеры и их сторонники, прежде всего члены действовавшей в с. Перовском группы «Союз левых народников», вошли в руководящий состав Степно-Баджейской, а затем Минусинской партизанских республик и армии А.Д. Кравченко. Представители левозероветского течения П.П. Петров, А. Иванов, А. Низовцев и др. небезуспешно отстаивали лозунги борьбы за власть трудового крестьянства, выступали против какой бы то ни было диктатуры, в том числе диктатуры пролетариата, за внепартийные советы, которые должны избираться «трудовым народом» путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Эта идейно-политическая борьба нашла отражение на страницах партизанской газеты «Соха и молот», которую редактировал один из идеологов левозероветского течения П.П. Петров — будущий советский писатель, а после него — А. Низовцев. Некоторые публицисты в своих публикациях допускали возможность отказа от советов как формы государственной власти. Что будет после разгрома колчаковщины, «какую форму правления примет народ — дело народа», — писал А. Низовцев¹⁷. Отдельные социал-демократы (меньшевики), оказавшиеся в рядах минусинских партизан (например, член президиума армейского совета А.К. Грюнберг (Загайный), не играли здесь сколько-нибудь заметной самостоятельной идейно-политической роли.

В левозероветском духе в ноябре 1919 г. по докладу П.П. Петрова была принята внутренне противоречивая «Декларация съезда представителей крестьянской армии» (VI армейского съезда минусинских партизан). С одной стороны в ней отвергалась диктатура пролетариата, содержались требования свободы слова и печати для каждого человека, свобода собраний, союзов и других коллективных организаций, а также призыв к созданию единого социалистического фронта борьбы с колчаковщиной. Это шло вразрез с установками коммунистической партии. С другой стороны в «Декларации» заявлялось, что партизанская армия не признает никакой другой власти, кроме власти Российской советской федеративной социалистической республики. В таком виде документ в целом

¹⁷ Соха и молот (Минусинск). 1919. 19 окт.

был поддержан большинством коммунистов-партизан, а также командующим партизанской армией, в прошлом членом партии социалистов-революционеров, А.Д. Кравченко. Правда, вскоре после съезда отдельные большевики заявили о своих принципиальных разногласиях с «Декларацией», но она так и не была отменена вплоть до конца партизанской борьбы в этом районе.

Острые разногласия между большевиками и эсерами вспыхнули в конце 1919 г. внутри Временного краевого совета — высшего военного и гражданского органа власти в Ангаро-Илимоленском партизанском районе. Члены совета Редовский, Чернявский и Черных пытались направить его работу в русло борьбы за Учредительное собрание, тогда как большевики, в том числе председатель совета В.К. Брум, являлись сторонниками советской власти. Споры продолжались более двух недель, едва не дойдя до применения оружия. В ноябре 1919 г. эсеры заявили о выходе из состава краевого совета «по принципиальным и тактическим соображениям»¹⁸.

На территории Степного Алтая, прежде всего на юге Славгородского уезда, повстанческие штабы в ряде сел почти целиком состояли из эсеров. Их действия привели к тому, что 9 сентября 1919 г. на освобожденной партизанской территории одновременно начали работу два съезда — в с. Вознесенском, инициаторами которого были эсеры, и в с. Леньки, организованного большевиками и их сторонниками. Однако большинство делегатов обоих съездов выступило в поддержку советской власти. В результате спустя всего лишь два дня состоялось объединенное заседание представителей обоих съездов, одоббившее решения, принятые в с. Леньки.

В августе и сентябре 1919 г. на совещаниях горноалтайских повстанцев и партизан в с. Солонешное и Черный Ануй были приняты эсеровские резолюции. Социалисты-революционеры возглавили Главный штаб, который декларировал в своих воззваниях: «Мы не преследуем партийных целей, мы оставляем в действии земские учреждения, заменяем правительственную милицию народными выборными. Достигая фронта войск Сибирского правительства и большевиков, мы предлагаем воюющим сторонам пре-

¹⁸ ГАИО. Ф. Р-852. Оп. 1. Д. 22. Л. 14. Протокол пленарного заседания краевого совета от 23 ноября 1919 г.

кратить бойню и предоставить народу высказаться, какую форму правления он желает»¹⁹. Эти установки полностью соответствовали программе Сибирского союза социалистов-революционеров. Однако в конце сентября 1919 г. с приходом в Черный Ануй партизанских формирований под командованием сторонника советской власти И.Я. Третьяка Главный штаб был упразднен. Спустя месяц был отвергнут и предложенный эсерами в качестве программы партизанского движения проект так называемой «Усть-Коксинской конституции», а вместо нее приняты «Временные правила гражданской власти на местах».

В конечном счете ни в одном из районов партизанского движения эсерам не удалось создать фронт борьбы за Учредительное собрание. Партизанское движение протекало в целом под лозунгом борьбы за советы. Просоветский характер сибирского партизанского движения во многом предопределил безуспешность попыток эсеро-земской антиколчаковской оппозиции Иркутска, Красноярска, Нижнеудинска, Канска, Тайшета войти в соглашение с партизанами в конце 1919 — начале 1920 г.

Однако, поддержав советы как наиболее приемлемую форму власти, сибирские партизаны во многом расходились с большевиками в понимании ее сущности и содержания. Прежде всего, советы для них выступали не в качестве органов диктатуры пролетариата, а как общедемократические, общекрестьянские структуры власти и управления. Это расхождение особенно рельефно проявилось чуть позднее, в 1920–1922 гг., когда десятки тысяч сибирских крестьян, в том числе многие бывшие партизаны, вновь взяли за оружие и снова под советскими лозунгами, только на этот раз они выступали «за советы без коммунистов».

Партизанское движение в конечном счете сыграло огромную роль в ослаблении и ликвидации на территории Сибири антибольшевистских режимов. Партизаны дезорганизовывали тыл, разгоняли местные органы власти «белых», милицию, разрушали коммуникации. Многие партизанские формирования, оперировавшие в районе стратегически важной Транссибирской железнодорожной магистрали, держали в постоянном напряжении охранявшие ее войска. Партизаны нападали на станции, разрушали железнодо-

¹⁹ РГВА. Ф. 929. Оп. 1. Д. 1. Л. 100.

рожные пути, мосты, обрывали телеграфные провода, организовали несколько крупных, вызвавших большой резонанс, крушений поездов. В результате снижалась пропускная способность железной дороги, страдало снабжение белых армий, срывались планы командования «белых». В сибирских газетах периода гражданской войны нередко помещались сводки боевых действий под рубрикой «На внутренних фронтах», настолько эти военные операции были заметными и чувствительными для «белых».

Осенью 1919 г. сибирские партизаны, по ориентировочным оценкам историков, отвлекали на себя до 20% дислоцировавшихся на территории края колчаковских войск и вооруженных сил интервентов. В конце сентября 1919 г. командующий войсками Омского военного округа генерал-лейтенант А.Ф. Матковский был вынужден объявить почти всю Западную Сибирь театром военных действий.

В многочисленных сражениях сибирские партизаны нанесли противнику чувствительный урон в живой силе и вооружении, уничтожив, ранив и взяв в плен десятки тысяч солдат и офицеров. Около восьми тысяч колчаковских солдат добровольно перешли на сторону партизан, в том числе солдаты 43-го и 46-го полков, команды бронепоезда «Сокол», броневиков «Туркестан» и «Степняк» в конце ноября 1919 г. на территории Степного Алтая. В то же время в боях с карательными отрядами и регулярными частями колчаковских и иностранных войск погибли и были ранены несколько тысяч сибирских партизан.

К концу 1919 г. партизаны самостоятельно освободили ряд сибирских городов: Илимск (10 сентября), Минусинск (13 сентября), Славгород (19 ноября), Камень (28 ноября), Барнаул (10 декабря), Щегловск (21 декабря) и др. Партизанское движение достигло такого размаха, что под контролем «белых» оставалась фактически лишь полоса вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали шириной до 100–150 верст, вдоль которой отступали их деморализованные армии.

Однако стратегическое (и историческое) значение сибирского партизанского движения заключалось не только в его военных, но едва ли не в большей степени в его социально-политических результатах. Будучи по своему социальному составу преимущественно крестьянским (а крестьянство составляло примерно 90% на-

селения Сибири), это массовое движение наглядно продемонстрировало узость социальной базы контрреволюционных сил, прежде всего военной диктатуры Верховного правителя адмирала А.В. Колчака. Именно отсутствие социальной поддержки со стороны большинства сибирского населения явилось одной из главных причин поражения контрреволюции на востоке России.

В октябре — ноябре 1919 г. произошли первые встречи сибирских партизан с наступавшими частями Красной армии, и началось их взаимодействие. Некоторым партизанским формированиям, действовавшим в ближайшем тылу противника, были даны конкретные оперативные задания по преследованию отступавших колчаковских войск. Такие задания получили, в частности, 6-я Горно-Степная дивизия и 4-й корпус партизанской армии Е.М. Мамонтова, дивизия И.Я. Третьяка, енисейские партизаны.

Разгром общего противника и восстановление в крае советской власти поставили вопрос о дальнейшей судьбе партизан. При этом явственно обнаружилась существенная разница в уровнях военного строительства и политического опыта, идейно-политическая неоднородность партизанского движения. В результате создавалась благоприятная почва для разного рода эксцессов, конфликтных ситуаций в процессе объединения партизан с Красной армией.

В соответствии с приказом Революционного военного совета Советской республики от 11 декабря 1919 г. запрещалось существование партизанских отрядов, как самостоятельных боевых единиц на советской территории. Не подчинявшиеся отряды предписывалось «подвергать беспощадной каре», особенно их командный состав и «кулацкие верхи». Революционный военный совет 5-й красной армии посвятил два специальных заседания, состоявшихся 24 и 25 декабря 1919 г., вопросам объединения регулярной армии с партизанскими частями. Итогом этих заседаний стал изданный Реввоенсоветом 5-й армии 26 декабря 1919 г. приказ, в котором был высоко оценен вклад сибирских партизан в освобождение края от колчаковщины и одновременно определен порядок формирования партизанских частей.

По решению советского командования около 15 тыс. сибирских партизан были влиты в состав 5-й красной армии, существенно ослабленной потерями в ходе наступления и нуждавшейся в

срочном пополнении. Достаточно сказать, что в январе 1920 г. количество раненых и больных тифом в ее рядах достигало 35 тыс. чел. В результате пополнения в отдельных бригадах 26-й стрелковой дивизии численность партизан доходила до 75 %.

Оказавшись в частях регулярной Красной армии, бывшие партизаны сразу же были подвергнуты массивной идейно-политической обработке со стороны армейских политработников и коммунистов. Политотделом 26-й стрелковой дивизии были изданы четыре специальных номера газеты «Красный партизан». По признанию заведующего политотделом этой дивизии А.Л. Шифреса, «партизаны сразу попали в железный охват нашего великолепного организованного административного аппарата»²⁰.

В начале 1920 г. была предпринята попытка формирования целиком из минусинских партизан регулярной дивизии Красной армии. Получившая название Енисейской стрелковой, эта дивизия численностью около 13 тысяч человек на основании приказа от 30 января 1920 г. стала создаваться в районе г. Ачинска. Командный состав дивизии сохранялся преимущественно партизанский во главе с А.Д. Кравченко, а штабной и политический формировался из работников 5-й красной армии. Однако слабая дисциплина, проводимые партизанами самовольные реквизиции, обыски, самосуды, а также идейно-политические трения между партизанским и армейским руководством привели спустя всего лишь месяц к разоружению дивизии. А.Д. Кравченко, будучи способным партизанским вождем, мало соответствовал должности начальника регулярной красноармейской дивизии. К концу марта 1920 г. она была расформирована. Часть ее бойцов была влита в запасной полк, в запасную батарею и в 27-ю стрелковую дивизию 5-й красной армии. Но немало бывших партизан из расформированной дивизии с оружием в руках разошлись по домам.

Разоружению был подвергнут и ряд других — ненадежных, по мнению красноармейского командования — партизанских формирований, главным образом на территории Западной Сибири (отряды Г.Ф. Рогова и И.П. Новоселова в декабре 1919 г., П.К. Лубкова в феврале 1920 г., некоторые части 4-го корпуса М.В. Козыря из Западно-Сибирской крестьянской Красной армии).

²⁰ РГВА. Ф. 185. Оп. 2. Д. 395. Л. 1.

Основная масса западносибирских партизан (до 20 тысяч человек) вливалась в красноармейские части в течение полугода через сформированные в январе — феврале 1920 г. три запасных полка 5-й армии (в Барнауле, Новониколаевске и Семипалатинске). Непосредственно этой работой занималась инспекция пехоты 5-й армии во главе с Ф.В. Егоровым, помощниками которого были назначены бывшие партизанские руководители Е.М. Мамонтов, Я.П. Жигалин и И.Ф. Чеканов.

Около 15 тысяч бывших партизан, главным образом, старших возрастов вступили в Красную армию позднее, во второй половине 1920 г. Тогда же несколько десятков тысяч бывших сибирских партизан приняли участие в сражениях на Польском фронте и с войсками барона П.Н. Врангеля.

Значительное количество сибирских партизан было направлено на комплектование частей войск внутренней охраны (ВОХР). Целиком или частично из партизан состояли 65-я и 87-я стрелковые бригады ВОХР, Минусинский, Канский, Енисейский, Ачинский, Кузнецкий караульные батальоны, а также ряд караульных рот и иных подразделений ВОХР в других городах Сибири.

По-иному сложилась судьба иркутских партизан, входивших в Восточно-Сибирскую армию, которая была переформирована в 1-ю Иркутскую стрелковую дивизию (командир В.И. Буров, комиссар А.А. Ширямов). В марте 1920 г. дивизия, а также не вошедшие в нее партизанские отряды Н.А. Каландаришвили и Н.А. Бурлова, были переброшены в Забайкалье для борьбы с атаманом Г.М. Семеновым. Иркутские партизаны и повстанцы явились одним из основных источников комплектования Народно-революционной армии Дальневосточной республики, просуществовавшей до конца 1922 г.

К лету 1920 г. на территории Сибири не осталось ни одного партизанского формирования. Всего в ходе объединения с Красной армией в ее ряды влилось до одной трети сибирских партизан. Участники партизанского движения старше 35 лет были распущены по домам, также как и бойцы расформированных партизанских отрядов и подразделений, не пожелавшие добровольно вступить в Красную армию.

В процессе объединения решалась и судьба партизанских органов власти. Будучи во многом результатом творчества вос-

ставших народных масс, эти структуры, как правило, с большой осторожностью интегрировались в советскую государственную систему. Центральные партизанские органы власти были ликвидированы во всех районах движения, но при этом многие их члены включались в состав или в исполнительный аппарат уездных революционных комитетов, в партийные, хозяйственные и иные советские структуры. Так, председатель степноалтайского партизанского Облакома П.К. Голиков был назначен уполномоченным походного отделения Сибирского революционного комитета, члены Облакома Х.С. Скиба – председателем Семипалатинского областного революционного комитета, И.Д. Бобринский (Федько) — председателем, И.М. Колосов — членом, а З.С. Трунтов (Воронов), О.Е. Клевцов, И.П. Маздрин, М.И. Поздняков и А.В. Толоконников — заведующими отделами Каменского уездного революционного комитета. В состав Канского уездного революционного комитета вошли члены Гасеевского армейского партизанского совета В.Г. Яковенко (председатель), Г.Н. Бобылев и Е.К. Рудаков. С.К. Сургуладзе возглавил Минусинский уездный революционный комитет.

Среднее звено партизанских органов власти (районные военно-революционные штабы, комитеты, советы) на территории Западной Сибири обычно переименовывались в революционные комитеты и функционировали до февраля 1920 г., затем постепенно расформировывались, а их члены вливались в состав уездных и волостных советских органов. Низовые волостные и сельские партизанские советы и исполнительные комитеты выделяли из своего состава по три человека, которым присваивались права соответствующих ревкомов.

Ликвидация партизанских органов власти происходила далеко не просто. Часть бывших партизан настаивала на сохранении своих органов власти и управления, а также сформировавшихся в условиях партизанской борьбы форм и методов работы, которые нередко именовались «партизанщиной» (термин, который тогда широко использовался в лексиконе красноармейского командования и большевистского руководства для обозначения низкого уровня военного строительства и негативных проявлений в партизанском движении). В сфере советского строительства «партизанщина» проявлялась в невыполнении постановлений вышестоящих орга-

нов власти, самоуправстве, местничестве, нарушении законов со стороны отдельных сотрудников революционных комитетов, милиции и других местных органов. В ряде случаев своеобразным продолжением «партизанщины» на территории Сибири в начале 1920-х годов. стало уголовно-политическое явление, получившее название «красный бандитизм».

В процессе объединения с Красной армией имели место антикоммунистические выступления бывших партизан, отказ значительной их части подчиниться разоружению и роспуску, растаскивание по домам оружия, дезертирство. Только в Западной Сибири количество дезертиров — бывших партизан — из Красной армии составило около шести тысяч человек. Впоследствии — в конце весны, летом, осенью 1920 г. и в 1921 г. — часть бывших партизан, включая ряд известных партизанских командиров, с оружием в руках поднялась на борьбу против большевистской власти и проводимой ею политики «военного коммунизма» (вооруженные выступления под руководством Г.Ф. Рогова, И.П. Новоселова, П.К. Лубкова, Ф.Д. Плотникова и др.). Все эти восстания, несмотря на массовость и упорство повстанцев, в конечном счете были разгромлены. Причем в их подавлении наряду с регулярными красноармейскими частями участвовали также бывшие партизаны, оказавшиеся в коммунистических частях особого назначения.

После завершения гражданской войны и восстановления в Сибири советской власти партизаны и в мирное время продолжали оставаться наиболее социально активной частью населения. В начале 1920-х годов преимущественно из их числа пополнялись ряды членов и сочувствующих коммунистической партии, на одну треть из бывших партизан состояла рабоче-крестьянская милиция Сибири.

Советская власть, находившая в лице бывших партизан социальную опору в деревне, со своей стороны оказывала им определенную помощь. С целью возмещения убытков решением Сибирского революционного комитета от 7 мая 1920 г. разоренным партизанским районам выделялось 95 млн рублей; туда направлялись семена, скот, строительные материалы и т.п. В 1920-е годы участники партизанского движения пользовались государственными льготами и привилегиями.

Ряд бывших партизан впоследствии оказался на руководящей партийной, советской, хозяйственной работе, служил в органах ВЧК — ОГПУ. Некоторые из них занимали достаточно высокие номенклатурные должности в советской иерархии власти. В частности, В.Г. Яковенко являлся народным комиссаром земледелия и наркомом социального обеспечения РСФСР, П.К. Голиков редактировал всероссийскую «Крестьянскую газету», Л.В. Решетников работал секретарем Барнаульского городского комитета РКП(б), Н.М. Буда возглавлял милицию Енисейской губернии, Я.А. Пасынков — Томский городской отдел НКВД и т.д.

В начале 1930-х годов значительная часть бывших партизан была вовлечена в массовое колхозное строительство. В то же время некоторые из них подверглись «раскулачиванию», участвовали в крестьянских выступлениях, направленных против насильственной коллективизации. В период массовых политических репрессий в 1930-е годы сотни участников сибирского партизанского движения были необоснованно осуждены и погибли. В одном только 1933 г. было репрессировано около 800 бывших сибирских партизан, необоснованно обвиненных вместе с 400 бывшими офицерами в так называемом «белогвардейском заговоре». Во время «Большого террора» в СССР погибли также десятки бывших партизанских руководителей.

**К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПОРАЖЕНИЯ
АРМИИ АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА
(июнь — декабрь 1919 г.)**

Вопрос о причинах краха политического режима и поражения вооруженных сил Верховного правителя адмирала А.В. Колчака в той или иной степени поднимается во всех исследованиях о гражданской войне на востоке России. Историками изучены общественно-политические, социально-экономические, внешнеполитические и военные факторы, обусловившие разгром контрреволюции. В данной статье предпринята попытка выявить роль субъективных факторов и их влияние на военно-политические процессы в Сибири в октябре — декабре 1919 г. через призму изучения деятельности генерала М.К. Дитерихса.

Восхождение Михаила Константиновича Дитерихса на военный Олимп белой Сибири началось в июне 1919 г., когда фронт колчаковских армий начал медленно откатываться на восток. В правительстве и в военных кругах зрело недовольство генералом Д.А. Лебедевым, совмещавшим должности начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра. Его обвиняли в том, что он, сосредоточив в своих руках два ключевых военных поста, но не имея должной квалификации, взвалил на себя непосильную ношу и выпустил из рук дело управления армиями. Дитерихс же представлялся человеком многоопытным. Осенью 1917 г. он являлся генерал-квартирмейстером, а затем короткое время и начальником штаба Верховного главнокомандующего. На востоке России Дитерихс появился весной 1918 г. в качестве начальника штаба Чехословацкого корпуса. С начала 1919 г. он по поручению Колчака курировал следствие по делу об убийстве царской семьи.

Вместе с тем в характере Дитерихса отмечались некоторые странности. Генерал М.Д. Бонч-Бруевич, характеризуя Михаила Константиновича, обратил внимание на то, что в его поведении еще осенью 1917 г. явно проступала «больная психика». «У него был свой „пунктик“ — великий князь Михаил Александрович [...]. Дитерихс как-то вычитал в Апокалипсисе, что Михаил „спа-

сет“ Россию, и с тех пор носился с этой маниакальной идеей»¹. Явные признаки религиозного помешательства отмечали у Дитерихса почти все, кто общался с ним. Его внешняя религиозность, активно демонстрируемая окружающим, выходила за рамки норм, общепринятых в армии и в государственном аппарате.

Трагическая гибель осенью 1918 г. великого князя Михаила Александровича, очевидно, потрясла Дитерихса. У него стала проявляться мания преследования, выразившаяся в том, что вокруг себя он видел только врагов, легко приобретая таковых и ведя с ними непримиримую борьбу. Одновременно у Дитерихса отмечалась и мания величия, проявлявшаяся в неприятии любой критики в свой адрес и убежденности в собственной непогрешимости. Не исключено, что в своих апокалипсических размышлениях он пришел к выводу, что Михаилом, призванным спасти Россию, а, возможно, и весь мир является именно он — Михаил Дитерихс.

Управляющий министерством иностранных дел Российского правительства И.И. Сукин отмечал, что политические суждения Дитерихса отличались «отвлеченностью» и «фантастичностью», «свои заключения в этой области он выводил не из того, что действительно происходило, а из того, чему он желал верить». Он был человеком «нервным и впечатлительным», с «глубоко потрясенным душевным равновесием». Когда Михаил Константинович говорил об убийстве в Екатеринбурге царской семьи, «он производил впечатление ненормального человека». При этом, по мнению И.И. Сукина, Дитерихс «представлял собой замечательный тип энергичного, высококультурного и просвещенного генерала. Его речь всегда была выразительной, подчас несколько экзальтированной, и производила на всех сильное впечатление [...]. Политическая мечтательность не была в нем одинаково неприятной: наоборот, он скорее подкупал своей искренностью»².

Приказом от 20 июня 1919 г. в целях согласования действий Сибирской и Западной армий и Речной боевой флотилии А.В. Колчак в полном составе подчинил их Дитерихсу на правах

¹ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть советам. Воспоминания. М., 1957. С. 183–184.

² Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака. Документы и материалы. М., 2005. С. 502–503.

главнокомандующего фронтом³, а 14 июля 1919 г. назначил его на вновь учрежденную должность главнокомандующего Восточным фронтом. Подчиненные Дитерихсу войска Сибирской и Западной отдельных армий сводились в три неотдельные армии: 1-ю Сибирскую под командованием генерала А.Н. Пепеляева, 2-ю — генерала Н.А. Лохвицкого и 3-ю — генерала К.В. Сахарова⁴.

В результате этих организационных мероприятий фактически произошла передача полномочий по оперативному руководству войсками от начальника штаба Верховного главнокомандующего Лебедева к командующему фронтом Дитерихсу. Чтобы устранить возникшее таким образом двоецентрие, 10 августа Колчак возложил на Дитерихса временное исправление должностей начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра. При этом отдельные органы управления Восточным фронтом подлежали упразднению с возложением всех их функций на Ставку и органы центрального военного управления. В тот же день Дитерихс приказал расформировать штаб Восточного фронта⁵.

Парадоксальным образом Дитерихс вернул весь центральный военный аппарат к положению, существовавшему до начала формирования структур Восточного фронта. Это свидетельствует о том, что прежняя, всеми критикуемая система высших органов военного управления, в целом устраивала Дитерихса, но при условии, что эту систему должен возглавлять он сам. Под предлогом того, что за полтора месяца бездействия Ставка утратила контроль за ситуацией на фронте, 18 августа Дитерихс отдал распоряжение вновь сформировать походный штаб главнокомандующего Восточным фронтом. Именно с того времени в омских кругах стали циркулировать слухи о намерении Дитерихса устранить от власти Колчака. Сам Колчак не в полной мере доверял Дитерихсу и искал ему замену. Однако генералы Н.Н. Головин и А.П. Будберг, которым Верховный правитель предлагал должность начальника штаба Верховного главнокомандующего, отказались от предложения. Будберг согласился стать только военным министром, и 27 августа 1919 г. заменил в этой должности Дитерихса.

³ Голос Сибирской армии (Екатеринбург). 1919. 26 июня.

⁴ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 13. Л. 105.

⁵ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 18. Л. 261а.

С этого времени Дитерихс стал воспринимать Будберга как личного врага. Всю свою энергию он направил на то, чтобы лишить военного министра его полномочий. 30 августа Дитерихс добился у Колчака решения о создании в тылу должностей инспекторов пополнений и формирования стратегического резерва Дальнего Востока с изъятием тыловых округов из подчинения военному министру и передачей их в распоряжение главнокомандующего фронтом. Данное решение, принятое помимо Будберга, предписывалось провести в жизнь ускоренным темпом⁶.

3 сентября Будберг встретился с Дитерихсом для выработки соглашения об организации военного управления в тылу. «Я, — вспоминал Будберг, — предлагал всевозможные уступки, но просил только не ломать последних остатков нашей системы. Я предлагал назначить военного министра и командующих войсками в тыловых округах по выбору самого Дитерихса с тем, чтобы они проводили там программу, разработанную главнокомандующим и предписанную к исполнению Верховным правителем, [...] просил только избежать недопустимого двоевластия со всеми его сумбурными последствиями [...]». Но «Дитерихс уперся на своем; твердил, что фронт не верит тылу и что все дело подготовки должно быть в его руках; было очевидно, что он не желает даже вникать в сущность делаемых ему предложений»⁷.

По представлению Дитерихса 17 сентября Колчак повелел Ставку в настоящем ее составе расформировать, а главнокомандующему Восточным фронтом сформировать штаб и управления Восточным фронтом. Взамен упраздняемой Ставки решено было сформировать новый штаб Верховного главнокомандующего. Впредь до сформирования этих двух высших штабов главнокомандующему фронтом генералу Дитерихсу предписывалось исполнять обязанности и начальника штаба Верховного главнокомандующего. Спустя десять дней, 27 сентября, Дитерихс утвердил вновь разработанный временный штат штаба Верховного главнокомандующего, в структуре которого имелись управления генералквартирмейстера и дежурного генерала, насчитывавшие 50 офице-

⁶ Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Т. XV. Берлин, 1924. С. 291.

⁷ Там же. С. 296.

ров и чиновников⁸. И лишь 1 октября 1919 г. Дитерихс приказал из Ставки и походного штаба главнокомандующего Восточным фронтом сформировать штаб и управления Восточного фронта.

По нашему мнению, при всей внешней сумбурности вышеупомянутых «реформ» в них можно усмотреть внутреннюю логику, исходя из предположения, что целью данных «преобразований» являлась не столько оптимизация системы управления войсками, сколько сосредоточение и сохранение в руках Дитерихса всей полноты военной власти. В таком случае создание органов управления Восточным фронтом в июне — июле 1919 г. являлось для Дитерихса первым тактическим ходом, суть которого заключалась в отстранении Ставки во главе с генералом Д.А. Лебедевым от непосредственного управления действующей армией. Второй тактический ход Дитерихса в августе — сентябре был направлен на ликвидацию Ставки как организационного аппарата, посредством которого Колчак осуществлял свои полномочия Верховного главнокомандующего. К началу октября эта задача была Дитерихсом решена. Колчак, возможно сам того не подозревая, был лишен большинства своих полномочий как Верховный главнокомандующий, а армия — отдана на откуп волюнтаристских экспериментов Дитерихса.

Начальником походного штаба главнокомандующего Восточным фронтом состоял полковник Д.Н. Сальников. Этого офицера, прибывшего в Сибирь из Добровольческой армии А.И. Деникина, генерал, а тогда полковник Г.И. Клерже охарактеризовал как «малоопытного, явно бесталанного и известного в то время интригана и пьяницу». По его словам, М.К. Дитерихс «носился [...] с полупьяным и шалым полковником Сальниковым по линии фронта и развалил одним „взмахом пера“ все центральное управление фронтом и тылом»⁹. В сентябре на должность начальника штаба фронта Дитерихс назначил генерала П.Ф. Рябикова. Последний просил освободить его от этой работы как никогда не служившего по оперативной части, но не был услышан. В дальнейшем Рябиков убе-

⁸ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 19. Л. 102; Д. 20. Л. 2.

⁹ Клерже Г.И. Революция и гражданская война: личные воспоминания. Новосибирск, 2012. С. 217, 238.

дился, что Дитерихс и не нуждался «в каком-либо специализированном операторе», так как все решения он принимал единолично¹⁰.

После вступления в командование войсками Восточного фронта Дитерихс заявлял, что «предельной чертой», до которой возможно допустить наступление красных, является линия реки Ишим¹¹. Подобного же мнения придерживался и управляющий военным министерством А.П. Будберг, который убеждал Колчака, что «надо все расстроенные дивизии отвести за Ишим, спешно отрекогносцировать и укрепить восточные берега и на укрепленных позициях задержать красных до тех пор, пока мы не произведем необходимых организационных реформ, выправим настроение и снабжение армий, наладим резервы и укомплектования и, вообще, подготовимся к настоящей наступательной операции с полной надеждой на успех [...]. По отходе за Ишим, занятый к этому времени отдохнувшими частями, передовые дивизии составят резервы оборонительных участков, что позволит им также отдохнуть. Одновременно надо использовать конницу, бросив ее глубоким набегом в тыл и на сообщения красных»¹².

Таблица*

Соотношение сил сторон на Восточном фронте к середине августа 1919 г.

Силы и средства	Красные	Белые	Соотношение
Штыки	55,7 тыс.	40,5 тыс.	1,4 : 1
Сабли	5,5 тыс.	6,1 тыс.	1 : 1,1
Орудия	220	239	1 : 1,1
Пулеметы	1225	660	1,9 : 1

*Составлена по: Гражданская война в СССР. Т. 2. М., 1986. С. 224

Общая утомленность войск и соотношение сил сторон на фронте к середине августа (см. табл.) диктовали белому командованию именно такую стратегию. Однако вопреки здравому смыслу 30 августа 1919 г. Дитерихс отдал приказ о переходе в наступление¹³. Ему нужен был хотя бы кратковременный успех на фронте,

¹⁰ Рябиков П.Ф. Из воспоминаний о Тобольской операции // Генерал Дитерихс. М.: Посев, 2004. С. 279.

¹¹ Записки Ивана Ивановича Сукина... С. 502.

¹² Будберг А.П. Указ. соч. С. 282–283.

¹³ Воробьев В.Ф. Тобольско-Петропавловская операция. М.: Воениздат, 1939. С. 23.

чтобы дезавуировать неэффективность собственных реформ и сохранить высшие военные посты. Напомним, что именно в это время Колчак предлагал Будбергу должности военного министра и начальника штаба Верховного главнокомандующего.

В результате развернувшегося ожесточенного встречного сражения белые потеснили соединения 5-й красной армии на Петропавловском направлении, создав угрозу их окружения. На Ишимском направлении им удалось прорвать фронт 3-й красной армии и вынудить ее начать отход. В итоге к началу октября 5-я и 3-я красные армии совершили отход за Тобол, удерживая за собой плацдармы на его правом берегу. В свою очередь войска белого Восточного фронта получили приказ задержаться на р. Тобол и приступить к пополнению частей. Фронт с обеих сторон стабилизировался.

Приказом главнокомандующего Восточным фронтом от 10 октября 1919 г. «в предвидении предстоящего возобновления наступательной операции» 3-я армия, Степная группа и Оренбургская армия были сведены в группу армий под командованием генерала К.В. Сахарова с правами командующего отдельной армией и сохранением за ним непосредственного командования 3-й армией¹⁴. Потери 3-й армии за период с 1 сентября по 15 октября составили 988 офицеров и 17 770 солдат и казаков¹⁵. Однако войска Сахарова со времени перехода в наступление так и не получили ожидаемых пополнений. Все его телеграммы, настойчивые просьбы и требования оставались без ответа. Он вынужден был лично отправиться в Омск, чтобы добиться присылки необходимых подкреплений для армии, резервов и снабжения ее теплой одеждой.

«Генерал Дитерихс, — вспоминал Сахаров, [...] казалось, был вне досягания жизни и настойчивых ее требований; он витал как бы в своих далеких грезах, веря в высшую небесную миссию и в чудесное избавление от большевиков. Все мои усилия разбивались об это ужасное непроницаемое препятствие. Точно на пути вырастали и опускались сотни занавесей из блестящей стальной сети; висели, колыхались, упруго поддавались ударам, но поддавались

¹⁴ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 135. Л. 645.

¹⁵ Сахаров К.В. Белая Сибирь. (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923. С. 153.

лишь на очень короткое время, чтобы только обессилить и снова упасть прежней, непреодолимой преградой. Все же, в конце концов, мне было обещано направить резервы в армию и прислать теплой одежды. Но затем такая фраза: „Все это не так важно; мне нужно только во что бы то ни стало продержаться до конца октября, когда Деникин возьмет Москву. Нам необходимо до этого времени сохранить Верховного правителя и министров“»¹⁶.

Отсутствие пополнений для действующей армии во второй половине сентября — октябре 1919 г. является труднообъяснимым, если учесть, что в это время в тылу был осуществлен ряд призывов. Указом от 9 августа 1919 г. Колчак объявил на территории Омского и Иркутского военных округов призыв в войска мужского городского населения в возрасте от 18 до 43 лет. Первым днем мобилизации для лиц в возрасте от 18 до 25 лет, проживавших в городах Омске, Новониколаевске, Тюмени, Бийске, Красноярске и Иркутске, устанавливалось 1 сентября; для лиц в возрасте от 25 до 35 лет, проживавших в тех же городах, и лиц в возрасте от 18 до 35 лет, проживавших в Татарске и Минусинске, — 10 сентября; для всех остальных — 15 сентября 1919 г. Всего было призвано 33 130 человек¹⁷.

В начале сентября на территории тылового округа Восточного фронта был объявлен призыв в войска всех мужчин в возрасте от 18 до 43 лет. Первым днем мобилизации устанавливалось 20 сентября 1919 г. Уездные воинские начальники и гражданские власти на местах полностью выполнили свои обязанности по призыву, но вышестоящие военные органы, ответственные за призыв, проявили свой полный непрофессионализм. К 24 сентября в Тюкалинске собралось около восьми тысяч призванных, но нарядов на их дальнейшую отправку в войска не поступило. 29 сентября управляющий Кокчетавским уездом доносил в министерство внутренних дел, что «седьмой день нет нарядов [на] отправку мобилизованных, которых скопилось до 7 тысяч». Не справившись с призывом, штаб тылового округа 28 сентября передал на места распоря-

¹⁶ Там же. С 146–147.

¹⁷ *Симонов Д.Г.* Российская армия адмирала А.В. Колчака: военное строительство в тыловых округах (1919 г.) // Вопросы истории Сибири в новейшее время. Вып. 2. Новосибирск, 2012. С. 21, 25.

жение Дитерихса, согласно которому предлагалось всех призванных в прифронтовой полосе в возрасте от 35 до 43 лет по принятии на учет и регистрации «распустить по домам до особого распоряжения»¹⁸. Если учесть, что призыв проводился также на территории Ишимского и Петропавловского уездов, то общее количество призванных составляло не менее 25 тыс. человек.

Дитерихс, являвшийся одним из инициаторов формирования дружин Святого креста и Зеленого знамени, не сумел распорядиться и добровольческим контингентом. По свидетельству полковника Г.В. Енборисова, в сентябре — октябре 1919 г. в эти дружины поступило около шести тысяч человек, в том числе две тысячи из Семипалатинского района. Однако отправленные из Семипалатинска в Омск добровольцы «по целым неделям держались на пароходах и содержались за свой счет, проедали последние гроши и, не дождавшись квартир или назначения в ту или иную часть, возвращались обратно: прекраснейшие люди — разочаровывались в распорядительном аппарате и говорили, понурая голову: „Нет, видно ничего не выйдет, а как нам хорошо говорили на собраниях“, и с этими словами крестonosцы расходились»¹⁹.

Писатель и журналист В.Н. Иванов, в то время сотрудник Русского бюро печати, с негодованием писал: «О, эти крестonosцы из православных! О, эти дружины Зеленого знамени, формировавшиеся из антисоветски настроенных мусульман-беженцев, что в общем дало до шести тысяч надежных бойцов. Что с ними сделали! Во-первых, их разбрасывали по разным тыловым службам, в охрану [...]. На фронте их вливали в другие части, где над их обрядами, верой подтрунивали все, даже офицеры. И люди теряли уверенность в себе. Им выдавали новенькие американские винтовки, те самые, у которых затвор отказывал после нескольких выстрелов, не выбрасывал гильз. По линии снабжения этих верующих людей обрядили в широчайшие китайские ватные стеганные штаны без прорех, без поясов [...]. Словно кто-то умышленно издевался над „святыми дружинами“»²⁰.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 48. Л. 19, 21, 26.

¹⁹ Енборисов Г.В. От Урала до Харбина. Памятка о пережитом. Шанхай, 1932.

²⁰ Иванов В.Н. Исход. Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1994. № 12. С. 24–25.

Советские войска довольно быстро оправились после неудач и, получив значительное подкрепление, 14–18 октября 1919 г. вновь перешли в наступление. К 23 октября соединения 5-й красной армии сломали сопротивление 3-й армии белых и создали серьезную угрозу ее левому флангу. Командующий армией М.В. Тухачевский осуществил маневр силами и средствами для более глубокого охвата левого фланга противника с юга и перехвата его путей отхода на Петропавловск. Войска 3-й красной армии вышли на рубеж 80–100 км юго-западнее и западнее города Ишим²¹.

24 октября Дитерихс приказал оттянуть 1-ю и 2-ю армию на линию рек Вагай, Емеца и озеро Щучье, с задачей прочно укрепить линию реки Ишим и озер Травное, Таволжаное, Чиглы. Тогда же 1-я и 2-я армии были объединены в Сибирскую группу армий под командованием генерала Н.А. Лохвицкого. Граница между Сибирской и Московской группами армии устанавливалась по условной линии озеро Черное, озеро Калмак, озеро Полуденное, озеро Большое Яровское, озеро Бузан, Бычки, Куломзино.

На следующий день, 25 октября, Дитерихс приказал командующему 1-й Сибирской армией А.Н. Пепеляеву срочно перебазироваться со своим штабом, 13-й Сибирской стрелковой дивизией и Красноуфимской бригадой в Омск и Новониколаевск. Сибирская штурмовая бригада отправлялась в Томск, 1-я Сибирская егерская бригада — в Канск. 1-й Сибирской стрелковой дивизии предписывалось к 5 ноября сняться с фронта и направиться в Томск. 2-й Сибирской стрелковой дивизии (к 8 ноября) — в Мариинск и Ачинск²².

Решение Дитерихса о снятии с фронта 1-й Сибирской армии было принято без санкции со стороны Колчака. Оставшиеся 2-я и 3-я армии имеющимися у них силами не смогли сдержать натиска советских войск. Кроме того, переброска на восток 1-й Сибирской армии привела к перегрузке железнодорожной линии и как следствие — к дополнительным затруднениям в снабжении и пополнении частей фронта и к срыву эвакуации Омска. 4 ноября 1919 г. Колчак снял М.К. Дитерихса с должности главнокомандующего

²¹ Гражданская война в СССР. М.: Воениздат, 1986. Т. 2. С. 226.

²² Воробьев В.Ф. Указ. соч. С. 66–67.

армиями Восточного фронта, заменив его генералом К.В. Сахаровым. На освободившуюся должность командующего 3-й армии был назначен генерал В. О. Каппель²³. Одновременно был уволен и «соучастник преступления» командующий 2-й армией генерал Н. А. Лохвицкий, которого заменил генерал С.Н. Войцеховский. Генералы Войцеховский и Каппель, в военных способностях которых никто не сомневается, как и Сахаров, «не только считали желательной защиту Омска, но доказывали, что это на деле возможно»²⁴.

При назначении Сахарова Колчак объяснил ему причины, в силу которых он считал себя обязанным отстранить Дитерихса от командования фронтом. «Оказалось, что генерал Дитерихс отдал приказ о выводе в тыл всей первой армии генерала Пепеляева, причем перевозка ее по железной дороге уже началась; этим обнажился весь правый фланг боевого фронта. „В то время, когда я хочу все усилия бросить на защиту Омска, я считаю вывод армии Пепеляева безумным делом. Вопрос об уходе генерала Дитерихса мною уже решен“, — закончил Колчак разговор»²⁵.

Как вспоминал Г.К. Гинс, «адмирал не мог спокойно говорить о Дитерихсе. Он называл его чуть ли не изменником, обвиняя, главным образом, в том, что он увел с фронта Сибирскую армию и таким образом обнажил фланг остальных»²⁶. По свидетельству И.И. Сукина, «директивы, отданные Дитерихсом без согласия Колчака об отводе пепеляевской армии с фронта, привели Верховного правителя в негодование. Он немедленно вызвал Дитерихса с фронта. Их объяснение было одной из самых бурных сцен Колчака: Дитерихс вышел из кабинета Верховного правителя потрясенный и в тот же день уехал на восток»²⁷.

Таким образом, причиной отставки Дитерихса являлось именно то, что он без ведома Верховного правителя снял с фронта 1-ю Сибирскую армию и тем самым облегчил красным наступление на

²³ Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 8 нояб.

²⁴ Записки Ивана Ивановича Сукина... С. 508.

²⁵ Сахаров К.В. Указ. соч. С. 178.

²⁶ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2007. С. 556.

²⁷ Записки Ивана Ивановича Сукина... С. 508.

Омск. Тем не менее, некоторые мемуаристы, а вслед за ними и большинство исследователей, затрагивающие вопрос об обстоятельствах падения Омска в ноябре 1919 г., расставляют акценты иначе.

По словам часто цитируемого мемуариста генерала Д.В. Филатьева, «4 ноября адмирал вызвал к себе только что вернувшегося с фронта генерала Дитерихса и, сильно волнуясь, спросил его, не имеет ли он что-либо против, если адмирал произведет Сахарова в генерал-лейтенанты (за что, можно бы спросить). Дитерихс ответил, что он Сахарова не представлял к производству. Тогда адмирал крикнул в соседнюю комнату: «Генерал Сахаров». Вошли Сахаров и Иванов-Ринов. Инсценировка была, очевидно, подготовлена. Колчак, продолжая нервничать, обратился к Дитерихсу со словами: „Вот, ваше превосходительство, вы мне все докладываете, что Омска нельзя удержать, а генерал Сахаров берется его удержать“. Дитерихс ответил, что мнения своего изменить не может. „В таком случае,— сказал Колчак,— я освобождаю вас от должности главнокомандующего и назначаю вместо вас генерала Сахарова“. Дитерихс молча вышел из кабинета. Было решено отставать Омск». По собственному признанию, всю эту сцену Д.В. Филатьев передал со слов некоего очевидца, который по непонятным для автора причинам просил не называть его фамилию в печати²⁸. Стремление к анонимности данного «очевидца» связано исключительно с тем, что его информация не в полной мере соответствовала действительности²⁹.

Отстранив Дитерихса от всех занимаемых должностей, Колчак просил Сахарова сделать все возможное для защиты Омска и тотчас отдал приказ о возвращении 1-й Сибирской армии на фронт. Когда вечером следующего дня Сахаров прибыл к Верховному

²⁸ Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири: Впечатления очевидца. Париж, 1985.

²⁹ К.В. Сахаров был произведен в генерал-лейтенанты приказом Верховного правителя от 5 октября 1919 г. со старшинством с 3 октября того же года, то есть ровно за месяц до своего назначения Главнокомандующим армиями Восточного фронта. О своем производстве К. В. Сахаров был официально извещен телеграммой № 2227 за подписью генерал-квартирмейстера штаба Восточного фронта (см.: Московская группа армий. 1919. 24 окт.)

правителю для обсуждения плана действий, в его кабинете он застал командующего 1-й армией генерала Пепеляева.

Как пишет Сахаров, адмирал встретил его словами: «Вот, генерал Пепеляев убеждает не останавливать его армию, дать ей возможность сосредоточиться по железной дороге в тылу». Сахаров ответил, что это невозможно, так как железная дорога нужна для эвакуации, а 1-я армия необходима для операций на фронте. Пепеляев же, осенив себя крестным знаменем, заявил: «Если мои войска остановить теперь, то они взбунтуются». Спор продолжался около двух часов. В конце концов адмирал согласился направить 1-ю армию в районы, указанные еще Дитерихсом. Этим решением выводилось из строя не менее четверти бойцов, правый фланг обнажался, а на две остальные армии возлагалась непосильная задача³⁰. Таким образом, Омск оказался перед лицом непосредственной угрозы.

Вопрос о строительстве оборонительных укреплений для защиты Омска впервые был поднят еще в августе 1919 г. Однако лишь 30 октября от имени Верховного правителя и Верховного главнокомандующего Дитерихс приказал полковому инспектору инженеров Восточного фронта для обеспечения переправ через р. Иртыш в районе Омска приступить к работам по постройке оборонительной позиции, возложив непосредственное руководство работами на военного инженера полковника И.Д. Грекова. Обратим внимание на формулировку задачи — не построить в конкретные сроки, а лишь приступить к работам. Во избежание отвлечения боевых частей для производства работ, к выполнению таковых предлагалось привлечь военнопленных и население Омска и окрестных селений, входивших в район работ, для чего устанавливалась трудовая повинность для жителей, не состоявших на службе, предполагающей освобождение от призыва в войска. Отбыванию трудовой повинности подлежало трудоспособное население мужского пола в возрасте от 18 до 40 лет³¹.

По словам В.Н. Иванова, «к обороне Омска как будто готовились, строили некие „предмостные укрепления“, на тот случай, если Иртыш к подходу красных еще не замерзнет. Объявили принуди-

³⁰ Сахаров К.В. Указ. соч. С. 181.

³¹ РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

тельную повинность на эти работы, вывели в поле до двух тысяч человек, которым, правда, платили, но не позаботились о горячей воде для них, не говоря уже о пище». Уже после оставления Омска Иванов случайно встретился с неким саперным прапорщиком, строившим эти «укрепления». По словам последнего, было построено несколько окопов «с колена», без прикрытий, без проволочных заграждений. При этом прапорщик очень волновался — ему было приказано сдать эти укрепления частям, которые должны были оборонять их, а никто к нему не явился принять окопы. Они так и остались брошенными. «Довелось мне также слышать, — пишет Иванов? — что в штабе омской армии вообще были против заблаговременного сооружения укрепленной полосы: мол, наличие ее ускорит отступление»³².

О неподготовленности оборонительных укреплений свидетельствует и генерал П.П. Петров, в то время начальник 4-й Уфимской стрелковой дивизии. «Утром 14-го [ноября] я выехал в свой тыл, чтобы осмотреть приготовленные «укрепления» и затем сговориться с начальником Екатеринбургской дивизии о будущей смене. Имея карту с обозначением проектированных укреплений, я с большим трудом на местности, занесенной снегом, нашел что-то похожее на окопы. На ровном поле вырыто несколько окопов по обе стороны ж. д. Окопы не в рост, а „с колена“. Ни землянок, ни приспособленных для обороны построек в общей линии. Перед окопами набросаны круги колючей проволоки, местами — колья. Очевидно, войскам предоставлялось доканчивать работу. Кто-то из спутников заметил: „Посадить бы строителей на часик в эти укрепления в мороз“»³³.

Для непосредственной обороны города была образована Отдельная Омская группа, основу которой должна была составить Уфимская группа 3-й армии. Приказом Дитерихса от 2 ноября 1919 г. в Отдельную Омскую группу генерала Войцеховского включались Образцовый егерский артиллерийский полк, Артиллерийский полк дивизии морских стрелков, 8-й Сибирский артиллерийский полк, 2-й отдельный тяжелый артиллерийский дивизион литеры «М», 1-й отдельный гаубичный дивизион и 2-я батарея

³² *Иванов В.Н.* Указ. соч. С. 25.

³³ *Петров П.П.* Роковые годы. 1914–1920. Калифорния, 1965. С. 213–214.

6-го отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона, всего 75 орудий. Инспектором артиллерии группы назначался генерал Г.И. Зольднер³⁴.

Столь мощная артиллерийская группировка могла стать залогом успешной обороны Омска, но данный приказ запоздал. По ряду косвенных признаков эти артиллерийские части, сформированные в глубоком тылу, ко времени оставления белыми Омска так и не достигли фронта. Не успели прибыть в Омск Образцовая егерская и Морская стрелковая дивизии. Складывается впечатление, что Дитерихс только имитировал деятельность по подготовке обороны Омска, а на самом деле не собирался его защищать. Примечательно, что приказы о создании инженерных сооружений и войсковой группы для защиты города он отдавал как начальник штаба Верховного главнокомандующего, а приказы о снятии с фронта и отправке в тыл войск — как главнокомандующий войсками Восточного фронта. Издание последних приказов не требовало непосредственной санкции Колчака.

По свидетельству генерала П.П. Петрова, еще утром 14 ноября белое командование не оставляло планов обороны Омска. Но, — вспоминал он, «не успели мы отдать распоряжения о занятии „позиции“, как получили распоряжение выступить из Куломзино, перейти Иртыш по льду около монастыря и остановиться в южном предместье города. Тронулись и через несколько часов получили распоряжение двигаться за Омск, минуя город. В Омск с севера вошли красные войска»³⁵. Штабс-капитан Красноуфимской стрелковой бригады Д.И. Решетников также утверждает, что неожиданный отказ от защиты Омска был вызван тем, что 13 ноября переправлявшиеся ниже города белые части отошли от Иртыша на 20–25 верст³⁶.

По состоянию на 14 ноября разграничительная линия между 3-й и 2-й армиями Восточного фронта восточнее Иртыша проходила по течению реки Омь до станции Калачинская и далее на город Та-

³⁴ РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 10. Л. 27.

³⁵ *Петров П.П.* Указ. соч. С. 214.

³⁶ *Решетников Д.И.* Красноуфимский стрелковый артиллерийский дивизион во время Сибирского ледяного похода // Великий Сибирский Ледяной поход. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 204

тарск включительно для Уфимской группы 3-й армии³⁷. Таким образом, к северу от Омска должны были находиться части 2-й армии. Они, без боя ушли за Иртыш, в то время как войска 3-й армии готовились отстоять Омск. Примечательно, что соединения 3-й красной армии, против которой должна была действовать 2-я армия белых, подошли к северным окраинам Омска лишь 15 ноября.

Вскоре после сдачи Омска произошел инцидент, вызванный продолжавшимся отступлением без боя частей 2-й армии. Ее командующий Войцеховский рассказывал: «Согласно моей диспозиции Северная группа, входящая в состав 2-й армии, сегодня должна была занимать ряд назначенных деревень. Еду туда — там никого нет, обратно — никого нет. Наконец, через 10–15 верст догнать арьергард Северной группы. Спрашиваю: „Почему отходите?“ — „По приказанию генерала Гривина, хотя с противником связь была утеряна“. Добираюсь до штаба Северной группы, спрашиваю генерала Гривина, получена ли моя вчерашняя диспозиция. Гривин отвечает: „Да, получена!“ — „Почему же отходите?“ — „Чтобы сохранить кадры!“. Я объяснил генералу Гривину, что своим отходом он оголил фланг наших войск и что красные могут зайти им в тыл. Далее я предложил генералу Гривину сейчас же написать приказ войскам Северной группы занять общую линию, то есть вернуться назад. „Такой приказ я не буду выполнять!“ — заявил Гривин и схватился за эфес своей шашки. Я повторил приказание. Он вторично отказался его исполнить. После этого я выстрелил в генерала несколько раз. Он повалился мертвым»³⁸.

1-я Сибирская армия, как утверждал Дитерихс, отводилась на восток с тем, чтобы создать новый оборонительный рубеж вдоль реки Обь. Но в этом случае ее войска должны были отправиться не в Томск, Красноярск и Ачинск, а в район Кольвань — Новониколаевск — Барнаул. По нашему мнению, 1-я армия предназначалась Дитерихсом не столько для активных боевых действий, сколько для военного обеспечения намечавшихся А.Н. и В.Н. Пепеляевыми преобразований государственного строя Сибири. По всей видимости, уход с фронта входившей в состав 2-й армии Северной

³⁷ ГАНО. Ф.П-5. Оп. 4. Д. 995. Л. 5.

³⁸ *Вырытаев В.О.* Каппелевцы // Капель и каппелевцы. М.: Посев, 2003. С. 219.

группы генерала П.П. Гривина с его стремлением увести ее в Иркутск являлся составной частью этого плана.

Взятие красными Омска послужило сигналом к активизации всех антиколчаковских сил. 16 ноября 1919 г. во Владивостоке бывший председатель Сибирской областной думы эсер И.А. Якушев подписал указ «Об учреждении Временного народного управления Сибири», в котором объявлялось, что «ненавистная всему трудовому населению Сибири самозванная диктатура адмирала Колчака и его правительства при содействии военных частей и полном сочувствии всего населения свергнута». В целях сохранения государственного порядка и управления впредь до созыва Всесибирского земского собора, временное управление страной на территории Сибири осуществляется образованным мною ранее в чрезвычайном порядке Комитетом созыва Всесибирского земского собора, ныне переименованном во Временное народное управление Сибири в составе председателя И.А. Якушева и членов А.А. Краковецкого и В.И. Моравского. Армии и всем правительственным и общественным учреждениям на территории Сибири предписывалось подчиняться только распоряжениям и постановлениям Временного народного управления Сибири³⁹.

Следующим указом было объявлено о созыве Всесибирского земского собора на основании «Положения о выборах», принятого земским совещанием в Иркутске. Согласно этому положению, членами земского собора должны были стать выборные представители от каждого губернского, областного и уездного земств, от городских дум, от всех казачьих войск Сибири и от каждой национальности Сибири, как имеющей, так и не имеющей свое национальное самоуправление. Избранным членам Собора предлагалось собраться в резиденции Временного народного управления Сибири⁴⁰. Все войска, перешедшие в распоряжение Временного народного управления Сибири, должны были образовать территориальную армию, которой присваивалось наименование «Сибирская народная армия». Главнокомандующим Сибирской народной армией назначался генерал Р. Гайда, с подчинением ему «всех сухо-

³⁹ ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 100. Л. 1; *Якушев И.А.* Комитет содействия созыву Земского Собора // *Вольная Сибирь*. № 6–7.

⁴⁰ ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 101. Л. 1–3.

путных и морских сил страны⁴¹.

Идея созыва Всесибирского земского собора как переходной ступени к Всесибирскому учредительному собранию впервые была озвучена 7 июля 1919 г. в резолюции руководимого эсерами Иркутского губернского земского собрания. Тогда же был избран Комитет созыва Всесибирского земского собора. Главный центр по подготовке восстания против Колчака планировалось создать во Владивостоке. Оставляя за собой общеполитическое руководство предстоящим восстанием, И.А. Якушев 1 сентября официально предложил генералу Гайде возглавить его в военном отношении, на что последний ответил согласием: «Мой ответ краток: Раз создается Власть опирающая на народ, я — в ее распоряжении. Ея приказы — для меня священны и будут мною выполнены во что бы то ни стало»⁴².

Поднятое эсерами восстание в ночь на 18 ноября было подавлено силами Владивостокской учебно-инструкторской школы. Но лозунг Всесибирского земского собора широко распространился в антиколчаковских политических кругах. Идею созыва Сибирского земского собора стал активно развивать и В.Н. Пепеляев, в конце ноября 1919 г. назначенный Колчаком премьер-министром. Он негласно встретился в Иркутске с представителями левой оппозиции П.Д. Яковлевым, Я.Н. Ходукиным и Е.Е. Колосовым, предложив двум последним войти в состав возглавляемого им правительства. Активное стремление В.Н. Пепеляева наладить контакты с политическими силами, для которых Колчак был совершенно неприемлемой фигурой, является весьма показательным. Тогда же он поставил вопрос о возвращении Дитерихса на пост командующего армией, как единственного, «пользующегося доверием страны»⁴³.

Вечером 8 декабря поезд командующего фронтом генерала К.В. Сахарова прибыл на станцию Тайга, где с утра уже находились литерные эшелоны Верховного правителя. При этом Сахаров обратил внимание, что у семафора стоял броневой поезд 1-й Сибирской армии, к самой станции была стянута егерская бригада

⁴¹ ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 102. Л. 1–3.

⁴² ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 77. Л. 13.

⁴³ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 2. М., 2004. С. 370–371, 373–374.

этой же армии, личный конвой генерала Пепеляева, и одна батарея. Сделав доклад Верховному правителю, Сахаров представил ему на подпись заготовленные ранее приказы и телеграммы, включая приказ о реорганизации 1-й Сибирской армии в неотдельный корпус с включением его в состав 2-й армии генерала Войцеховского. По словам Сахарова, приказ о переформировании 1-й Сибирской армии произвел ошеломляющее впечатление на присутствовавших при этом А.Н. и В.Н. Пепеляевых. Генерал Пепеляев «повышенным, срывающимся в тонкий крик, голосом» заявил: «Это невозможно, моя армия этого не допустит...». Премьер-министр поддержал брата, сказав, «что считает совершенно недопустимым такое отношение к 1-й Сибирской армии, что и так слишком много забрал власти главнокомандующий, что общественность вся недовольна». В итоге Колчак вынужден был предложить Сахарову отложить приказ о переформировании 1-й Сибирской армии⁴⁴.

Сахаров утверждает, что тогда же в Тайгу поступила информация о вооруженном выступлении частей 1-й Сибирской армии в Новониколаевске. В ночь на 7 декабря командующий 1-й Сибирской стрелковой дивизией полковник А.В. Ивакин совместно с эсерами — представителями губернского земского собрания выпустил воззвание о переходе государственной власти к земству и о необходимости заключить мир с большевиками. Ивакин вывел на улицу 2-й Барабинский Сибирский стрелковый полк и отправился с ним на вокзал арестовывать командующего 2-й армией генерала Войцеховского. Эта попытка была пресечена находившимися на станции частями 5-й Польской стрелковой дивизии под командованием полковника К. Румши. При этом было убито четыре солдата-барабинца. Ивакин и несколько офицеров были арестованы и преданы военно-полевому суду. Как выяснилось в ходе расследования, офицеры и солдаты Барабинского полка не знали, на какое дело их ведет Ивакин; большинство из них думало, что он действует по приказу Верховного правителя. На станции Тайга почти всю ночь шли переговоры из-за этого инцидента. Генерал Пепеляев заявил об угрозе бунта его армии, если Ивакин не будет осво-

⁴⁴ Сахаров К.В. Указ. соч. С. 193–196.

божден, причем новониколаевский инцидент характеризовался им, как самочинное действие войск⁴⁵.

Мятеж Барабинского полка отнюдь не был стихийным. По свидетельству командира 3-го Барнаульского полка полковника А.И. Камбалина, Ивакин говорил ему, что намечался, якобы, новый состав правительства при участии земцев и других общественных кругов, что с ними ведутся переговоры. Со слов Ивакина, у Камбалина создавалось впечатление, что все это делалось лицами, причастными к правительственным кругам при близком участии А.Н. Пепеляева. Барнаульские эсеры пытались вовлечь Камбалина в антиколчаковский заговор, но он не поддался на их провокации⁴⁶.

Но вернемся на станцию Тайга. В ночь на 9 декабря эшелоны Верховного правителя были переведены отсюда на станцию Судженка, а утром генерал Сахаров был арестован Пепеляевыми. Совершенно очевидно, что арест Сахарова и мятеж Барабинского полка в Новониколаевске с попыткой ареста генерала Войцеховского являлись звеньями одной цепи.

В тот же день со станции Тайга братья Пепеляевы направили Колчаку телеграмму, в которой «в последний раз» предлагали ему издать акт о созыве «Сибирского земского собора» и формировании правительства (проект акта прилагался к телеграмме). Далее они перешли на язык ультиматума: «Мы ждем до 24 часов 9 декабря... Время не ждет, и мы говорим Вам теперь, что во имя родины мы решились на все. Нас рассудит бог и народ». Получив столь неожиданную телеграмму, начальник канцелярии Верховного правителя генерал А. А. Мартыанов, немедленно вызвал В.Н. Пепеляева к прямому проводу и задал вопрос: «Как прикажете понимать Вашу телеграмму? Как ультиматум или как представление главы кабинета, а также, что означают Ваши слова: „Во имя родины вы решились на все и вас рассудит бог и народ?“». «Я отвечаю через некоторое время», — последовал ответ В.Н. Пепеляева⁴⁷.

⁴⁵ ГАКК. Ф.П. 64. Оп. 11. Д. 4. Л. 16; Сахаров К. В. Указ. соч. С. 197–199.

⁴⁶ Камбалин А.И. 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк в Сибирском Ледяном походе // Великий Сибирский Ледяной поход. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 223–224.

В это время на станцию Тайга прибыл поезд командующего 3-й армией генерала Каппеля. Отправившись для доклада к Сахарову, Каппель обнаружил, что эшелон штаба главнокомандующего фронтом оцеплен войсками, а вход в вагоны (и выход из них) был запрещен по приказу генерала Пепеляева. В салон-вагоне командующего 1-й Сибирской армией, куда он направился для выяснения ситуации, Каппель встретил В.Н. Пепеляева, которому и задал вопрос: «По чьему приказу арестован главнокомандующий фронтом?». Пепеляев довольно возбужденно начал объяснять Каппелю: «Вся Сибирь возмущена этим вопиющим преступлением, как сдача в таком виде Омска, кошмарная эвакуация и все ужасы, творящиеся на линии железной дороги повсюду. Чтобы успокоить общественное мнение, мы решили арестовать виновника и увезти его в Томск для предания суду». Резко прервав его тираду, Каппель заявил: «Вы, подчиненные, арестовали своего главнокомандующего? Вы даёте пример войскам, и они завтра же могут арестовать и вас. У нас есть Верховный правитель, и генерала Сахарова можно арестовать только по его приказу!», и вышел из вагона. После этого Каппель написал приказ генералу Войцеховскому на случай своего ареста. Через несколько минут в вагон к Каппелю вошел генерал Пепеляев. Он признал, что арестовать главнокомандующего действительно можно было только по приказу Верховного правителя, и попросил, раз уж такое произошло, помочь «достать этот приказ»⁴⁸.

Генерал Каппель с 14 ноября 1919 г. являлся официальным заместителем Сахарова⁴⁹. Ввиду сложившейся ситуации именно он должен был принять должность главнокомандующего Восточным фронтом. Пепеляевы вынуждены были подчиниться Каппелю, но только временно, впредь до прибытия Дитерихса⁵⁰.

⁴⁷ Последние дни колчаковщины. Сб. документов. М.; Л., 1926. С. 146–147.

⁴⁸ *Вырыпаев В.О.* Указ. соч. С. 220–222.

⁴⁹ *Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л.* Белый генералитет на Востоке России в годы гражданской войны. Биографический справочник. М., 2011. С. 237.

⁵⁰ Телеграмма Колчаку арестованного генерала Сахарова // *Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания участников борьбы с учредилковской и колчаковской контрреволюцией.* М.; Л., 1926. С. 349.

Верховный правитель готов был пойти на уступки братьям Пепеляевым и обратился к Дитерихсу с предложением вступить снова в главнокомандование Восточным фронтом; и получил ответ по прямому проводу, — что Дитерихс согласен на одном только условии, чтобы Колчак выехал немедленно из пределов Сибири за границу. Это вызвало страшное возмущение адмирала, да и Пепеляевы, сконфуженные таким афронтом, более не настаивали⁵¹.

Вероятно, после встречи с Каппелем В.Н. Пепеляев и ответил на вопрос генерала Мартьянова: «Нашу телеграмму нужно понимать как последнюю попытку спасти Верховного правителя помимо его воли... Больше ничего не могу сказать»⁵². Г.З. Иоффе, комментируя вышеописанные события, высказал предположение о причинах отказа Пепеляевых от дальнейших решительных действий. Если «братья-разбойники», как их звали в Сибири, действительно планировали переворот, то их расчет, очевидно, делался на части 1-й Сибирской армии Пепеляева, отведенные в район Томск — Тайга — Ачинск. Но если на станции в Томске они еще действовали по приказу Пепеляева, то положиться на пепеляевские и другие войска в целом было уже рискованно: фактически они находились в состоянии разложения⁵³.

Утром 10 декабря Каппель прибыл на станцию Судженка и встретился с Верховным правителем. Узнав об аресте Сахарова, Колчак между прочим сообщил, что при отбытии из Тайги в Судженку его поезд сопровождал бронепоезд из состава армии генерала Пепеляева и что с полпути он был возвращен назад, видимо, после прибытия туда Каппеля. Полковник В.О. Вырапаев, описавший все эти события со слов самого Каппеля, явно намекает на готовность Пепеляевых арестовать и Верховного правителя. Встреча закончилась тем, что Колчак отдал Каппелю приказ доставить Сахарова в Иркутск для следствия и разбора его деятельности на посту главнокомандующего.

Вечером того же дня Каппель вернулся на станцию Тайга и добился освобождения Сахарова. Тогда же, уже в более спокойной обстановке, В.Н. Пепеляев пытался убедить Каппеля, что граждан-

⁵¹ Сахаров К.В. Указ. соч. С. 199.

⁵² Последние дни колчаковщины. С. 147–148.

⁵³ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 249.

ская война с большевиками в общероссийском масштабе с падением Омска закончена, что теперь идет борьба за области, в данном случае за Сибирь, что возглавлять эту борьбу и стоять во главе войск теперь должны сибиряки. На это Каппель возразил: «Прежде чем на это решиться, нужно считаться с действующей армией, большинство которой — не сибиряки. Среди армии есть много добровольцев-волжан, которым дорога вся Россия в целом. Захотят ли они защищать вашу Сибирь — нужно прежде всего спросить их...»⁵⁴.

В тот же день (10 декабря), вернувшись на «легальный путь», В.Н. Пепеляев в телеграмме своему заместителю С.Н. Третьякову писал: «Я пришел к окончательному выводу, что необходим крупный политический шаг, который остановил бы сползание в пропасть по инерции». Комментируя дальнейший текст телеграммы, Г.З. Иоффе обратил внимание на позицию Пепеляева по отношению к «Верховному правителю», вернее, к самой идее «Верховного правления». Она, согласно позиции Пепеляева, по-прежнему была необходима «для объединения всех частей России». Ничего не говоря о Колчаке лично, он вместе с тем заявил Третьякову, что «местопребыванием его («Верховного правителя») может быть юг России»⁵⁵.

Выскажем очередное предположение. По договоренности с Дитерихсом братья Пепеляевы намеревались арестовать не только Сахарова, но и самого Колчака, после чего Совет министров во главе с В.Н. Пепеляевым вполне мог избрать нового главу государства правителя — генерала Дитерихса. То есть планировалось точное повторение комбинации, в результате которой 18 ноября 1919 г. к власти пришел Колчак. Отказ Дитерихса вернуться на пост главнокомандующего Восточным фронтом связан был с тем, что он не желал открыто участвовать в государственном перевороте. Генерал предпочитал остаться «чистым», будучи избранным на высший пост Советом министров и утвержденным Земским собором. Предполагавшийся арест Колчака был сорван прибытием на станцию Тайга Каппеля, решительно не поддержавшего планы заговорщиков. Арест же популярного в войсках генерала Каппеля,

⁵⁴ Вырыпаев В.О. Указ. соч. С. 223–224.

⁵⁵ Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 249.

которому в отличие от Сахарова и Войцеховского сложно было предъявить какие-либо претензии, мог вызвать негативную реакцию в пепеляевской армии.

15 декабря в Мариинске генерал Каппель подписал приказ № 778, которым предписал отвести войска за линию реки Золотой Катат, к востоку от Щегловской тайги. На 1-ю Сибирскую армию возлагалась задача сосредоточить основные силы в районе железной дороги, дабы запереть узкие дефиле — выходы из тайги на главном направлении, пропустив здесь части 2-й армии. Эта последняя, по проходе линии р. Золотой Китат, направлялась в район Ачинска в распоряжение Главнокомандующего. 3-я армия должна была закрыть выходы из тайги к югу от железной дороги, отправив заблаговременно на указанный рубеж свои резервы. По мнению генерала Ф.А. Пучкова, «рубеж, избранный для задержания победоносного движения красных, был исключительно удачен, и при некоторой боеспособности армий, особенно первой, давал все возможности на успех. Однако приказ Главнокомандующего безнадежно запоздал; штаб его не принял никаких мер, чтобы облегчить и ускорить прохождение лесистой полосы, и тайга вместо защиты погубила армию»⁵⁶. 1-я Сибирская армия не выполнила своей задачи и второй раз открыла фронт противнику. 17 декабря 1919 г. власть в Томске перешла к большевистскому военно-революционному комитету, который поддержало большинство расквартированных в городе частей 1-й Сибирской армии⁵⁷.

В дальнейшем перед войсками 2-й и 3-й армий Восточного фронта уже не ставилось активных наступательных или оборонительных задач. Часть войск, разуверившись в высшем командовании и утратив мотивы для продолжения вооруженной борьбы, сложила оружие. Лишь немногочисленным остаткам белых войск, разделившись на отдельные отряды, в феврале 1920 г. удалось пробиться в Забайкалье. Подобный исход был обусловлен многими, в том числе и субъективными факторами. Значительную роль в развале армии Колчака сыграл генерал Дитерихс. В течение ию-

⁵⁶ Пучков Ф.А. 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском Ледяном походе // Великий Сибирский Ледяной поход. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 252–253.

⁵⁷ Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917–1919 гг.). Томск, 1957. С. 501–503.

ля — октября 1919 г. он методично разрушил всю систему и механизмы управления вооруженными силами, после чего неадекватными оперативными распоряжениями способствовал их поражению на фронте. Попытка государственного переворота, предпринятая В.Н. и А.Н. Пепеляевыми в декабре 1919 г., привела к окончательному коллапсу системы управления и как следствие — к распаду и разложению армии адмирала А.В. Колчака.

**ВЛАСТЬ, ДЕНЬГИ И ЛЮДИ:
СИБИРСКИЙ ОБЫВАТЕЛЬ В ТИСКАХ
ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА (1918–1920 гг.)**

Финансовый кризис часто становился спутником больших войн. Его переживали не все воюющие страны. Но те, кого эта доля не миновала, сталкивались с распадом денежной системы ближе к завершению, а то и после окончания военных действий. Россия явилась ярким подтверждением этой закономерности. Макроэкономический подход к изучению истории денежного обращения в России всегда стоял у исследователей на первом месте, оставляя антропологические вопросы, то есть связанные с человеком в специфических условиях военных лет, его бедами, переживаниями, реакциями на финансовые неурядицы как бы в тени. В настоящей статье в центре внимания и изучения окажутся именно эти проблемы.

При наличии в Сибири многих проявлений финансового кризиса, аналогичных с другими регионами, она, тем не менее, обладала ярко выраженной спецификой. Таковой являлась длительная изоляция от центральной России, присутствие наряду с несколькими мелкими одного крупного эмитента, выпускавшего деньги даже не регионального, а общероссийского характера. Сибирское население в полной мере испытало многократную смену государственной власти, характерную для периода гражданской войны. В то же время именно в этом регионе наиболее последовательно была воплощена в жизнь небольшевистская модель финансовой политики, что позволило сибирякам почувствовать разные подходы к преодолению проблем в сфере денежного обращения.

Существует обширная литература, посвященная анализу экономических аспектов функционирования денежного рынка России в условиях гражданской войны, а также описанию обстоятельств эмиссии, ее динамики, условиям обращения различных денежных знаков. Наиболее глубокие исследования состояния финансов России в годы Первой мировой войны, революции и гражданской войны были написаны по горячим следам экономистами и сотрудниками финансовых органов, имевшими отношение к реформам по стабилизации советской денежной системы в начале 1920-

х годов¹. В последующее время отечественные историки анализировали проблему через призму становления советских финансовых органов². В последнее десятилетие многие авторы обратились к истории российских денежных знаков периода революции. Вышедшая литература в большей степени нацелена на удовлетворение интересов коллекционеров-бонистов. В ней преобладают каталоги с кратким обзором истории отдельных денежных знаков, причем преимущественно местного, иногда — регионального масштаба. Большое количество таких изданий посвящено денежным знакам отдельных территорий Сибири и сопредельным с ней Уралу и Дальнему Востоку³. Наряду со сведениями о денежных знаках в них обычно присутствует аналитические фрагменты. Монографии, претендующие на обобщение, являются исключением, но и в них встречается фрагментарный материал, освещаются отдельные сюжеты⁴.

Участие России в Первой мировой войне потребовало колоссальных средств. Царское правительство отступило от принципа золотого эквивалента и выпустило в обращение необеспеченные

¹ *Каценеленбаум З.С.* Денежное обращение России. 1914–1924 гг. М.; Л., 1924; *Погребецкий А.И.* Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока в период войны и революции. Харбин, 1924; *Кузюков Д.В.* Основные моменты распада и восстановления денежной системы. М., 1925; Наше денежное обращение: сб. мат-ов по истории денежного обращения в 1914–1925 гг. / Ред. Л.Н. Юровский. М., 1927; *Юровский Л.Н.* Денежная политика советской власти (1917–1927 гг.). М., 1927.

² *Атлас З.В.* Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917–1925). М., 1940; *Гусаков А.Д.* Очерки по денежному обращению России накануне и в период Октябрьской социалистической революции. М., 1946; *Дьяченко В.П.* Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства. М., 1948.

³ *Козлов В.* Боны и люди: Денежное обращение Урала (1840–1933): опыт нестандартного каталога. Екатеринбург, 2000; *Колосов Н.И., Наволочкин Н.Д., Чекунаев В.В.* Боны Дальнего Востока. 1917–1922 гг. Каталог с иллюстрациями. Хабаровск, 1992; *Рогов Г.И.* Бумажные денежные знаки, выпущенные на территории Кемеровской области в 1918–2007: Каталог. Кемерово, 2007; и др.

⁴ *Ходяков М.В.* Деньги революции и гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920. СПб., 2009.

денежные знаки, что привело к инфляции. Для снижения инфляционного эффекта пришлось с первого месяца войны прибегнуть к внутреннему займу и выпустить облигации, приносящие их обладателям 4% годовых. С июня 1914 г. по март 1917 г. объем денежной массы в России увеличился с 1640 млн до 10 044 млн руб. Временное правительство продолжило выпуски внутренних заимствований (5% годовых) и стало печатать деньги нового вида. Сначала это были так называемые «думские» казначейские билеты номиналами в 250 и 1000 руб., затем «керенки» номиналами в 40 и 20 руб. Их продолжил печатать Совет народных комиссаров. К ноябрю 1917 г. их было выпущено 9134 млн руб., к январю 1918 г. — еще 8062 млн рублей⁵. В результате нарушилась привычная для населения структура денежного обращения. Одновременно ходили деньги различных видов и номиналов, причем «керенки», ставшие наиболее распространенными деньгами, имели совершенно непривычные номиналы. Не удивительно, что в таких условиях деньги царского времени стали средством сбережения. Рачительные хозяева воздерживались от платежей ими (припрятавали в «кубышки»), в результате чего они стали исчезать из оборота⁶. Средством активного товарообмена оказались недавно выпущенные купюры во всем их пестром многообразии.

Война — это всегда экстремальная экономическая ситуация. Сибирское население это почувствовало уже в первые дни. Жившие слухами обыватели кинулись скупать на рынке товары. Под влиянием ажиотажного спроса возник товарный дефицит и началась скачкообразная динамика цен⁷. Но денежная система функционировала безотказно во всей Российской империи, и никаких неудобств, связанных с обращением денежных знаков, население не ощутило. Дальнейший рост цен носил плавный характер.

Начавшаяся с весны 1917 г. череда кризисов политической власти повлекла за собой распад экономического единства страны. Наряду с острейшим дефицитом потребительских товаров и

⁵ *Юровский Л.Н.* Денежная политика советской власти... С. 71; *Атлас 3.* Очерки по истории денежного обращения... С. 50.

⁶ *Русский рубль: два века истории. XIX–XX вв.* М., 1994. С. 183.

⁷ *Рынков В.М.* Рынок сельскохозяйственной продукции Сибири в годы в годы Первой мировой войны: поведение покупателя и продавца // *Бахрушинские чтения 2005 г.* Новосибирск, 2005. С. 68–80

транспортным кризисом он выражался в том, что во многих регионах финансовая ситуация стала зависеть от местных условий. Инфляция вызвала дефицит мелких купюр, причем сильнее всего их нехватка ощущалась на окраинах страны, куда из центра не успевали посылать дополнительные партии денежных знаков (так называемые «подкрепления»). Местные власти, предприятия и кооперативные организации стали практиковать выпуски бонов, стремясь обеспечить размен в локальных масштабах.

С дефицитом мелких разменных денег в Сибири столкнулись в конце 1916–1917 г. В Сибири потенциальные эмитенты вели себя сдержаннее, чем на других окраинных регионах. Можно привести только одно исключение: уже с конца 1916 г. в сибирских лагерях для военнопленных стали выпускать собственные деньги⁸. Они использовались для внутренних расчетов, покупки товаров в лагерных лавках, но, впрочем, были популярны и среди окрестного населения, пользовавшегося лагерными бонами для приобретения пересылаемых военнопленным из Европы дефицитных товаров.

В последние месяцы 1917 г. недостаток денежных знаков ощущался настолько остро, что заготовительные органы Акмолинской области, Тобольской и Томской губерний вынуждены были расплачиваться с поставщиками вкладными листами и специальными удостоверениями. В Омске, Томске и Верхнеудинске земскими, а потом и советскими органами обсуждался вопрос о выпуске местных бонов. Но эмиссии так и не были осуществлены⁹. «Керенки», появление которых смягчило недостаток денежных знаков в Европейской части страны, в Сибирь стали поступать в последние месяцы 1917 г., когда Временного правительства, значившегося на купюрах в качестве эмитента, уже не существовало. Вздуроражив население, они не оказали влияния на ситуацию на потребительском рынке.

В конце 1917 — начале 1918 г. в восточных регионах России установилась советская власть. С ее появлением связан выпуск

⁸ Чагин В.В. Денежные знаки лагерей военнопленных и частей Чехословацкого корпуса в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке (1916–1920). Красноярск, 2009. С. 17–19, 36, 43.

⁹ Петин Д.И. Денежно-эмиссионная политика советской власти и антибольшевистских режимов в Сибири (октябрь 1920 — ноябрь 1920 гг.): Дисс. ... канд. ист. нук. Омск, 2001. С. 63–65.

новых денежных суррогатов местного обращения и бон. Для смягчения денежного голода местные отделения Народного банка повсеместно прибегли к выпуску в обращение в качестве средств размена аннулированных советской властью ценных бумаг и купонов к ним. Главной проблемой стало отсутствие единообразия в правилах их выпуска и приема в платежи. Это имело место не только в Сибири, а было повсеместной практикой. В одних случаях такие суррогаты денег обращались по номиналу, в других (с истекшими сроками) — с начислением процентов. Разрешая хождение купонов, власти вынуждены были смириться с существованием денежных суррогатов, имевших экзотические номиналы в 2 руб. 75 коп., 37 руб. и т.д. Причем из таких купюр необходимо было иногда еще вычитать 4, 5 % или 15,0 %¹⁰. Кроме того, практически все ценные бумаги помечались штампом местных отделений Народного банка. Возникал вопрос — имеют ли они хождение за пределами своего города или административной единицы, что делать населению, у которого на руках ценные бумаги не с местным штампом или вообще без штампа? Вопросы порождали появлявшиеся в обращении бумаги с частично обрезанными купонами. Иначе говоря, в борьбе с одним бытовым неудобством власти порождали другое.

Наиболее сложной оказалась ситуация в Забайкалье. Через Кяхту, Сретенск и другие пункты торговли России с Китаем и Монголией происходило «вымывание» твердой золотой и серебряной валюты, и царские кредитки стали преимущественным средством платежа. Торговцы начали «охотиться» за такими деньгами. На остальные денежные знаки возник «лаж». Российское население, не занятое в торговле, оказалось с низко котируемыми денежными знаками на руках. К тому же средства из центра поступали в очень ограниченном количестве и только в крупных купюрах, преимущественно тысячерублевого номинала. В соответствии с тогдашним уровнем цен это составляло месячную зарплату нескольких человек и, следовательно, такие номиналы не могли использоваться в бытовом обиходе. Обращавшихся в регионе денег стало не хватать. Все это подтолкнуло Комитет советских ор-

¹⁰ *Едидович Л.* Деньги Комуча. Самара, 2003 // Цит по: <http://www.bonistikaweb.ru/knigi/Edidovich-komuch.htm>

ганизаций — орган региональной власти — к выпуску в обращение гербовых марок в качестве суррогата мелких разменных купюр. Это были наклеенные на бумагу гербовые марки со штампом Читинского отделения Государственного банка, подтверждавшим, что данная марка на территории Забайкальской области имеет хождение наравне с кредитными билетами. Всего их было выпущено в апреле — июле 1918 г. на сумму 443 тыс. руб. По исчерпанию гербовых, отделение выпустило еще контрольные марки сберегательных касс на 3 млн 481 тыс. рублей¹¹.

По-настоящему пестрым денежное пространство стало в связи с развертыванием на территории Сибири широкомасштабной гражданской войны. После выступления Чехословацкого корпуса в конце мая — начале июня 1918 г. в последующие несколько месяцев в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке образовалось несколько антибольшевистских правительств, каждое из которых либо непосредственно участвовало в вооруженной борьбе с большевиками, либо поддерживало ее. В развернувшемся вооруженном противоборстве деньги стали такой же ценностью, как вооружение. Отступавшие большевики старались вывезти их в первую очередь, чтобы оставить противника без средств. Всего в ходе военных действий им удалось изъять из касс около 1 млрд рублей¹². Новая власть столкнулась с отсутствием наличных денег. Пониженное предложение на рынках даже стало одной из причин временного падения цен на продовольственные продукты и предметы повседневного спроса. Но для организации борьбы с большевиками и государственного строительства требовались средства, что и заставило продолжить выпуск новых денег и денежных суррогатов. В результате были осуществлены новые выпуски ценных бумаг, которые остались в кладовых отделений Государственного банка Барнаула, Бодайбо, Иркутска, Мариинска, Томска, Тюмени, Читы и ряда других городов¹³, что повлекло дальнейшее на-

¹¹ *Погребецкий А.И.* Денежное обращение... С. 241.

¹² Обзор деятельности Министерства финансов за второе полугодие 1918 г. Омск, 1919. С. 5.

¹³ *Флеров В.С.* Из истории денежного обращения в Сибири в период иностранной интервенции и гражданской войны // Труды Томского краеведческого областного музея. Томск, 1963. Т. VI. Вып. 2. С. 11—12.

воднение рынка суррогатными деньгами и вызвало последующий рост цен.

Наиболее острая ситуация летом 1918 г. сложилась в Забайкалье и на сопредельных с Сибирью территориях. В Восточной Сибири сопротивление чехословацким войскам и Белой армии оказал Центральный исполнительный комитет советов Сибири (Центросибирь). В июле она отступила из Иркутска в Верхнеудинск, а затем в Читу, откуда продолжила борьбу до конца августа. В Чите Центросибирь с 29 июля по 25 августа 1918 г. произвела эмиссию пятидесятирублевых «сибирских кредитных билетов» на сумму 20 млн 350 тыс. руб. В июне 1918 г. Верхнеудинское казначейство выпустило примерно на 6 млн руб. проштампованных государственных процентных бумаг. В одном городе появилась 51 их разновидность, если считать за особый вид разные выпуски ценных бумаг и разные номиналы. Были и другие денежные суррогаты, выпуск которых санкционировали забайкальские большевики¹⁴. А.И. Погребецкий считал, что их количество в Забайкалье к середине 1918 г. достигало 31 млн рублей¹⁵. Отступая из Читы и Благовещенска, большевики захватили с собой почти всю наличность общероссийских денежных знаков, находившуюся в финансовых учреждениях этих городов. Поэтому антибольшевистское Временное правительство Амурской области в сентябре — октябре 1918 г. выпустило в Благовещенске амурские разменные билеты на сумму 18 млн руб.

Широко прибегли к выпуску собственных денег антибольшевистские правительства на Урале и в Поволжье. В июне 1918 г. Самарский Комуч выпустил в обращение хранившиеся в банках облигации государственных займов на сумму около 203 млн руб. На рынке оказался 141 вид таких суррогатных денег. Такая пестрота объяснялась тем, что на эти суррогаты денег налагались разные штампы, как правило, удостоверявшие эмитента; различными оказались и условия обращения (с удержанием процентов или без них). При этом государственные ценные бумаги в качестве де-

¹⁴ *Наволочкин Н.* В папке полтора миллиона. История денежных знаков на Дальнем Востоке // *Дальний Восток. Владивосток*, 1966. № 4. С. 153—158; Он же. Дело о полтора миллионах. Хабаровск, 1982. С. 5—21.

¹⁵ *Погребецкий А.И.* Денежное обращение... С. 250.

нежных знаков были выпущены практически всеми отделениями Государственного банка и казначействами контролировавшейся Комучем части Поволжья и на Урале¹⁶. В ноябре 1918 г., накануне оставления «белыми» Поволжья, Совет управляющих ведомствами Всероссийского Учредительного собрания прибег к выпуску собственных бон — краткосрочных обязательств. Объем эмиссии составил 70 млн руб.¹⁷ Временное областное правительство Урала вынуждено было допустить хождение в регионе самарских и сибирских денег¹⁸. По распоряжению Уральского областного правительства от 21 октября 1918 г. в Екатеринбурге было отпечатано пятидесятикopeчных уральских бон на 1,5 млн рублей¹⁹.

Еще более крупным эмитентом в Поволжско-Уральском регионе стало Уральское войсковое правительство. С конца 1917 г. по его указанию оренбургское отделение Государственного банка стало выпускать свои денежные знаки. Эта инициатива потом была продолжена уже советской властью и вновь возобновлена «белыми». За весь период эмиссии, длившейся до конца 1918 г., было напечатано 163 млн рублей²⁰. Общая сумма различных видов денег местного обращения на востоке России определялась в 575 млн рублей²¹.

На фоне такой эмитентной активности созданные в Сибири органы государственной власти — Западно-Сибирский комиссариат (Омск, 26 мая — 28 июня 1918 г.) и Совет министров Времен-

¹⁶ Козлов В. Боны и люди... С. 67–69, 87, 93, 100–101; и др.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 28. Л. 14; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1976. С. 161.

¹⁸ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 18. Л. 35; Д. 13. Л. 9; Д. 58. Л. 20; Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала (Екатеринбург). 1918. № 4. Ст. 20.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 2. Л. 53; Собрание узаконений... 1918. № 5. Ст. 33; Вестник финансов, промышленности и торговли (Омск). 1919. № 7. С. 4.

²⁰ Вестник финансов, промышленности и торговли... 1919. № 7. С. 2. О.В. Парамонов полагает, что вероятнее всего эмиссия составляла 200 млн руб. (См.: Парамонов О.В. «Дутовки». Боны Оренбургского отделения Государственного банка в 1917–1918 гг. Каталог-исследование. М., 2005. С. 342).

²¹ ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 208. Л. 16–17.

ного Сибирского правительства (Омск, 28 июня — 3 ноября 1918 г.) более сдержанно относились к выпуску денежных суррогатов, хотя полностью воздержаться от этого шага не могли. 16 июня 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат подтвердил хождение всех облигаций, выпущенных в обращение при советской власти²². 23 сентября 1918 г. Временное Сибирское правительство приравнило к деньгам как недавно выпущенные, так и раньше находившиеся в обороте государственные ценные бумаги²³.

Это легализовало произведенное недавно на местах пополнение местных денежных рынков мелкими разменными знаками, но принципиально не смягчило «денежный голод». Кроме того, постановление не утвердило единых правил обращения ценных бумаг, оставив в этой сфере прежний разноряд. К неудобству использования суррогатных денег добавилось еще и страхи населения. На рынке ходило множество подделок, и обыватели просто не могли понять, какие ценные бумаги являются законным средством платежа, а какие нет. Наконец, рядовые покупатели и продавцы были просто не в состоянии помнить внешний вид всех обращавшихся наравне с деньгами ценных бумаг. Это было на руку мошенникам, которые регулярно выпускали на рынок фальшивые ценные бумаги. Хотя суррогаты денег являлись незначительной частью обращавшейся на рынке денежной массы, но они доставляли непропорционально большое беспокойство населению, финансовым органам, кредитным учреждениям.

Для устранения недостатка мелких денег сибирские власти прибегли к выпуску собственных казначейских разменных знаков достоинством от 1 до 50 руб. С 1 октября 1918 г. решено было начать выпуск краткосрочных обязательств Государственного казначейства сроком на один год. Они печатались крупными купюрами (номиналами в 5000, 1000 и 500 руб.) и имели целью смягчить бюджетный дефицит. Несмотря на то, что лимит законодательно разрешенной эмиссии уже в октябре был доведен до 450 млн руб., реально в первый месяц в обращение попало только 8 млн руб., а в

²² ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 2. Л. 8.

²³ Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства (Омск). 1918. № 14. Ст. 126.

ноябре — 33 млн рублей²⁴. Торопясь покрыть дефицит прошлых месяцев, министерство финансов печатало преимущественно краткосрочные обязательства.

При таких темпах эмиссии и номиналах выпуска простые сибирские обыватели не только ничего не выигрывали, но и столкнулись с обострением дефицита разменных денег. В ноябре — декабре 1918 г. на многих предприятиях заработная плата выплачивалась пятитысячными купюрами. Население было возмущено до предела таким к себе отношением новой власти. Рынок реагировал двояко. Размен крупных купюр на мелкие для некоторых дельцов быстро превратился в прибыльное занятие. Нуждавшиеся в размене теряли на этом до 10% от номинальной стоимости. В то же время, чтобы снизить напряженность, многие торговые заведения и особенно лавки на предприятиях, стали широко практиковать суррогатные виды кредита, заменявшие размен. Магазины стали отпускать группе плательщиков пятитысячной купюры товары на соответствующую сумму. Причем они могли отовариваться неоднократно до тех пор, пока не израсходуют внесенные деньги. Продавцы учитывали произведенные закупки и выдавали удостоверения об израсходованных средствах. Но дефицит разменных денег был общей проблемой, и, даже отправляясь в магазин с мелочью, люди часто не могли получить сдачу общегосударственными и даже местными деньгами. Для расчета с клиентами многие торговые заведения вводили специально защищенные платежные удостоверения: купоны, талоны, расписки и прочие суррогаты полноценных денег. Покупатель теперь уже невольно должен был кредитовать торговцев.

Начало выпуска Временным Сибирским правительством собственных денег осенью 1918 г. совпало со вступлением лагеря восточной контрреволюции в новую фазу развития — созданием верховной общероссийской власти. В сентябре представители различных политических сил и государственных образований на востоке России собрались на Государственное совещание в Уфе, в результате которого удалось сформировать Временное Всероссийское пра-

²⁴ Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 гг.). Новосибирск, 2006. С. 106–107.

вительство (Директорию). Она избрала Омск своей резиденцией, но 18 ноября 1918 г. была свергнута сторонниками военной диктатуры. К власти пришло Российское правительство в лице Верховного правителя адмирала А.В. Колчака и Совета министров.

Это обстоятельство существенно изменило геополитическую ситуацию. На новую власть, претендовавшую на национальный масштаб, легла обязанность восстановить единство на денежном рынке. Но главный способ — насытить рынок сибирскими краткосрочными обязательствами, вытесняя другие денежные знаки. Однако действительные темпы эмиссии оставались невысокими. К маю 1919 г. в обращение было выпущено чуть более 4,0 млрд, но в обороте находилось только 1,9 млрд руб. Резкий рост эмиссии произошел в летние — осенние месяцы. К середине ноября 1919 г. было отпечатано около 12,0 млрд руб., восемь из которых находились в обращении²⁵.

Тот факт, что сибирская, а затем общероссийская власть во второй половине 1918 — начале 1919 г. проводили ограниченную эмиссию, сказался на экономике двояко. Это сдержало рост цен, но одновременно законсервировало острый дефицит мелких разменных денег. Вторую проблему отчасти смягчало то обстоятельство, что на востоке страны продолжали обращаться «керенки», выпуск которых после октября 1917 г. осуществлял Совет народных комиссаров. По очень приблизительным оценкам специалистов, в восточных регионах их ходило от одного до шести млрд руб. Даже наибольшая из этих цифр вполне реальна. По советским источникам, всего в России в апреле 1919 г. обращалось 74,5 млрд руб., а к началу июля — около 100 млрд рублей²⁶. Прирост в это время происходил преимущественно за счет «керенок». Массовая интервенция денег из советской России нарушала относительное ценовое равновесие, но в то же время смягчала недостаток мелких купюр. «Керенки» прочно вошли в экономическую жизнь, занимали на денежном рынке тот сегмент, который антибольшевистские финансовые структуры оказались неспособны заполнить. Запре-

²⁵ Рынков В.М. Финансовая политика... С. 206–207.

²⁶ Каценеленбаум З.С. Денежное обращение России. 1914–1924 гг. М.; Л., 1924. С. 54.

тить их можно было, только подготовив соответствующую замену, — необходимый объем денежных знаков мелкого достоинства.

Между тем, любое колебание фронтов гражданской войны вело к новым осложнениям на денежном рынке. Осенью 1918 г. Народная армия Комуча оставила Поволжье, что вызвало массовое движение беженцев на восток страны. Поток «самарских» денег хлынул на территорию Сибири. Временное Сибирское правительство отдало распоряжение банкам, железнодорожным кассам, государственным учреждениям не принимать платежи облигациями государственных займов со штампом Самарского правительства. Не брали их и частные торговые предприятия. Это поставило беженцев в тяжелейшие материальные условия. Свои краткосрочные обязательства Самарский Комуч успел разослать по уральским отделениям Государственного банка, испытывавшим наибольший дефицит денежных средств. В этих районах вся заработная плата была выплачена самарскими бонами. Их официальное непризнание оставило без средств к существованию уже не только беженцев, но и население уральских городов. Оренбургские боны стали быстро распространяться на смежные районы Урала. Министерство финансов Временного Сибирского правительства запретило уральским отделениям Государственного банка принимать их. То же самое сделали и власти Уральского казачьего войска. Однако многочисленные распоряжения командования Оренбургского казачьего войска предписывали принимать оренбургские денежные знаки в граничащих с войсковой территорией уездах наравне с общегосударственными. В противном случае, указывали они, оправдываясь перед Омском, замрет хозяйственная жизнь региона, прекратятся закупки продовольствия для армии²⁷.

Рядом своих постановлений в октябре 1918 — феврале 1919 г. Временное Сибирское и Российское правительства регламентировали хождение местных денег. За исключением государственных ценных бумаг, выпущенных в обращение Комучем, денежные знаки, эмитированные региональными правительствами или органами местного самоуправления Поволжья, Урала, Забайкалья и Амурской области получали право временного хождения на ограничен-

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 3. Л. 3, 14, 15, 18, 141–142, 147, 149 об, 153, 155—157; *Парамонов О.В.* «Дутовки»... С. 233–241.

ной, четко обозначенной территории с последующим их равноценным обменом на общероссийские деньги. Но действительными они считались только в том случае, если на них своевременно ставили штампель местных отделений Государственного банка²⁸. Пермские и екатеринбургские выпуски государственных ценных бумаг должны были принимать не только на Урале, но даже в Тобольской губернии. Владельцам поволжских и уральских облигаций и купонов к ним, выпущенных с санкции Комуча, предлагалось предъявить их в учреждения Государственного банка до 1 декабря 1918 г. для регистрации путем наложения сибирских штампелей. Российское правительство обещало выкупить эти облигации по номиналу в двухмесячный срок после регистрации. Поволжские денежные знаки оказались на руках, прежде всего, у беженцев и военнослужащих, направлявшихся в тыл после оставления Поволжья. Они не сразу узнали о намерении вывести из обращения местные деньги. Кроме того, многие оказались на территориях, где хождение поволжских денег не было предусмотрено²⁹.

Достаточных средств для выкупной операции Российское правительство не имело. Поэтому министерство финансов продлевало сроки регистрации и выкупа, меняло условия их временного обращения. Многие из предусмотренных мероприятий по унификации денежного рынка в результате остались нереализованными. Так случилось с краткосрочными обязательствами Комуча, ходившими на территории Уфимской, Оренбургской, Самарской и Симбирской губерний до восстановления советской власти³⁰. 13 февраля 1919 г. Совет министров постановил обменять денежные знаки Оренбургского отделения Государственного банка на общегосударственные в месячный срок. Законодательный акт ограничивал хождение этих бон административными границами Оренбургского казачьего войска.

В 1919 г. боевые действия в Поволжье и на Урале способствовали снижению остроты проблемы местных денежных суррогатов. Боевавшие стороны снабжали прифронтовые регионы миллиона-

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 66; СУР РП. 1919. № 5. Ст. 52–54; Правительственный вестник (Омск). 1919. 3 янв., 18 февр., 8 марта.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 856. Л. 230.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 3. Л. 28, 29; Правительственный вестник. 1919. 3 янв.

ми рублей «сибирских» и «керенок», так как война требовала больших затрат. «Самарские» и «уральские» деньги быстро обесценились, потерялись в общей денежной массе. Они уже не имели такого влияния на экономическую жизнь, как в 1918 г. Примерно десятикратный рост цен превратил те суммы, которые год назад могли составлять всю наличность граждан и домохозяйств, в разменную мелочь. Наконец, для краткосрочных обязательств Совета управляющих ведомствами министерством финансов был указан срок выкупа — 31 августа, а для самарских обязательств — 30 сентября 1919 г. Реализации этого решения помешало отступление «белых». К назначенному сроку войска Российского правительства оставили Поволжье и Урал. Вопрос остался актуальным главным образом для беженцев, и обменом занимались сибирские отделения Государственного банка³¹. Есть, однако, основания предполагать, что уходившие на восток с «белыми» предпочитали взять с собой как можно больше местных денег. Надежды на их обмен при советской власти не было никакой, а в Сибири они могли представлять определенную ценность. Поволжские деньги предъявляли к обмену в Барнауле, Екатеринбурге, Иркутске, Кургане, Омске, Томске, Челябинске, что видно по штемпелям отделений Государственного банка этих городов³². В конце августа 1919 г. Совет министров продлил сроки выкупа обоих видов суррогатов до 1 ноября 1919 года³³. Год спустя такой обмен производился безболезненно: номинальные суммы, предъявляемые к обмену, были невелики.

Процедура изъятия была довольно сложной, и еще более она запутывалась в связи с отступлением Белой армией. Каждый денежный знак местного обращения Поволжья и Урала принимался в любом месте, но местное отделение Государственного банка должно было переслать его в то отделение, которое санкционировало выпуск принятых денег. По получении их эмитент проводил экспертизу, и если деньги признавались подлинными, то производил перевод соответствующей суммы лицу, их сдавшему. Это тре-

³¹ ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 133. Л. 14, 18; ГАТО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 753. Л. 174.

³² *Козлов В.* Боны и люди. Денежное обращение Урала в 1840–1933 гг. Опыт нестандартного каталога. Екатеринбург, 2000. С. 72.

³³ Правительственный вестник. 1919. 3 сент.

бовало значительного времени и усложнялось тем, что во второй половине 1919 г. сначала поволжские и уральские, а затем и сибирские отделения Государственного банка постоянно эвакуировались все дальше и дальше на восток страны.

В действительности в обороте находилось значительно больше видов местных денег, чем упоминали постановления сибирской и российской власти, хотя совокупный объем эмиссии таких непризнанных Российским правительством выпусков был невелик. А это означало, что принятое решение явилось важным шагом на пути к унификации финансового рынка, так как в официальном обращении оставались только наиболее значительные виды местных денег, причем срок окончания их хождения был четко обозначен, а обмен не нес конфискационного характера. Аннулировались более десятка видов денежных суррогатов, выпущенных в небольшом объеме и только засорявших рынок. Но возникла другая сложность. Рядовые обыватели путались, какие из принимавшихся ранее денежных знаков сохранили свойство законного платежного средства, а какие утратили, какие из обращавшихся на рынке купюр они обязаны принимать на данной территории, а какие имеют законную силу только в соседнем регионе.

В 1919 г. некоторые местные денежные знаки, объем эмиссии которых был незначителен, выводились из обращения также путем обмена, но без принятия специального законодательного акта. Это делалось в инструктивном порядке. 1 мая 1919 г. управляющий Государственным банком С.И. Рошковский подписал циркуляр, разрешавший местным отделениям обменивать на общегосударственные денежные знаки облигации военных займов и «Займа Свободы», выпущенных в качестве денежных знаков Ижевским, Воткинским и Верхнеудинским казначействами, чрезвычайным уполномоченным Прикамского края и Читинским отделением Государственного банка. Срок обмена специально не оговаривался³⁴. С 5 июля 1919 г. обмен на таких же условиях был распространен на облигации «Займа Свободы», выпущенные в качестве денег Мензелинским отделением Государственного банка³⁵. Это было оправдано с социальной точки зрения. Ведь

³⁴ ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 133. Л. 10.

³⁵ Там же. Л. 18.

держатели поволжских и уральских местных денег, оказавшиеся в Сибири, были, как правило, беженцы или военные³⁶. Однако многие местные выпуски государственных ценных бумаг (например, выпущенные в обращение казначейством Верхотурья, Семипалатинским отделением Государственного банка и другими кредитными учреждениями востока России) не удостоились подобного внимания государства³⁷.

В Забайкалье обмен протекал по иному сценарию, поскольку здесь не было фактора надвигавшегося фронта. Первоначально срок наложения штемпелей на местные денежные знаки был установлен до 1 декабря 1918 г. Местные власти самовольно продлили его еще на месяц, 25 февраля 1919 г. Российское правительство отодвинуло окончание этой операции до 1 апреля³⁸. Реально штемпеля накладывали до конца марта 1919 года³⁹. Кроме того, на китайской границе в любой меняльной лавке можно было легко поставить фальшивые штемпеля⁴⁰. Чтобы не оставить население без средств, в сельских районах штемпелевание проводили в два приема. Сначала собирали половину денег и отправляли в административные центры. Спустя несколько недель они возвращались со штемпелями. После возвращения первой части бон сдаче подлежала вторая половина. Но финансовые учреждения региона не имели технических возможностей для штемпелевания денежных суррогатов в срок, а информация об обмене во многие места поступила с опозданием⁴¹. К тому же для обмена не хватало наличных денег общероссийского образца⁴². С осени 1918 г. и до начала весны 1919 г. в отделения Государственного банка Забайкалья почти не поступало централизованного подкрепления наличности ни для выкупа бон, ни для смягчения денежного дефицита. Подготовка к обмену понизила курс местных денег и способствовала усилению денежного кризиса в регионе. Срок выкупа бонов и де-

³⁶ Ишимская жизнь (Ишим). 1919. 12 авг. Приложение.

³⁷ Бумажные денежные знаки... С. 105, 171

³⁸ СУР РП. 1919. № 5. Ст. 52.

³⁹ *Погребецкий А.И.* Денежное обращение... С. 181—183, 251.

⁴⁰ Амурская жизнь (Благовещенск). 1919. 12 июня.

⁴¹ Вестник железнодорожного союза Амурской железной дороги (Свободный). 1918. 1 дек.

⁴² Амурское эхо (Благовещенск). 1919. 5 февр.

нежных суррогатов в регионе переносился несколько раз. Только 5 июня 1919 г. было принято решение, что до 31 июля население должно обменивать боны на общероссийские деньги⁴³. Реально их обмен проводился местными властями в течение всего лета и закончился в конце августа 1919 г.

Частные банки, занимавшиеся спекулятивной скупкой местных бон, не встречали никакого сопротивления со стороны государственной власти. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке они установили своеобразную иерархию денег по видам. Производя операции, банки гарантировали, что выданные купюры могут быть в течение некоторого срока сданы обратно в банк и будут обязательно приняты по текущему курсу. С самыми ценными видами денег («романовские» и «думские») происходил интенсивный процесс обезличивания. Они концентрировались на банковских счетах и изымались из обращения. Банки вместо наличных денег могли выдать держателю чек, удостоверяющий возможность получения денег указанными купюрами хорошего качества. Чеки на ценные виды денежных знаков сами становились своеобразным видом денег и обладали очень высокой ликвидностью. Такая операция позволяла активно использовать ценные купюры без их амортизации⁴⁴.

Положение, когда две воевавшие друг с другом силы в ходе гражданской войны имели общую валюту, естественно, являлось ненормальным. Эти азбучные истины финансистам были понятны еще летом 1918 г. В августе в Самаре проходил съезд представителей акционерных коммерческих банков. На нем управляющий Екатеринбургским отделением Волжско-Камского банка В.П. Аничков говорил о необходимости антибольшевистским правительствам создать собственную денежную систему⁴⁵. Он предложил провести сначала штемпелевание всех «керенок» на неподвластной «красным» территории, а затем постепенный их обмен на новые денежные знаки. По мере же освобождения новых регионов от большеви-

⁴³ Правительственный вестник. 1919. 9 июня; Амурская жизнь. 1919. 9 июня.

⁴⁴ Наше дело (Иркутск). 1919. 27 июля.

⁴⁵ Аничков В.П. Екатеринбург — Владивосток (1917–1922). М., 1998. С. 181–182.

ков предполагалось обменивать обращающиеся там «керенки» без штемпелей по пониженному курсу⁴⁶.

К вопросу вернулись более полугодом спустя. Постановление Российского правительства от 15 апреля 1919 г. гласило, что казначейские знаки двадцати- и сорокарублевого достоинства еще в течение месяца будут продолжать хождение в качестве общегосударственных денег, а с 15 мая 1919 г. их в течение месяца изымут из обращения с обменом рубль на рубль. При этом половина предъявленной в течение месяца к обмену суммы будут обращаться в принудительный беспроцентный заем на двадцать лет. На вторую половину суммы ее собственнику выдавалась долговая квитанция, по которой государство обязывалось расплатиться до 1 января 1920 г. С 15 июня прием начинали осуществлять по половинному курсу, причем четверть номинала компенсировали наличными деньгами, а на четверть — долговой квитанцией⁴⁷.

О грядущем обмене население было извещено через прессу за 10 — 15 дней до его начала⁴⁸. Нужно отметить, что голоса критиков утонули в потоке приветствий и одобрительных откликов⁴⁹. Это явилось результатом усиленной пропагандистской кампании: в прессе и отдельными листовками появилось немало официозных материалов разъяснительного характера о грядущей реформе⁵⁰.

Закон обязал все торговые и банковские учреждения принимать «керенки» беспрепятственно до 15 мая 1919 г. На деле широко распространились меры дискриминации этих денежных знаков. Многие финансовые организации и учреждения Сибири опасались аккумулировать «керенки» перед их изъятием. Если клиент осуществлял через банк перевод, внося в кассу «керенки», получате-

⁴⁶ Сибирская жизнь (Томск). 1919. 26 апр.; *Аничков В.П.* Екатеринбург — Владивосток... С. 195.

⁴⁷ Правительственный вестник. 1919. 27 апр.

⁴⁸ Дальний Восток (Владивосток). 1919. 25 апр., 3 мая; Свободный край (Иркутск). 1919. 29 апр.; Пермские губернские ведомости (Пермь). 1919. 24 апр.; Освобождение России (Пермь). 1919. 25 апр.

⁴⁹ Современная Пермь (Пермь). 1919. 7 мая; Дальний Восток. 1919. 30 апр.

⁵⁰ Амурское эхо (Благовещенск). 1919. 20 апр.; Вестник Тобольского уезда (Тобольск). 1919. 6 июля; Освобождение России. 1919. 11 мая; Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 26 апр. и др.

лю выдавали деньги в таких же купюрах. Внесенные «керенками» на счета банков суммы, если вкладчик пытался забрать их до 15 мая 1919 г., выдавали тоже «керенками». Чтобы ничего не потерять от номинальной суммы вклада, гражданам и организациям предлагали внести «керенки» минимум на полгода. Применялась и другая мера дискриминации: уже за месяц до начала обмена вкладчиком выдавали только половину денег, остальное насильно переводили на шестимесячный вклад⁵¹. Новые вклады, сделанные «керенками», предлагали считать сданными населением для обмена по закону Российского правительства⁵². Таким образом, спасти деньги через банки оказалось невозможно, так как они предлагали условия, мало чем отличавшиеся от конфискационного государственного займа. Обычно частные банки стремились быстро избавиться от наличности, принятой «керенками», идя при этом на любые ухищрения. Само государство в лице своих казначейских учреждений поступало тоже не совсем честно в отношении правительственных служащих: даже накануне реформы жалование в некоторых местах выдали «керенками»⁵³.

Не удивительно, что с первыми слухами о предстоящем обмене граждане начали избавляться от двадцати- и сорокарублевых денежных знаков, щедро предлагая их за любые товары и услуги. На товарном рынке в преддверии реформы ситуация напоминала приближение катастрофы. В частном секторе уже с конца апреля «керенки» почти прекратили хождение⁵⁴. Торговые предприятия отказывались их принимать. Местные власти пригрозили за это наказаниями в виде штрафов и тюремного заключения⁵⁵. Реакция рынка на насильственные меры не заставила себя ждать: чтобы пережить «опасный» период, многие магазины и лавки просто прекратили торговлю. Народ осаждал рынки, пытался сделать крупные закупки, стремясь избавиться от злосчастных денежных знаков. Крестьяне тоже отреагировали вполне естественно: подвоз

⁵¹ ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 158. Л. 40—41, 63; ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 217. Л. 1, 7 об., 28; Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 7. Л. 20—20 об.; Освобождение России. 1919. 3 мая.

⁵² Дальний Восток (Владивосток). 1919. 9 мая.

⁵³ Освобождение России. 1919. 21 мая.

⁵⁴ Заря (Омск). 1919. 6 мая.

⁵⁵ Дальний Восток. 1919. 3 мая; Наш Урал. 1919. 14 мая.

продовольственных товаров на городские рынки почти прекратился — крестьяне не хотели получать за них «керенки». Усилился дефицит продовольствия, подскочили базарные цены. Но и снабжение деревни промышленными товарами частные торговцы прекратили. Лавочники опасались торговать⁵⁶. И без того протекавший с большими трудностями товарно-денежное взаимодействие между городом и деревней в считанные дни совершенно расстроилось.

Правда, некоторые торговые предприятия выбрали иную тактику поведения на рынке. Принимая «керенки» до последних дней их легального хождения, они получили огромную выручку. Приезжавшие из деревень крестьяне брали все, что лежало на прилавках, оставляя в кассах магазинов каждый по несколько тысяч рублей в двадцати- и сорокарублевых купюрах⁵⁷. Но это были редкие исключения.

Одной из ключевых проблем стало отсутствие технического аппарата, способного произвести такой масштабный обмен денег населению в обозначенные в законе кратчайшие сроки. К приему «керенок» были привлечены отделения Государственного банка и сберегательные кассы, а на условиях комиссионного вознаграждения — частные банки, земские и кооперативные учреждения. В крупных городах это позволило быстро произвести обмен и выдать населению все необходимые документы. Но в других местах обменная операция выглядела весьма примитивно. Кассы, осуществлявшие прием, высылали в ближайшие отделения Государственного банка посылки с деньгами и описями сдатчиков. Банковские отделения тем же путем передавали обратно именные квитанции и уведомления о приеме денег на двадцатилетний вклад⁵⁸. Нередко жители отдаленных деревень не укладывались в месячный срок из-за плохой обеспеченности транспортом или неблагоприятных погодных условий. Сельские сходы подчас принимали постановления о продлении срока обмена или о продолжении обязательного приема «керенок» на территории волости, невзирая на

⁵⁶ Ишимская жизнь (Ишим). 1919. 8, 15 мая; Освобождение России. 1919. 21 мая; Пермская земская неделя (Пермь). 1919. № 15. С. 1.

⁵⁷ Отечественные ведомости. 1919. 17 мая.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 215. Л. 19, 50, 55, 64, 127, 129, 131, 132, 134, 136, 138, 140, 142, 148, 150.

закон⁵⁹. В отдельные деревни пришло не официальное объявление об обмене, а только слух, которому жители не охотно верили. Выждав до 15 мая и убедившись, что слух достоверен, сельчане обнаруживали, что деньги сдавать уже поздно.

Ситуация усугублялась очень низкой скоростью распространения информации о предстоявшей реформе, особенно характерной для Крайнего Севера, Степного края, горных районов Сибири, представлявших настоящую «антропологическую пустыню». Для некоторых местностей власти согласились сделать исключения, установив другие сроки и механизмы обмена (некоторые горнодобывающие предприятия Урала и Степного края)⁶⁰. Для других (Камчатка, Сахалин, казахские степи, Якутия, Чукотка, сибирская тундра и лесотундра, населенная кочевыми народами⁶¹) такие исключения делать отказались. Особенно негативные последствия имел отказ скорректировать условия обмена «керенок» для территории Китая. После этого китайские торговцы решили бойкотировать сибирские краткосрочные обязательства.

Очевидно, что город и деревня, центральные и отдаленные районы были поставлены в неравное положение. Большая часть населения в результате реформы понесла убытки, так как вместо сланных «керенок» у людей на руках остались лишь квитанции, а значительная часть отмененных двадцати- и сорокарублевых так и не была предъявлена к обмену. В секретных отчетах штаба Верховного главнокомандующего отмечалось массовое недовольство ходом проведения обмена «керенок» в армии⁶². Дело в том, что солдаты и офицеры делали накопления преимущественно этими денежными знаками. Министерство финансов разрешило «в виде исключения» обменивать солдатам и офицерам «керенки» налич-

⁵⁹ Отечественные ведомости. 1919. 16 мая; Вестник Приуралья (Челябинск). 1919. 14 июня; Томский кооператор (Томск). 1919. № 22. С. 18.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 212. Л. 123, 130–130 об. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 97. Л. 32–34, 36, 37 об.

⁶¹ ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 172. Л. 2, 7, 17, 23, 26; Ф. 154. Оп. 1. Д. 157. Л. 68; ГАРФ. Ф. Р-197. Оп. 2. Д. 19. Л. 29; Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 8. Л. 10; Дальневосточное обозрение. 1919. 17 мая; 10 июля.

⁶² РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 160. Л. 2.

ными рубль за рубль до 15 июня 1919 г. Лишь после 15 июня на фронте стали выдавать квитанции о приеме «керенок»⁶³.

В последний месяц перед отменой хождения «керенок» правительство старалось посылать в Забайкалье и на Дальний Восток для выплаты заработной платы, оплаты государственных заказов и таможенных пошлин Китаю за провоз через границу российских грузов только «сибирские» рубли. Если весной 1919 г. рабочие и служащие Дальнего Востока предпочитали получить свою зарплату сибирскими рублями, а не местными денежными знаками, то после 15 мая 1919 г. выдача зарплаты «сибирками» стала вызывать повсеместный протест ввиду падения их рыночного курса. В Маньчжурии торговые предприятия «сибирки» вообще не принимали. Здесь «бюджетники» попали в ситуацию, когда на выдаваемую зарплату не только ничего не могли купить, но и все их сбережения в одночасье потеряли всякую ценность.

Изъятие из обращения «керенок», а затем и местных денежных знаков 1917—1918 гг. выпуска не придало большего веса государственной валюте и не сгладило положение на рынке. Стремясь преодолеть дефицит наличности, министерство финансов пошло на децентрализацию печатания денег, используя типографии в нескольких городах, имевших самостоятельные источники снабжения бумагой, красками и прочими необходимыми материалами. Сибирские краткосрочные обязательства, выпущенные в разных местах, отличались друг от друга по цвету, размеру и прочим признакам настолько, что определить среди них подделки было просто невозможно⁶⁴. Низкое качество и разнообразие сибирских краткосрочных обязательств использовалось умельцами для производства фальшивых купюр.

Но даже в условиях активно работавшего печатного станка общероссийских денег по-прежнему не хватало, поэтому, не дожидаясь санкции высших органов, некоторые местные административные и муниципальные органы власти отважились на новые

⁶³ ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 212. Л. 2; Д. 217. Л. 105, 108, 111–116; Голос сибиряка. 1919. 8 мая; Уральский маяк (Верхнеуральск). 1919. 25 мая;

⁶⁴ *Петин Д.И.* Фальшивые краткосрочные обязательства государственного казначейства правительства А.В. Колчака: источниковедческий подход в изучении бумажных денежных знаков // Вестник Тюменского университета. 2010. № 1. С. 80–81.

выпуски местных денежных суррогатов. Все это сопровождалось и новой волной эмиссий частных бонов, которая продолжалась даже в первые месяцы 1920 г., то есть уже при советской власти.

В крупных городах конкурентная ситуация накладывала свои особенности на функционирование денежного рынка. Даже в Омске, где в целом картина была более-менее благоприятной, и все виды общероссийских денежных знаков до лета 1919 г. принимались на рынке по одному курсу, недостаток разменной монеты вынуждал магазины, рестораны, парикмахерские и другие заведения выпускать собственные разменные знаки. За пределами Омска разница курсов на романовские, «керенки», «сибирки», купоны «Займа Свободы» установилась гораздо раньше⁶⁵. Заменители денег могли выпускаться в виде купонов, квитанций, расписок или заемных писем. Практически каждый союз кооперативов, имевший сеть лавок, выпустил собственные бонны. В Тюмени собственными деньгами обзавелось общество домовладельцев⁶⁶, а в Иркутске несколько выпусков произвели все три состава городского общественного собрания⁶⁷. В 1918–1919 г. каждый крупный лагерь военнопленных делал по несколько выпусков бон. Организаторы ярмарок, праздников, сопровождавшихся торговлей и массовыми народными гуляниями, чтобы облегчить обмен, выпускали специально к этому конкретному мероприятию специальные денежные знаки, обращавшиеся иногда всего один день. Обыватель, живший в любом сибирском городе, вынужден был держать в своем бумажнике множество бонов, каждая из которых предназначалась для покупок в определенном месте. При этом у всех таких денежных знаков существовал рыночный курс, их можно было продать или обменять.

Часто подобные денежные суррогаты были элементарной распиской торговца на клочке бумаги. Их нельзя считать настоящим денежным знаком. Но многие доморощенные эмитенты пользовались разными способами защиты своих «денег» — особый вид печати, номера, то есть придавали им вид денежных знаков. Мест-

⁶⁵ Записки белогвардейца // Архив русской революции. М., 1991. Т. X. С. 104.

⁶⁶ Наш Урал. 1919. 8 июня.

⁶⁷ Аксарова Л.И., Лапенков В.М. Бумажные денежные знаки Иркутской области (1917–1997). Иркутск, б.г. С. 90–91.

ные власти пытались бороться с этим явлением. Однако законных претензий эмитентам предъявить было невозможно. Каждое предприятие имело право выпускать свои кассовые ордера или долговые расписки любого вида⁶⁸. Поскольку эмитенты не претендовали на обязательное и свободное хождение своих платежных средств, правовых или административных способов бороться с засорением рынка подобными денежными суррогатами не было. Оставались экономические меры, но на этом поприще власть оказалась бессильна. После принятия министерством путей сообщения по согласованию с министерством финансов решения о печатании осенью 1919 г. разменных бонов для касс Омской и Томской железных дорог всякое преследование частной эмиссии могло восприниматься не иначе как лицемерие⁶⁹. Да и бороться с естественной саморегуляцией денежного рынка было опасно. Как ни парадоксально, некоторые боны обменивались на рынке полным рублем и даже выше. Общероссийская валюта не вызывала доверия, а солидная фирма гарантировала предъявителю своих бон продажу товаров или оказание услуг на указанную сумму. Поэтому боны известных фирм становились предметом накопления и очень плохо возвращались обратно в кассы. На рынках стали появляться подделки. Это вынуждало эмитентов предпринимать новые выпуски и искать новые способы защиты.

Только в глухих углах и при наличии в округе «предприятия-гегемона» удавалось ограничиться одним видом бон. Это особенно характерно было для горнозаводского Урала. Но и в Сибири можно обнаружить подобные примеры. Например, в 1919 г. Кузнецкое каменноугольное и металлургическое акционерное общество «Копикуз» осуществило несколько выпусков специальных ордеров. Уникальная ситуация сложилась на северо-востоке России: в Якутии, на Камчатке и на Чукотке, где почти не было никаких денег. Местные выпуски там были предприняты только в 1920 г., несмотря на острейший денежный кризис. Вся торговля происходила в обмен на золото или пушнину, естественно, по очень низ-

⁶⁸ ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 103. Л. 131—132 об.

⁶⁹ *Петин Д.И.* Документы Исторического архива Омской области о печатании бон Омской и Томской железных дорог // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 284—291.

кому курсу, потому что в ситуации дефицита торговцы диктовали условия и играли на искусственном повышении цен⁷⁰.

Пестрота денежного обращения отразилась даже на особенностях протестного движения. Во второй половине 1919 г. рабочие бастовавших предприятий все чаще выдвигали требования не только повышения зарплаты, но и оплаты ее определенными видами денег, установления квот соотношения крупных и мелких купюр. Наконец, в 1920 г. уже зазвучало требование выплачивать зарплату любым видом денег, но в пересчете по курсу золотого рубля. Такая идея пришла в голову рабочим и служащим восточного Забайкалья в последние месяцы существования семеновского режима. При этом в рыночных обменах население активнее всего использовало золото, серебро, японскую и китайскую валюту. Интересно, что на территориях, контролировавшихся советской властью, подобные требования не звучали. Здесь деньги стремительно утрачивали роль всеобщего эквивалента, зарплата перестала выполнять функцию основного вознаграждения за труд, вытесняясь натуральным снабжением.

Одним из многих проявлений общественного противостояния в рамках гражданской войны стала «война валют». Даже внутри антибольшевистского лагеря конкуренция различных правительств проявлялась в запрещении хождения на своей территории денег, эмитированных претендентами на власть в других регионах. Военные же противники старались использовать каждый промах друг друга. Зная о непопулярности обмена «керенок» на востоке России, советская власть еще задолго до прихода в Сибирь объявила, что все советские деньги она по-прежнему будет принимать к платежам. В районах, охваченных партизанским движением, летом — осенью 1919 г. «керенки», оставшиеся во множестве на руках у сельского населения, имели хождение. Но сибирское население до конца не осознало, что с победой большевиков грядут новые денежные потрясения. Советская власть намеревалась немедленно аннулировать денежные знаки своих военно-политических противников и проявила в этом вопросе предельную жесткость. Народный комиссариат финансов еще в октябре 1919 г. объявил, что ни один из видов колчаковских денег приему в платежи не

⁷⁰ Минусинский край. 1919. 11 июля.

подлежит. Особенно подчеркивалось, что советская власть не собирается гасить долг Российского правительства за «керенки» и квитанции об их приеме останутся без оплаты⁷¹. Для управления освобождаемыми губерниями и областями был создан чрезвычайный областной советский орган — Сибирский революционный комитет (август 1919 — декабрь 1925 г.). Он оповестил население о судьбе колчаковских денег приказом от 28 ноября 1919 года⁷². Принимавшие их, говорилось в документе, вольно или невольно оказывают поддержку антинародному режиму. Кроме того, сибирские краткосрочные обязательства, с точки зрения Сибревкома, не были ничем обеспечены, поэтому продавать за них товары нельзя. Необычайное по своей жесткости и безжалостности обоснование. Особенно если учесть, что абсолютное большинство обращавшихся в стране денег имели кредитную природу, а вовсе не являлись эквивалентом товара или металлического обеспечения.

Успешное наступление Красной армии привело к восстановлению советской власти на территории Сибири в августе 1919 — феврале 1920 г. В каждой губернии и области местная советская администрация около трех недель не вмешивалась в ситуацию на денежном рынке, а затем объявляла о немедленном и полном прекращении приема в платежи сибирских краткосрочных обязательств. Такая же участь постигла другие денежные знаки, выпущенные не при советской власти. Второе за год общесибирское изъятие денег превзошло масштабы первого (конфискационного обмена «керенок») и по своему разрушительному влиянию на материальное положение обывателя и по степени дестабилизации рынка. На этот раз отменялась не просто удобная разновидность денег, а основная, абсолютно доминировавшая валюта. Из оборота было выведено около 15 млрд руб., потерявших всякую ценность.

В первые недели после занятия сибирских городов Красной армией на рынках происходило невероятное столпотворение. Все спешили избавиться от сибирских краткосрочных обязательств и других «колчаковских» купюр, пока их еще принимали. Население кинулось спасать свои деньги не только на рынках. У сберегатель-

⁷¹ Известия Народного комиссариата финансов (Москва). 1919. 25 окт. С. 5; *Петин Д.И.* Денежно-эмиссионная политика... С. 152.

⁷² ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

ных касс выстроились огромные очереди из людей, желавших открыть вклады. Первое время кассы принимали всю предлагавшуюся наличность, поскольку не было специальных указаний, вводящих ограничения на такие операции.

После объявления о запрете приема в платежи денежных знаков, выпущенных при антибольшевистских правительствах, цены сразу резко возрастали. Торговцы везде стали требовать только «керенки», «романовские» или недавно появившиеся и очень ценные советские деньги. Многие люди не обменяли свои «керенки» весной — летом 1919 г., сохранили некоторое количество облигаций, купонов, советских денег, прекративших было свое хождение при «белых», или припасли «на черный день» звонкую монету. Теперь такие ценности были извлечены из «кубышек» и стали предметом усиленного торга. За исключением монет, все остальное могло играть только роль разменной «мелочи». Не только общегосударственные, но и местные эмиссии, предпринятые при советской власти, считались законными. В результате не признанные Российским правительством деньги, выпущенные на Урале, в Средней Азии, в Забайкалье и на Дальнем Востоке по решениям местных советов, принимались в платежи или обменивались. Но условия и территория каждый раз оговаривались специальными инструкциями. Все это касалось ничтожных сумм, остававшихся на руках у отдельных граждан. Но обыватели нервничали, «толкучки» то и дело охватывали слухи о грядущей отмене тех или иных видов денег или признании уже выведенными из обращения вновь законным средством платежа⁷³. Ситуация усугубилась наплывом обывателей с Урала. Они являлись в Сибирь с миллионами давно отмененных там сибирских денег и пытались скупать продовольствие, усиливая панику на рынке и вздувая цены⁷⁴.

В связи с выведением из обращения денег, «контрреволюционных» правительств, почти полностью замирала торговая жизнь. Многие горожане голодали, потому что имели только деньги, на которые стало невозможно ничего купить в магазинах и на рын-

⁷³ Советская Сибирь (Омск). 1919. 11 дек.

⁷⁴ *Роцевский П.И.* Ликвидация финансовых затруднений в Западной Сибири после изгнания колчаковцев в 1919 году. // Уч. зап. Свердловского и Тюменского пед. ин-тов, 1969. Т. 91: Исторический сборник. Вып. 2, С. 29.

ках. Люди обратились к бартеру, обменивая вещи на продовольствие. Не только города, но и деревня столкнулась с этим явлением. Алтайский губернский революционный комитет даже объявил, что каждый крестьянин, который в связи с отменой сибирских денег из нужды продал сельскохозяйственный инвентарь, технику или скот, может заявить об этом. Такие сделки признавались недействительными, и продавец мог получить обратно домашних животных, орудия и технику⁷⁵. В Иркутске имели место погромы китайских торговых лавок, во время которых население насильно отбирало товары, предлагая в уплату отмененные «сибирки»⁷⁶. Впрочем, для торговцев ситуация не была безвыходной. Различными путями миллионы отмененных сибирских краткосрочных обязательств вывозились в Забайкалье и на Дальний Восток, где их еще продолжали принимать, обваливая здесь цены на потребительские товары.

Беда заключалась в том, что других денег в Сибири в первые месяцы после прихода красных не было. Новая власть вела себя «иезуитски»: накануне отмены платили зарплату и закупали продовольствие на сибирские краткосрочные обязательства либо просто ничего не платили, ссылаясь на временное полное отсутствие «законных» денег⁷⁷. В Иркутске советская власть не просто использовала денежные знаки бывшего Российского правительства, но и выпускала их со своими штампами до 17 февраля 1920 г., расплачиваясь с населением новыми, только что выпущенными с печатного станка «колчаковками». Иркутский губернский революционный комитет объявил о прекращении хождения этих денег 18 февраля 1920 г., одновременно с прекращением их печатания. Более того, в последний месяц перед падением Российское правительство выпустило в обращение полученные из США билеты облигаций 4,5-процентного государственного займа и купонов к ним, номиналами по 200 и 4,5 руб. соответственно. Успели выпустить первые три серии на сумму 1 447 999,8 тыс. руб. Они тоже были запрещены как «колчаковские» деньги. Но по решению Сибревкома с 17 февраля 1920 г. эти же знаки (четвертой и пятой серии) уже

⁷⁵ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 60а. Л.16–16 об.

⁷⁶ *Петин Д.И.* Денежно-эмиссионная политика... С. 171.

⁷⁷ Там же. С. 153, 168.

с советской надпечаткой стали выпускать в обращение. Именно благодаря этому, а не присылке общегосударственных советских денежных знаков в начале 1920 г. удалось несколько смягчить дефицит.

Сглаживая социальную ситуацию, советская властью руководствовалась классовым принципом. Держателям сибирских денег рабочим, советским служащим и красноармейцам разрешили выдать компенсацию в виде месячного оклада независимо от суммы аннулируемых денег на руках. Советские оклады были в то время ничтожными и, следовательно, размер таких выплат составляли очень небольшие суммы. Но на местах не хватало средств для осуществления даже подобных скромных мер. Поэтому в Тюмени ограничились 70 % от оклада, а в Кургане выдавали каждому по 300 руб., в Омске — по 600 руб. на человека и еще на 600 руб. продуктами из кооперативных лавок⁷⁸. Крестьяне и горожане, не занятые на заводах и на службе в советских учреждениях, составлявшие абсолютное большинство населения, никакой компенсации не получили. Компенсация превратилась в привилегию приближенных к власти. Большевики дифференцировали не держателей определенных видов денег, узаконенных или объявленных вне закона, а социально-классовые группы населения, отделяя «своих» от «чужих». Правда, привилегии на поверку оказались фикцией. Выдача компенсации растянулась на несколько месяцев, а ее общая сумма едва составляла четверть прожиточного минимума.

К «хитрым» вкладчикам, успевшим накануне ухода «белых» или в первые дни после прихода «красных» зачислить свои деньги на счета сберегательных касс, тоже были применены меры конфискации. На основании циркуляра Сибревкома от 25 марта 1920 г. «О ликвидации частных банков» все вклады, внесенные в кассы с 1 июня 1918 г. (эту дату решили считать единым днем падения советской власти в Сибири) и до объявления об аннулировании «сибирских» денег в данной местности, не подлежали выдаче. Следует при этом учесть, что население потеряло, в том числе и суммы, внесенные в кассы «керенками» в результате колчаковского принудительного займа. А между тем оставшиеся по какой-то причине

⁷⁸ Там же. С. 155–156.

на руках двадцати- и сорокарублевые купюры продолжали приниматься.

Если Белая армия в свое время стала ярким выразителем недовольства денежными реформами Российского правительства, то Красная армия в конце 1919 г., напротив, выполняла определенную социально-амортизирующую роль. Крупные подразделения красноармейцев двигались на восток вслед за отступавшими колчаковскими частями. Они все время находились в зоне, где еще не отменили «сибирские» деньги. Военнослужащие скупали у населения сибирские деньги. Такие обмены казались взаимовыгодными. Они позволяли людям, хоть и с большой спекулятивной недоплатой, избавиться от денег, через считанные дни терявших всякую ценность. И теперь уже советские войска оказались начинены «сибирками».

Практика советской власти резко контрастировала с тем, как вело себя повергнутое Российское правительство. Коммунисты жестко настаивали на полной отмене денег своего военного противника, не считаясь с интересами широких слоев населения. Впрочем, случаи обмена «сибирских краткосрочных обязательств» имели место. В сентябре 1919 г. Тобольская губерния являлась территорией, разделенной фронтом. Тюменский уездный ревком объявил о штемпелевании колчаковских денег номиналом до 500 руб. Со штемпелем они получали силу законных средств обращения. При этом местный ревком руководствовался идеей о смягчении недовольства крестьян⁷⁹. Наложения штемпелей в уезде происходило путем сдачи всех денег волостным органам, которые централизованно должны были доставить их в Тюмень. За три недели население сдало примерно 10,65 млн руб. Но 29 сентября 1919 г. Сибревком настоял на отмене этого постановления. Правда, уже выданные обратно держателям проштампованные 1096 тыс. руб. решили компенсировать эквивалентной суммой общероссийскими купюрами, на что Сибревком согласился выдать 900 тыс. рублей⁸⁰. Обменивались и некоторые денежные суррогаты, выпущенные в обращение до падения советской власти.

⁷⁹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 61. Л. 14.

⁸⁰ Там же. Л. 27; *Роцевский П.И.* Ликвидация финансовых затруднений в Западной Сибири... С. 32.

Самая печальная участь ожидала жителей Забайкалья, превратившегося в «свалку» денег, вышедших из обращения и ставших ненужными в других регионах. Здесь гражданская война продолжилась до ноября 1920 г., а само Забайкалье оказалось разрезанным надвое фронтом. В западной его части сторонники советской власти провозгласили Дальневосточную республику (ДВР), под властью которой пытались объединить все территории восточнее Байкала. В восточном Забайкалье с января по сентябрь 1920 г. существовал режим генерал-лейтенанта атамана Г.М. Семенова, Верховного главнокомандующего вооруженными силами Российской восточной окраины. Правительство ДВР объявило о прекращении приема всех антибольшевистских денежных знаков только 15 ноября 1920 г. До этого времени оно не только принимало, но и получило от Сибревкома и из Владивостока значительные суммы аннулированными в Сибири и Приморье деньгами. Правительство ДВР использовало их для платежей. Передачи осуществлялись тайно, и население сталкивалось только с огромным наплывом «сибирок», по слухам уже везде отмененных, кроме Забайкалья. Действительно, даже в Приморье «сибирки» вывели из обращения раньше, 5 июня 1920 г. Армия, беженцы, торговцы, попадавшие в Забайкалье из Сибири и с Дальнего Востока, миллионами везли ненужные там сибирские краткосрочные обязательства⁸¹. Г.М. Семенов, контролировавший восточную часть Забайкалья, с февраля 1920 г. начал выпуск собственных денег. Его власть не имела никаких реальных источников доходов на контролируемой территории, и в условиях наплыва огромной денежной массы из других регионов у забайкальского атамана не было никаких шансов создать более-менее крепкую валюту. На рынок региона за девять месяцев было выпущено 9 848,9 млн руб. семеновских денег, но население уже летом совершенно отказалось принимать их, как и наводнявшие Забайкалье денежные знаки из Сибири и с Дальнего Востока. В расчетах использовались золото и японские иены.

История Сибири в период гражданской войны дает возможность сопоставить финансовую политику различных политических режимов и особенности их взаимодействия с населением в связи с урегулированием вопросов денежного обращения. Для любых ор-

⁸¹ *Погребецкий А.И.* Денежное обращение.... С. 280–282.

ганов власти выпуск денег являлся, прежде всего, источником необеспеченных реальными доходами поступлений в государственный бюджет, причем эмиссия составляла значительную долю доходов. Но, кроме этого, денежными эмиссиями подкреплялись претензии на суверенитет. Наконец, регулирование денежного обращения играло важную роль в военно-политической борьбе. При этом антибольшевистские силы проявляли заботу о рядовых участниках товарно-денежных отношений, постоянно корректировали свою политику с учетом социальных запросов населения, но делали это вопреки логике мобилизации ресурсов для достижения военной победы. Советская власть куда более последовательно нацеливалась на использование финансовых инструментов для подавления своих внутренних (в обществе) и внешних (антибольшевистские режимы) противников.

На протяжении 1918–1920 г. в денежном обращении Сибири проявились очень многие общероссийские черты. К ним относятся непрерывное и все ускорявшееся падение курса денег, имевшее, впрочем, собственную динамику в каждом регионе, выброс на рынок многочисленных денежных суррогатов (прежде всего, государственных ценных бумаг) и появление различных видов местных денег. Но только здесь появилась региональная валюта: «сибирские краткосрочные обязательства», длительное время занимавшая доминирующее положение в финансах не только Сибири, но и на сопредельных территориях. В Сибири на протяжении 1919 г. дважды были проведены акции по изъятию из обращения денег, не имевшие аналогов по своим масштабам. Необычным являлся «шквал» нормативных актов и инструкций, призванных подчас очень детально регламентировать условия обращения различных денежных знаков, в том числе территорию, где они могли приниматься или обмениваться. Здесь с наибольшей очевидностью проявилось различие денежной политики советской власти и ее противников. Контрреволюция пыталась соблюсти обязательства перед населением, сохранить регулирующую функцию денег в экономике. Такая позиция несколько облегчила положение населения, хотя и не убавила бытовых неудобств, а лишь добавила новые. А главное, она не спасла от военного поражения. Жесткий вариант советской денежной политики, с ее отказом от финансовых обязательств прежних властей и игнорированием материаль-

ных бедствий, приносимых своими действиями населению, напротив, способствовал достижению победы в гражданской войне.

Сфера денежного обращения превратилась в источник повседневных бедствий и мучений рядового обывателя. Постоянные скачки цен нарушали правильное соотношение крупных и мелких денег. Ни одна власть не смогла решить данную проблему, несмотря на предпринимавшиеся усилия. Население страдало не просто от недостатка денег, но от отсутствия удобных в торговом обиходе денежных знаков. Попытка преодолеть дефицит разменной монеты привела к появлению множества общегосударственных суррогатов, местных и частных денег (бонов), не снижая остроту проблему, а лишь усиливая неудобство. Ведь деньги теряли свойство всеобщего эквивалента ценности. Наконец, военнополитическая борьба и стремление произвести унификацию денежного обращения обернулись тем, что неоднократно менявшаяся власть изымала из обращения то одни, то другие виды денежных знаков. В результате обыватель должен был следить за тем, какие знаки утратили свойство законного средства платежа и либо пускаться в сложные процедуры обмена старых денег на новые, либо мириться с утратой части своей наличности и сбережений. Описываемые неудобства известны в мировой практике и обычно появляются в периоды финансовых кризисов и денежных реформ, призванных их преодолеть. Но только в условиях гражданской войны они сконцентрировались вместе на одном пространстве в одно время и на протяжении нескольких лет являлись существенной частью повседневности российского населения.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА СИБИРИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ КОММУНИСТОВ ЛЕНИНСКОГО ПРИЗЫВА (1924–1925 гг.)

На протяжении почти семи десятилетий Российская коммунистическая партия большевиков (с декабря 1925 г. — ВКП(б), с октября 1952 г. — КПСС) являлась единственной правящей партией в СССР. Поэтому необходимым условием для понимания сущности и результатов всех общественно-политических, социально-экономических и идеологических процессов, происходивших в Советском Союзе в целом и в отдельных его краях и областях в частности, по-прежнему остается изучение внутреннего устройства и функционирования РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. Важнейшими показателями состояния большевистской партии и происходивших в ней изменений всегда являлись количественный и качественный состав партийных рядов, степень их единства и верности руководству.

В условиях внутривнутрипартийной борьбы 1920-х годов, принявшей ожесточенный характер во время болезни В.И. Ленина, И.В. Сталин и его ближайшие сторонники предприняли попытку использовать регулирование численности и состава РКП(б) для укрепления собственных позиций. На XIII Всесоюзной партийной конференции (16–18 января 1924 г.), которая подвела первые официальные итоги дискуссии, развернувшейся в РКП(б) в конце 1923 г., Е.М. Ярославский публично обвинил сторонников оппозиции в ориентации не на рабочих, а на учащуюся молодежь¹. Это противопоставление пролетариата и интеллигенции, приписанное Л.Д. Троцкому, стало одним из ключевых факторов, обусловивших провозглашение сталинским большинством курса на стремительное увеличение пролетарского ядра коммунистической партии. Принятая по итогам XIII партконференции резолюция объявляла необходимым в течение года «из числа коренных пролетари-

¹ Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевики). М., 1924. С. 124, 126.

ев привлечь в ряды РКП(б) не менее чем 100 тыс. новых членов»². Мощным катализатором этого процесса, позволившим скорректировать заявленные темпы, стала смерть В.И. Ленина. Уже 29 января 1924 г. пленум ЦК принял постановление «о приеме рабочих от станка в партию», определившее трехмесячный срок проведения кампании³, на время которого прием всех непролетарских элементов в РКП(б) официально был приостановлен⁴.

К пониманию ленинского призыва как первого широкоштабного приема в партию, организованного «под влиянием обострявшейся борьбы с оппозицией»⁵, западные историки пришли еще в середине XX века. Сформулированный тезис был заимствован⁶, а затем получил дальнейшее развитие⁷ в контексте изучения культа В.И. Ленина. Немецкий исследователь Б. Эннкер документально подтвердил, что «первоначально кампания по мобилизации рабочих в партию ставила своей целью подавление оппозиции», а смерть В.И. Ленина и последовавшее за ней формирование культа

² Резолюция «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3: 1922–1925. М., 1984. С. 157.

³ Постановление «О приеме рабочих от станка в партию» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3: 1922–1925. М., 1984. С. 184.

⁴ На практике на протяжении февраля — мая 1924 г. партийное руководство СССР и отдельных краев столкнулось с целым рядом проблем по проведению провозглашенной линии в жизнь. Диапазон отклонений от данной установки был предельно широк от сознательно допускаемых исключений до неверной интерпретации и прямого нарушения резолюции XIII партконференции. Так, 24 февраля Барнаульская губернская газета «Красный Алтай» сообщала, что «проведение этой кампании не означает прекращения приема в партию других групп, [таких] как рабочие, крестьяне и прочие, — но они принимаются обычным порядком и на прежних основаниях». (Тух С. Под ленинское знамя // Красный Алтай (Барнаул). 1924. 24 февраля).

⁵ Carr E. H. The Interregnum 1923–1924. London, 1954. P. 362–363.

⁶ Tumarkin N. Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia. Harvard, 1983. 345 p.

⁷ Ennker B. Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion. Köln, 1997. S. 305–309.

«вождя революции» только активизировали массовое вступление рабочих в РКП(б)⁸.

Советские историки, приступившие к активному исследованию кампании ленинского призыва только в 1960-е годы, выяснили численность принятых в партию новобранцев, рассмотрели основные формы организации общего и политического просвещения, методы агитации и пропаганды, процесс и результаты вовлечения «молодых» коммунистов в партийную, советскую и общественную работу⁹. Исходным пунктом отечественной историографии долгое

⁸ Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М., 2011. С. 356–358.

⁹ Соколова Е.К. Ленинский призыв в партию и его историческое значение // Великие идеи Ленина претворяются в жизнь / Отв. ред. С.А. Юдачев. М., 1961. С. 20–42; Она же. Историческое значение ленинского призыва в РКП(б): учеб. пособие. М., 1975. 87 с.; Горлов П.М. Ленинский призыв. М., 1962. 67 с.; Потанов П.А. Некоторые вопросы партийного строительства в Сибири в 1924–1925 гг. (по материалам ленинского призыва) // Из истории партийных и советских организаций Сибири. Новосибирск, 1962. С. 56–117; Он же. Ленинский призыв и вопросы партийного строительства в Сибири (1924–1925 гг.). Автореф. ... канд. ист. наук. Томск, 1963. 19 с.; Он же. Коммунисты ленинского призыва. Новосибирск, 1968. 63 с.; Родионов С.И. Ленинский призыв в партию в Сибири (1924 г.) // Из истории партийной организации Кузбасса. Новокузнецк, 1962. С. 30–50; Макаева А.Т. Ленинский призыв в партию в Томской губернии // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1963. Вып. 2. С. 39–49; Левашиов Ю.С. Из истории ленинского призыва в партию в на Алтае // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1964. Вып. 3. С. 3–13; Галкина Т.И. Ленинский призыв в партию в Омской губернии // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1965. Вып. 4. С. 44–58; Пермяков А.Н. Ленинский призыв в Сибири // Вопросы истории советской Сибири / Отв. ред. Б.М. Шерешевский. Новосибирск, 1967. С. 109–132; Миловидов В.Л. Ленинский призыв в РКП(б) и его роль в формировании партийно-советских кадров (1924–1925 гг.). Доклад на семинаре преподавателей общественных наук вузов и техникумов. Кострома, 1971. 28 с.; Верховцев И.П., Соколова Е.К. Коммунисты двадцать четвертого. О ленинском призыве в партию. М., 1973. 120 с.; Молотков И.А. Сибкрайком. Партийное строительство в Сибири. 1924–1930 гг. Новосибирск, 1978. С. 75–107; Вилкова В.П. Ленинский призыв и его роль в

время являлась убежденность в искреннем желании рабочих войти в ряды потерявшей своего вождя партии, а основной вывод сводился, как правило, к констатации качественного улучшения состава РКП(б) за счет увеличения доли пролетариата. При этом историки не только не отрицали, но даже намеренно подчеркивали роль ленинского призыва в подавлении троцкистской оппозиции. Однако объявление кампании ленинского призыва советские исследователи, в отличие от их западных коллег, никак не связывали с внутрипартийными разногласиями. В отечественной историографии долгое время господствовало представление о том, что успеху ЦК в борьбе с Л.Д. Троцким способствовал исключительно добровольный и сознательный выбор «передовой части рабочего класса».

Качественный пересмотр этих положений советской историографии начался только в последние годы. Развивая идею, предложенную западными исследователями, С.А. Павлюченков показал, что в основе ленинского призыва изначально лежало противопоставление двух категорий населения: рабочих, политически лояльных ЦК, и молодежи, которую Л.Д. Троцкий в конце 1923 г. провозгласил «важнейшим барометром партии»¹⁰. По-новому было оценено и поведение внезапно устремившихся в коммунистическую партию рабочих. В.С. Тяжельникова выяснила три основных фактора, обусловивших массовую подачу заявлений о вступлении в РКП(б): положительное восприятие рабочими идей партии в целом при обычно негативном имидже ее низовых ячеек; опасность сокращения рабочих мест из-за перехода в январе 1924 г. на новую систему оплаты труда; культурный шок, вызванный смертью В.И. Ленина¹¹. В результате к настоящему времени выявлены как истинные причины кампании ленинского призыва, так и мотивация большинства вступивших в партию рабочих. В зарубежной и отечественной историографии была сформирована концепция, со-

организационно-политическом укреплении партии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1988. 28 с.; и др.

¹⁰ Павлюченков С.А. «Орден меченосцев»: партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008. С. 331–335.

¹¹ Тяжельникова В.С. Ленинский призыв 1924–1925 годов: новые люди, новые модели политического поведения // Социальная история. Ежегодник-2008. СПб., 2009. С. 113–136.

гласно которой сталинское руководство использовало низкий уровень грамотности и политической подготовки партийных новобранцев для пропаганды среди них антитроцкистских настроений.

В то же время взаимоотношения руководства партии с коммунистами ленинского призыва и трудности, с которыми столкнулись сторонники И.В. Сталина на пути достижения поставленной цели, до сих пор неоправданно оставались на периферии исследовательских интересов. Тысячи рабочих, формально ставших частью РКП(б), на самом деле были по-прежнему оторваны от ее основной массы, что потребовало от партийного руководства всех уровней срочной выработки и проведения мероприятий по политической адаптации коммунистов ленинского призыва. В Сибири ответственным за решение этой задачи являлось краевое партийное руководство: сначала Сибирское бюро ЦК, а с мая 1924 г. — Сибирский краевой комитет РКП(б).

На 1 января 1924 г. численность партийной организации Сибири составляла 39,1 тыс. чел., из которых 27,8 тыс. были членами и 11,3 тыс. чел. — кандидатами в члены РКП(б). Особенностью сибирской парторганизации был ее относительно «молодой» состав: из 27,3 тыс. сибирских коммунистов, на которых имелись статистические сведения, 22,5 тыс. чел. (82,4 %) вступили в РКП(б) после 1920 г., 3 тыс. (11,0 %) — в 1918–1919 гг. и только 1,8 тыс. чел. (6,6 %) имели дореволюционный партийный стаж. По социальному положению 21,0 тыс. членов и кандидатов в члены партии (53,7 %) являлись крестьянами, 12,2 тыс. (31,2 %) — рабочими, 4,6 тыс. (11,8 %) — служащими и 1,3 тыс. (3,3 %) были отнесены к категории «прочих»¹². Причем до января 1924 г. пополнение сибирской партийной организации шло преимущественно за счет крестьянства, что не соответствовало идеологическим установкам партии и потому вызывало серьезную обеспокоенность как высшего, так и краевого руководства РКП(б). Подтверждением нараставшей тревоги стала резолюция Центральной контрольной комиссии от 13 января 1924 г., в которой была поставлена задача обратить особое внимание «на состояние парторганизаций с пре-

¹² *Метелев К.* Численность и социальный состав сибирских партийных организаций // Известия Сиббюро ЦК. Новониколаевск, 1924. № 69–70. С. 81–86.

обладающим крестьянским составом», так как, по мнению ЦКК, в них существовала опасность объединения внутрипартийной и так называемой «кулацкой оппозиции»¹³.

Социальный состав партийной организации обусловил крайне низкий уровень грамотности членов и кандидатов в члены РКП(б). Согласно материалам Всероссийской партийной переписи 1922 г., 64,8 % членов и кандидатов в члены РКП(б) в Сибири имели низшее образование, 23,1 % — домашнее, 3,5 % — среднее, только 0,3 % — высшее и 8,0 % были абсолютно неграмотны¹⁴. Еще хуже обстояло дело с идеологической подготовкой сибирских коммунистов, от 80,0 до 90,0 % которых, по разным данным, не имели никаких политических знаний¹⁵.

Такое состояние сибирской партийной организации, с одной стороны, придавало дополнительную актуальность кампании по массовому вступлению рабочих в партию, а с другой, заранее предопределило серьезные трудности в повышении уровня общей и политической грамотности кандидатов в члены РКП(б). Выход из такой ситуации члены Сиббюро ЦК РКП(б) видели через решение двух задач: во-первых, путем изменения социального состава партийной организации в соответствии с представлениями большевиков о «диктатуре пролетариата»¹⁶; во-вторых, посредством адаптации принятых в партию рабочих к реалиям внутрипартийной жизни через их обучение тому, «в борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм»¹⁷.

Исходя из небольшой численности сибирской партийной организации по сравнению с партией в целом и преимущественно

¹³ ГА РФ. Ф.Р-374. Оп. 27. Д. 87. Л. 184–185.

¹⁴ Число членов партии с группировкой по образовательному цензу // Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г. Вып. 4. М., 1923. Таблица № 3. Данные о грамотности 0,3 % членов и кандидатов в члены РКП(б) отсутствовали.

¹⁵ *Потапов П.А.* Некоторые вопросы партийного строительства в Сибири в 1924–1925 гг. (по материалам ленинского призыва) // Из истории партийных и советских организаций Сибири. Новосибирск, 1962. С. 87.

¹⁶ *Рогозинский Н.[В.]* Наши задачи в связи с ленинским призывом // Известия Сиббюро ЦК. Новониколаевск, 1924. № 67–68. С. 19–24.

¹⁷ *Диман Я.* Партвоспитательная работа среди «ленинского призыва» // Известия Сиббюро ЦК. Новониколаевск, 1924. № 67–68. С. 35.

крестьянского состава населения Сибири, 21 февраля 1924 г. Сиббюро ЦК наметило принять в ряды кандидатов в члены РКП(б) около трех тысяч рабочих¹⁸. Однако высокие темпы первых месяцев этой кампании и искренний энтузиазм руководившей ею краевой партийной элиты наводили на мысль о существенном увеличении первоначального плана. Уже в конце февраля — начале марта 1924 г. в «Известиях Сиббюро ЦК», являвшемся «главным» партийным журналом Сибири, заведующий орграспредотделом Сибирского бюро ЦК Н.В. Рогозинский заявил, что «можно без особых преувеличений поставить перед Сибирью задачу вовлечения в РКП(б) примерно 10 тыс. коммунистов-ленинцев»¹⁹.

О завершении ленинского призыва и его первых итогах по СССР было сообщено на XIII съезде РКП(б), состоявшемся 23–31 мая 1924 г. Тем не менее, в отдаленных районах Советского Союза, в том числе в Сибири, массовый прием рабочих в партию продолжался до августа 1924 г. Если в РКП(б) в целом за это время было принято около 200 тыс. чел., то сибирская партийная организация пополнилась, по одним данным, на 7 993 чел.²⁰, по другим — на 8 096 чел.²¹ Составляя всего около 4,0 % от всесоюзных показателей, эти цифры означали почти двукратное увеличение численности кандидатов в члены РКП(б) сибирской парторганизации. В общей сложности с 1 января по 1 августа 1924 г. количество кандидатов в члены партии в Сибири выросло с 11 340 до 20 479 чел., тем самым заметно приблизившись к числу ее членов (26 013 чел.)²². Принятие в партию такого количества рабочих обусловило возникновение и обострение целого ряда проблем: дальнейшее снижение общеобразовательного уровня и политической

¹⁸ *Родионов С.И.* Ленинский призыв в партию в Сибири (1924 г.) // Из истории партийной организации Кузбасса. Новокузнецк, 1962. С. 36.

¹⁹ *Рогозинский Н.[В.]* Наши задачи в связи с ленинским призывом // Известия Сиббюро ЦК. Новониколаевск, 1924. № 67–68. С. 19.

²⁰ Ленинский призыв РКП(б): сборник. М.-Л., 1925. С. 15.

²¹ *Нелюбин А.П.* Из итогов работы среди ленинского призыва // Известия Сибкрайкома РКП(б). Новониколаевск, 1925. № 1. С. 18.

²² Движение численного состава РКП(б) за период с 1 января по 1 июля 1924 г. // Известия ЦК РКП(б). М., 1924. № 2. С. 7; Из цифровых данных статотдела ЦК: численный состав РКП(б) на 1 августа // Известия ЦК РКП(б). М., 1924. № 7. С. 8.

грамотности, противоречий и даже конфликтов между партийной «молодежью» и «старыми» большевиками, несоблюдение «молодыми» кандидатами в члены РКП(б) партийной дисциплины.

Для преодоления этих трудностей, возникших во всех партийных организациях СССР, в июне 1924 г. при ЦК была создана специальная комиссия по воспитанию кандидатов в члены РКП(б), принятых по ленинскому призыву²³. Решением Политбюро ЦК от 12 июня ее состав был утвержден из 19 человек: членов ЦК А.А. Андреева, А.С. Бубнова, Н.И. Бухарина, А.И. Догатова, И.А. Зеленского, Г.Е. Зиновьева, Л.М. Кагановича, В.М. Молотова, К.И. Николаевой, И.В. Сталина, кандидатов в члены ЦК И.Д. Кабакова, С.И. Сырцова, М.С. Чудова, сотрудников аппарата ЦК В.Г. Кнорина и М.Н. Лукоянова, членов ЦКК Е.О. Бумажного и Н.К. Крупской, второго секретаря ЦК РКСМ В.Ф. Васютина, ректора Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова С.К. Минина²⁴. Председателем комиссии был назначен заведующий орграспредотделом ЦК Л.М. Каганович.

Приоритетное направление деятельности местных партийных комитетов на предстоящие месяцы было задано указаниями И.В. Сталина, данными им во время выступления 17 июня 1924 г. на курсах секретарей уездных комитетов при ЦК РКП(б). Генеральный секретарь ЦК выразил неудовлетворение стремлением к дальнейшему увеличению партийных рядов и призвал «поставить вопрос, резко и определенно, об улучшении качественного состава партии, об обучении ленинского призыва основам ленинизма, о превращении их в сознательных ленинцев»²⁵.

Первостепенной задачей, с которой партийное руководство Сибири столкнулось уже в самом начале кампании по обучению рабочих, вступивших в РКП(б) по ленинскому призыву, стала общая неграмотность их основной массы. По данным Всероссийской переписи населения 1920 г., в Сибири из 1,8 млн человек в возрас-

²³ Пленум ЦК РКП(б) // Правда. 1924. 3 июня.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 443. Л. 9.

²⁵ Доклад тов. Сталина об итогах XIII съезда РКП(б) // Правда. 1924. 20 июня

те от 14 до 30 лет 1,38 млн²⁶, то есть 76,7 %, не имели даже начального образования. Более благоприятная ситуация существовала в городах, но и там неграмотными являлись 46,2 % жителей²⁷. Основным средством повышения образовательного уровня рабочих и крестьян было создание так называемых пунктов ликвидации неграмотности (ликпунктов). В течение 1923 г. обучение в них прошли около 300 тыс. сибиряков²⁸. В январе 1924 г. в Сибири продолжали действовать 1 632 ликпункта, в которых обучались 60 тыс. человек, то есть только 6,0 % неграмотного населения края²⁹. В соответствии с решением Всероссийского съезда по ликвидации неграмотности, состоявшегося в мае 1923 г., Сиббюро ЦК планировало завершить работу по обучению населения Сибири элементарным навыкам чтения и письма только к десятилетию Октябрьской революции.

В таких условиях 17 февраля 1924 г. краевая газета «Советская Сибирь» констатировала, что неграмотность значительной части сибирских рабочих не может препятствовать их вступлению в партию, но должна быть немедленно ликвидирована после их принятия в РКП(б)³⁰. С одной стороны, наличие среди партийной «молодежи» категории кандидатов, не умевших даже читать³¹, заметно ограничивало диапазон методов ведения партийно-просветительной работы. С другой стороны, для неграмотных кан-

²⁶ 1 380 000 неграмотных. Ответственные задачи обществ «Долой неграмотность» // Советская Сибирь. 1924. 6 марта; Ансон А. Ликвидация неграмотности в Сибири // Советская Сибирь. 1924. 9 марта.

²⁷ Подсчитано по: *Московский А.С.* Рост культурно-технического уровня рабочих Сибири (1920–1937 г.). Новосибирск, 1979. С. 74.

²⁸ 1 380 000 неграмотных. Ответственные задачи обществ «Долой неграмотность» // Советская Сибирь. 1924. 6 марта; Ансон А. Ликвидация неграмотности в Сибири // Советская Сибирь. 1924. 9 марта.

²⁹ Ансон А. Лучший памятник Ленину (о ликвидации технической неграмотности в Сибири) // Известия Сиббюро ЦК. Новониколаевск, 1924. № 67–68. С. 40.

³⁰ Первоочередная задача — ликвидировать неграмотность среди вступающих в партию рабочих // Советская Сибирь. 1924. 17 февраля.

³¹ О масштабах этого явления можно судить по материалам отчета Новониколаевского губкома за март — апрель 1924 г.: из 800 рабочих, принятых кандидатами в члены РКП(б), 33 чел., то есть 4,1 %, были признаны неграмотными и 184 чел., то есть 23,0 %, — малограмотными.

дидатов ленинского призыва так называемые «политзанятия» оказались фактически единственным источником информации о политических реалиях времени. Такая безальтернативность, конечно, способствовала усвоению партийными новобранцами идей и установок, выгодных сталинскому большинству.

Тем самым, отчасти вынужденно, отчасти сознательно центральное и местное партийное руководство отодвинуло задачу ликвидации общей неграмотности на второй план. Отчитываясь в январе 1925 г. перед Сибирским крайкомом РКП(б) о политической подготовке коммунистов ленинского призыва, секретарь Енисейского губкома Р.Я. Кисис отмечал, что «занятия ведутся так, чтобы наряду с усвоением политграммоты слушатели приобрели основные навыки в чтении и письме»³².

Заинтересованность ЦК и краевой партийной элиты в успешной политической адаптации кандидатов в члены РКП(б) обусловила повышенное внимание к пропагандистской и идейно-политической работе. Накануне кампании по ленинскому призыву в СССР функционировали партийно-просветительные учреждения нескольких видов (в порядке сложности): кружки самообразования, ленинские кружки, школы политграммоты, совпартшколы, коммунистические университеты. Массовое вступление в партию политически неграмотных рабочих потребовало от центрального и местного партийного руководства корректировки форм и методов политического просвещения.

Из ранее существовавших партийно-просветительных учреждений основными трансляторами идей сталинского руководства стали школы политграммоты и кружки ленинизма. Последние подразделялись на два типа: пониженного, предполагавшего прохождение учебника политграммоты, и повышенного, в которых рабочие изучали основы политэкономии, историю РКП(б) и революционного движения³³. В то же время организация политической подготовки «молодых» коммунистов потребовала от ЦК и местных партийных комитетов заметного расширения системы партпросвещения. В соответствии с циркуляром ЦК РКП(б) от 27 февраля

³² ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 139. Л. 193.

³³ К отчету Алтгубкома VIII губернской конференции РКП(б). Итоги работ за год (апрель 1923 — апрель 1924 г.). Барнаул, 1924. С. 59.

1924 г. во все краевые, областные и губернские парторганизации было разослано специальное положение о создании краткосрочных, или сокращенных, школ политграмоты³⁴. Новые учреждения были ориентированы на максимально быструю подготовку преимущественно неграмотных и малограмотных кандидатов в члены РКП(б) ленинского призыва. В отличие от нормальных школ политграмоты, обучение в которых длилось на протяжении полугода, курс сокращенных школ был рассчитан всего на шесть занятий за полтора месяца³⁵.

Резкое увеличение кандидатского состава сибирской парторганизации обусловило необходимость расширения сети партийного просвещения. Но из-за плохо поставленного делопроизводства даже члены высшего партийного органа Сибири не располагали точными сведениями о численности школ политграмоты и кружков ленинизма. По приблизительным данным, приведенным И.С. Родионовым, их общее количество с 1924 по 1925 г. увеличилось с 494 до 1044, то есть не менее чем в два раза³⁶.

В первой половине 1920-х годов базовым для обычных школ политграмоты была впервые изданная осенью 1919 г. «Азбука коммунизма» Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского. Этот партийно-политический учебник, написанный простым, доступным для малограмотных рабочих языком, представлял собой популярное разъяснение программы большевистской партии. Согласно «Азбуке», РКП(б) представляла собой единую сплоченную партию, выразительницу интересов рабочих и беднейшего крестьянства, основной целью которой являлась победа над буржуазией и «немедленное строительство коммунизма» в России. Однако ставшая особенно актуальной в начале 1924 г. задача пропаганды среди партийной «молодежи» антитроцкистских взглядов требовала соответствующей корректировки курса партпросвещения. Поэтому постановление ЦК «О приеме рабочих от станка в партию» от 31 января 1924 г. предусматривало пересмотр программы

³⁴ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 305. Л. 14; Положение о краткосрочной школе политграмоты (по основам ленинизма) // Справочник партийного работника. М., 1924. Вып. 4. С. 153.

³⁵ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 305. Л. 16.

³⁶ Родионов С.И. Ленинский призыв в партию в Сибири (1924 г.) // Из истории партийной организации Кузбасса. Новокузнецк, 1962. С. 42.

школ политграмоты, поставив в центр внимания изучение истории РКП(б) «в связи с исключительной ролью в ней руководящих идей тов. Ленина»³⁷.

Директива ЦК получила немедленный отклик в местных партийных организациях. Уже в начале февраля 1924 г. первый районный комитет Красноярска принял решение изменить программу партийного просвещения в сторону углубленного изучения тактики партии на основе сочинений В.И. Ленина³⁸. Аналогичный призыв 3 февраля 1924 г. был опубликован иркутской губернской газетой «Власть труда». По мнению редакции, именно произведения В.И. Ленина должны были лучше всего объяснить кандидатам и членам РКП(б) «борьбу большевизма со всякими уклонами в партии»³⁹. Изучение истории РКП(б) было объявлено главным средством борьбы с «уходом от партийной линии» издававшейся в Барнауле губернской газетой «Красный Алтай»⁴⁰. В условиях разворачивавшейся внутрипартийной борьбы эти установки автоматически становились потенциальным оружием против Л.Д. Троцкого и его сторонников.

Дискуссия, разгоревшаяся осенью 1924 г. вокруг «Уроков октября», вновь актуализировала постановку вопроса о борьбе с фракционностью и оппортунизмом в РКП(б). Так, в декабре 1924 г. Енисейский губком разослал всем нижестоящим парткомам письмо, требующее «повести единодушную борьбу против этих попыток подмены ленинизма троцкизмом путем широкой разъяснительной работы в организации и изучения сущности троцкизма в школах политграмоты, в кружках ленинизма и т.п.»⁴¹.

В январе 1925 г. краевое партийное руководство Сибири получило циркуляр ЦК от 30 декабря 1924 г. «О программах и по-

³⁷ Постановление «О приеме рабочих от станка в партию» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3: 1922–1925. М., 1984. С. 185.

³⁸ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 71. Л. 44–45 с об.

³⁹ Надо изучать историю партии и ленинизм // Власть труда (Иркутск). 1924. 3 февраля.

⁴⁰ Тих С. Ликвидируем один из наших пробелов // Красный Алтай (Барнаул). 1924. 12 февраля; Тих С. Изучайте ленинизм // Красный Алтай (Барнаул). 1924. 8 марта

⁴¹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 90. Л. 14.

становке школ политграмоты», в котором недвусмысленно говорилось: «Необходимо помнить, что школа политграмоты должна не просто дать своему слушателю определенную сумму политических знаний, не просто ознакомить его с программой, историей, тактикой, строительством и политикой партии, а на почве этого ознакомления помочь ему стать действительным ленинцем, способным противостоять напору мелкобуржуазных влияний, служить его действительной большевистской ленинской закалке, против всякой возможности каких-либо уклонов от линии партии»⁴².

Специальная программа была разработана агитационно-пропагандистским отделом ЦК для сокращенных школ политграмоты. Она включала шесть тематических блоков, посвященных В.И. Ленину, Октябрьской революции, гражданской войне в России, строительству советского государства, международному рабочему движению, истории, программе, организационной структуре большевистской партии и внутрипартийной дисциплине⁴³. Примечательно, что центральное место во всех шести разделах было уделено борьбе «ленинской гвардии» не столько против контрреволюции и буржуазии, сколько против меньшевизма и фракционности в РКП(б). Таким образом сталинское руководство, по всей видимости, пыталось объяснить партийным новобранцам ошибочность взглядов бывшего меньшевика Л.Д. Троцкого и необходимость активной борьбы с ним и его сторонниками.

Содержание программы было единодушно принято местными парткомами Сибири, однако ее объем вызвал заметное беспокойство низовых партийных работников, справедливо отмечавших невозможность освоить весь курс за шесть занятий. Например, состоявшееся в начале апреля 1924 г. в Красноярске совещание по партийно-воспитательной работе среди кандидатов в члены

⁴² ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 306. Л. 2.

⁴³ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 305. Л. 15; План программы сокращенных школ политграмоты для кандидатов РКП(б) // Красное знамя (Томск). 1924; План программы сокращенной школы политграмоты для кандидатов РКП(б) // Справочник партийного работника. М., 1924. Вып. 4. С. 153–154.

РКП(б) ленинского призыва приняло решение переработать программу в сторону ее упрощения⁴⁴.

В более сложном положении оказались кружки ленинизма, которые в отличие от обычных и сокращенных школ политграмоты никаких конкретных директив о содержании изучаемого в них курса не получили. Поэтому местные партработники были вынуждены руководствоваться исключительно накопленным опытом и собственными представлениями в этой области. В результате в начале марта 1924 г. партийная печать сообщила, что кружкам ленинизма следует ориентироваться на программу сокращенных школ политграмоты и рекомендовала в качестве основных пособий брошюры Г.Е. Зиновьева о В.И. Ленине и истории РКП(б)⁴⁵.

Для школ политграмоты и для ленинских кружков остро стояла проблема кадров. Отсутствие подготовленных лекторов и пропагандистов в местных партийных организациях и нежелание коммунистов из других краев и областей добровольно ехать в отдаленную Сибирь не позволяли качественно изменить положение. Весной 1924 г. в Москве была создана специальная комиссия, решавшая вопрос об откомандировании в провинцию студентов вузов и сотрудников центральных партийных и советских органов для партийно-воспитательной работы среди кандидатов в члены РКП(б). Однако ее роль в обеспечении кадрами Сибирского края оказалась исключительно скромной. В соответствии с постановлением комиссии от 10 марта 1924 г. из 107 человек, мобилизованных для работы в провинции, в Сибирь были направлены только четверо⁴⁶. Кадровый голод сделал невозможным квалифицированное чтение лекций для вступивших в партию рабочих, а низкий уровень элементарной и политической грамотности партийных новобранцев затруднял процесс восприятия ими нового материала. Поэтому все занятия в школах политграмоты и кружках проходили преимущественно в форме бесед с учащимися.

Неотъемлемой составляющей идейно-политической работы среди кандидатов в члены РКП(б) ленинского призыва стало рас-

⁴⁴ Ленинский призыв проходит учебу // Красноярский рабочий (Красноярск). 1924. 6 апреля.

⁴⁵ Бурлак. К кампании вербовки в партию // Красное знамя (Томск). 1924. 7 марта.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 246. Л. 274–278 с об.

пространение предназначенных специально для них пособий. На роль и значение политической литературы в деле воспитания партийной «молодежи» было обращено внимание уже в первые недели кампании. 10 февраля 1924 г. в передовой статье «Правды» Н.К. Крупская в качестве одной из важнейших задач выдвинула издание статей, речей и книг В.И. Ленина и обеспечение их доступности для широких масс вступавших в партию рабочих⁴⁷. Как следствие, за 1924 г. в СССР для этих целей были изданы 164 произведения В.И. Ленина и 263 публикации о Ленине и ленинизме общим тиражом около 14,5 млн экземпляров⁴⁸.

На заседании Оргбюро ЦК 8 декабря 1924 г., посвященном докладу комиссии по воспитанию ленинского призыва, И.В. Сталин предложил ужесточить контроль за изданием учебной и политической литературы. Осудив только что вышедшую из печати хрестоматию по истории первой русской революции⁴⁹ за изложение фактов «с точки зрения всем известной гнилой „перманентной революции“ т. Троцкого», Генеральный секретарь заявил: «Пока книжным рынком будут командовать отдельные лица, которые имеют затаенную цель по капельке вливать в уши молодежи те идеи, которые им угодны и которые ничего общего с партийной линией не имеют, у нас порядка не будет»⁵⁰. Под «порядком» в данном случае И.В. Сталин и его сторонники, по всей видимости, понимали положение, при котором только они являлись бы обладателями монопольного права на трактовку исторических событий и текущих политических реалий.

Стремясь предотвратить попадание «нежелательной» литературы в поле зрения партийной «молодежи», сталинское руководство рекомендовало кандидатам в члены РКП(б) те издания, которые считало наиболее подходящими. Перечень таких публикаций, в частности, был приведен в «Календаре коммуниста на

⁴⁷ Крупская Н. Необходимо // Правда. 1924. 10 февраля

⁴⁸ Ленинский призыв в РКП(б): сборник. М.-Л., 1925. С. 94.

⁴⁹ Белоусов С.Н. Хрестоматия по истории первой русской революции 1905 г. / Под общей ред. А.Г. Калашникова. М., 1924. 296 с.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5027. Л. 1–2.

1925 год», изданном в количестве не менее 150 тыс. экземпляров⁵¹. Список включал девять наименований: «Устав партии» под редакцией Я.А. Яковлева; «Программу партии большевиков-коммунистов» Н.И. Бухарина; «Курс политграмоты по ленинизму» А.П. Станчинского; «Ленин. (Пособие для кружков)» П.М. Керженцева; «Что должен знать и понимать каждый рабочий, вступающий в партию» и «Историю РКП(б)» Г.Е. Зиновьева; «Что должен знать каждый вступающий в коммунистическую партию» А.И. Бердникова и Ф.Ю. Светлова; «Жизнь и работа В.И. Ленина» Е.М. Ярославского и изданную Главполитпросветом брошюру «Ленинскому призыву»⁵².

Широкую популярность получили также «15 заповедей для ленинского призыва» Г.Е. Зиновьева. Сознательно использованная в названии апелляция к Библии должна была вызвать доверие у необразованных рабочих и способствовать восприятию изложенных в пособии положений как непреложной истины. В брошюре в тезисной форме были сформулированы принципы поведения, вступивших в РКП(б) рабочих, основными из которых являлись отказ от религиозных убеждений, соблюдение внутривнутрипартийной дисциплины, изучение истории большевистской партии, получение политических знаний, поддержание контактов и ведение разъяснительных бесед с беспартийными рабочими и крестьянством.

На первый взгляд последовательные, все эти публикации на самом деле обладали глубоким внутренним противоречием. Пропагандируя активность масс и призывая кандидатов в члены и членов РКП(б) к постоянному повышению уровня их политической подготовки, развитию инициативы и самостоятельности, авторы всех этих изданий одновременно требовали полного и беспрекословного подчинения партийных новобранцев директивам ЦК. Главный постулат, который должны были усвоить «молодые» коммунисты, сводился к известной формуле: «Что решено парти-

⁵¹ Данные противоречивы: во введении «Календаря» указано, что справочник был издан в количестве 150 тыс. экземпляров, тогда как на форзаце зафиксирована цифра в 200 тыс.

⁵² Календарь коммуниста на 1925 год / Под ред. С.С. Диканского. М., 1924. С. 397.

ей, то свято»⁵³. В 1926 г., анализируя ошибки своих предшественников, так называемая объединенная оппозиция признала, что «руководящая верхушка ЦК систематически приучала партийного середняка к пассивности, к тому, чтобы быть только свидетелем борьбы наверху, а верхушка оппозиции не давала отпора этой разлагающей тактике»⁵⁴.

Малограмотные рабочие, большую часть времени занятые на производстве, далеко не всегда имели возможность изучить даже тот небольшой объем литературы, который им предлагала партия. В результате гораздо более востребованной партийными новобранцами оказалась периодическая печать.

В Сибири самыми распространенными являлись краевая газета «Советская Сибирь» и орган Сибирского бюро ЦК профсоюза рабочих железной дороги «Сибирский гудок». Рост численности краевой парторганизации и задача ускоренного повышения уровня политической грамотности партийной «молодежи» обусловили последовательное увеличение их тиража. Если в январе 1924 г. «Сибирский гудок» издавался в количестве 11 тыс. экземпляров, то к весне того же года его тираж достиг 17–17,5 тыс. экземпляров. Аналогичная тенденция была характерна и для «Советской Сибири»: май 1924 г. — 6 тыс., январь 1925 г. — 13 тыс., май 1925 г. — 20 тыс. экземпляров. В октябре 1924 г. Новониколаевский губком сообщал краевому руководству: «Газеты выписывает подавляющее большинство, а в некоторых районах газеты выписываются поголовно (даже неграмотными) [...]. Газеты читаются регулярно, что во многом способствует поднятию уровня ленинского призыва»⁵⁵. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в партийной организации Алтайской губернии, в которой за май — ноябрь 1924 г. подписка на периодическую печать увеличилась в пять раз⁵⁶.

Всего к январю 1925 г. в крае издавалось 34 газеты общим разовым тиражом в 165,85 тыс. экземпляров⁵⁷. Из них семь изданий

⁵³ *Зиновьев Г.Е.* 15 заповедей для ленинского призыв. Красноярск, 1924. С. 6.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 85. Л. 2.

⁵⁵ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 13. Л. 6.

⁵⁶ К отчету Алтгубкома IX губернской конференции РКП(б). Полгода работы (май — ноябрь 1924 г.). Барнаул, 1924. С. 70.

⁵⁷ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 25. Л. 23.

имели статус официальных органов губкомов и обкомов Сибири: «Рабочий путь» (Омск), «Красный Алтай» (Барнаул), «Ойротский край» (Улала), «Красное знамя» (Томск), «Красноярский рабочий» (Красноярск), «Власть труда» (Иркутск), «Бурят-Монгольская правда» (Верхне-Удинск).

С начала кампании периодическая печать регулярно публиковала заметки о массовом энтузиазме вступавших в РКП(б) рабочих, статистические сведения о росте численности парторганизаций, статьи о необходимости их политического воспитания, развития самостоятельности и инициативы партийной «молодежи». Посчитав это недостаточным, 19 апреля 1924 г. секретариат ЦК издал специальный циркуляр «О кампании в печати по использованию ленинского призыва»⁵⁸. Следуя этой директиве, поступившей в Сибкрайком в начале мая 1924 г., местные краевые и губернские газеты сообщали о необходимости срочной организации школ и кружков политграмоты, вовлечения кандидатов в члены РКП(б) в партийную, советскую, общественную работу, о скорейшей «ассимиляции» партийных новобранцев с уже опытными членами партии. Периодическая печать активно призывала «старых» большевиков к созданию соответствующих условий, которые позволили бы принятым в РКП(б) рабочим, сразу же «почувствовать себя в партии „как у себя дома“»⁵⁹.

Тем не менее, на практике процесс адаптации кандидатов в члены РКП(б) ленинского призыва шел крайне медленно. Повышенное внимание к ним центрального и краевого руководства РКП(б) только усилило «конфликт поколений». В июне 1924 г. информационный отдел ЦК сообщил, что «ленинцы зачастую рассматривают себя как смену старым бюрократившимся товарищам»⁶⁰. Аналогичные опасения выражали и руководители низовых партийных организаций. Например, в ноябре 1924 г. в Барнауле на одной районном партийном собрании прозвучали небезосновательные замечания о том, что «ленинцам уделяется внимания „больше, чем следует“», в результате чего они «могут „заянать-

⁵⁸ ГАНО. Ф.П-1. Оп. 2. Д. 393. Л. 33.

⁵⁹ См., например: *Вардин Ил.* Ленинский призыв и старые партийцы // Рабочий путь (Омск). 1924. 16 марта.

⁶⁰ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 2. Д. 17. Л. 349.

ся“»⁶¹. Такие настроения только что принятых в РКП(б) рабочих закономерно вызвали недовольство ветеранов и коммунистов, вступивших в партию в предыдущие годы.

Пытаясь преодолеть накопившиеся противоречия, партийное руководство Сибири регулярно обращало внимание партийной «молодежи» на необходимость соблюдения внутривнутрипартийной дисциплины. Разъясняя это положение Устава РКП(б) через партийно-просветительные учреждения, специальную литературу и периодическую печать, партийное руководство Сибири стремилось добиться от кандидатов в члены партии безусловной поддержки линии ЦК и «правильного» голосования в ходе выборов бюро ячеек. Несмотря на это, сначала Сиббюро, а затем Сибкрайком время от времени получали информацию не только об «ошибочных» высказываниях партийных новобранцев, возражениях против кандидатур, предложенных партийными комитетами⁶², но даже об отказе от выполнения директив.

Как правило, районные, губернские и краевой партийные комитеты стремились не афишировать подобные инциденты и сообщали о них в отчетах как о явлениях единичных и временных. Так же квалифицировал подобные случаи Центральный комитет партии. Летом 1924 г. его информационный отдел довел до сведения местных парткомов, что у многих коммунистов ленинского призыва «вызывает недоумение, как же Троцкий может выражать мелкобуржуазный уклон», однако в большинстве случаев «после разъяснений и изучения истории РКП[(б)] вырабатывается отрицательный взгляд на оппозицию»⁶³.

Полагаясь на первые результаты агитационно-пропагандистской и разъяснительной работы, сталинское руководство уже в первые месяцы кампании по ленинскому призыву приступило к вовлечению кандидатов в члены РКП(б) в активную партийно-советскую деятельность. По мнению заведующего орграспределом Сиббюро ЦК Н.В. Рогозинского, от успеха именно этой работы зависела «прочность закрепления новых товарищей за парти-

⁶¹ К отчету Алтгубкома IX губернской конференции РКП(б). Полгода работы (май — ноябрь 1924 г.). Барнаул, 1924. С. 73.

⁶² См., например: К отчету Алтгубкома IX губернской конференции РКП(б). Полгода работы (май — ноябрь 1924 г.). Барнаул, 1924. С. 71.

⁶³ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 17. Л. 350.

ей»⁶⁴. В то же время введение малоопытных, но соответствующим образом обработанных партийных новобранцев в различные учреждения Сибири, по всей видимости, способствовало усилению контроля партии за этими структурами и служило своего рода гарантией идеологической верности последних линии ЦК.

В феврале 1925 г., обобщая накопленный опыт и одновременно выдвигая задачи на ближайшую перспективу, Оргбюро ЦК наметило два крупных направления в этой области: «вовлечение в такую работу, которая не требует отрыва от производства», и «выдвижение на постоянную руководящую работу в государственных, профессиональных и всех прочих организациях»⁶⁵. Однако реализация этих установок была осложнена субъективным фактором: далеко не все рабочие, занятые на производстве, хотели брать на себя дополнительную нагрузку.

Партийные руководители Сибири предвидели такую ситуацию еще весной 1924 г. В письме, направленном 15 марта секретарям Центрального комитета РКП(б), члены Сиббюро ЦК высказали предположение, что «значительная часть вновь вступивших будут очень хорошими коммунистами», а «приблизительно более ¼ [кандидатов ленинского призыва] будут мало активны и попросту [окажутся] балластом»⁶⁶.

Правильность высказанных предположений подтвердилась в начале 1925 г. В соответствии с информацией, опубликованной ЦК, в среднем по СССР примерно 40–50 % партийных новобранцев представляли собой «активный слой, уже втянувшийся в организационную работу», 20–30 % были «недостаточно втянуты в практическую работу» и 15–20 % оставались «довольно пассивны»⁶⁷. Это соотношение можно считать верным и для сибирской партийной организации. По данным на январь 1925 г., в Алтайской, Енисейской, Новониколаевской, Омской и Томской губерниях из 6 255 кандидатов в члены РКП(б) ленинского призыва в различных

⁶⁴ *Рогозинский Н.[В.]* Наши задачи в связи с ленинским призывом // Известия Сиббюро ЦК. Новониколаевск, 1924. № 67–68. С. 22.

⁶⁵ О выдвижении и вовлечении в практическую работу вновь вступивших в партию рабочих // Справочник партийного работника. М.-Л., 1926. Вып. 5. С. 249.

⁶⁶ ГАНО. Ф.П-1. Оп. 2. Д. 401. Л. 2.

⁶⁷ Ленинский призыв. М.-Л., 1925. С. 73.

видах общественной деятельности участвовали 2 718 человек, то есть 43,5 %. Из них 1 094 чел. были заняты профессиональной, 539 чел. — партийной, 256 чел. — советской, 138 чел. — кооперативной работой⁶⁸.

Наиболее значимым для сталинского руководства, решавшего в первую очередь собственные задачи, было участие новых членов и кандидатов в члены РКП(б) в партийных собраниях. По сведениям П.А. Потапова, 14-процентный рост численности членов парткомов Сибири и Дальнего Востока на протяжении 1924–1925 гг. был осуществлен во многом именно за счет «молодых» коммунистов⁶⁹. К концу десятилетия рабочие, вступившие в партию в 1924 г., пополнили даже Сибирский крайком: в декабре 1925 г. — один человек (1,2 %), в марте 1927 г. — два человека (2,0 %), в марте 1929 г. — три человека (2,4 %), в июне 1930 г. — семь человек (5,1 %)⁷⁰. Избрание кандидатов в члены партии ленинского призыва в состав партийных комитетов разных уровней служило демонстрацией расширения внутрипартийной демократии и одновременно способствовало постепенному вытеснению ветеранов ленинских времен из нового «сталинского аппарата».

Мощный идеологический эффект имело предоставление партийным новобранцам права решающего голоса при выборах делегатов на XIII съезд РКП(б). Это решение, принятое Политбюро ЦК в марте 1924 г.⁷¹ и затем распропагандированное как акт проявления истинной рабочей демократии, И.В. Сталин и его сторонники ис-

⁶⁸ *Нелюбин А.[П.]* Из итогов работы среди ленинского призыва // Известия Сибкрайкома РКП(б). Новосибирск, 1925. № 1. С. 19.

⁶⁹ Известия ЦК РКП(б). М., 1925. № 15–16. С. 11–12; *Потапов П.А.* Некоторые вопросы партийного строительства в Сибири в 1924–1925 гг. (по материалам ленинского призыва) // Из истории партийных и советских организаций Сибири. Новосибирск, 1962. С. 67.

⁷⁰ Подсчитано по: ГАНУ. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 2220. Л. 15–17; Оп. 5а. Д. 74. Л. 18–23; Оп. 7. Д. 19. Л. 25–27; Третья Сибирская краевая партийная конференция (25–30 марта 1927 г.): стенографический отчет. Новосибирск, 1927. С. 293–295; Четвертая Сибирская краевая конференция ВКП(б): стенографический отчет. Новосибирск, 1929. Вып. 3. С. 200–202; Стенографический отчет пятой Сибирской краевой партийной конференции ВКП(б). Новосибирск, 1930. С. 749–751.

⁷¹ ГАНУ. Ф.П-1. Оп. 2. Д. 380. Л. 25.

пользовали во вполне прагматичных целях. Подготовка, полученная рабочими в школах политграмоты, и требуемое от них соблюдение партдисциплины должны были способствовать выбору «правильных» делегатов и минимизировать представительство сторонников оппозиции на партийном форуме.

Такое уравнение в правах партийной «молодежи» со «старыми» коммунистами оказалось привлекательной мерой как для вступивших в партию рабочих, так и для партийных комитетов, не справлявшихся с переводом «ленинцев» в ряды членов партии. В результате парткомы стали систематически обращаться в ЦК с просьбами о предоставлении кандидатам в члены партии ленинского призыва права решающего голоса при выборе бюро партийных ячеек. Для разъяснения ситуации 29 июля 1924 г. Политбюро ЦК приняло решение направить во все областные бюро, краевые и губернские комитеты РКП(б) специальное письмо запрещавшее применение такой практики⁷². Стремясь остановить поток ходатайств, 5 февраля 1925 г. ЦК РКП(б) издал специальный циркуляр «О недопустимости предоставления решающего голоса кандидатам [в члены] РКП(б)». Обращая внимание на то, что кандидатский стаж партийных новобранцев уже истек, Центральный комитет напоминал «о необходимости усиления работы по переводу принятых в текущем году кандидатов „рабочих от станка“ в члены партии»⁷³. Аналогичные установки давал местным партийным организациям Сибирский крайком РКП(б)⁷⁴ и транслировали окружные газеты⁷⁵.

Доказательством обоснованности предъявленных к местным парткомам требований был партийный Устав, согласно которому продолжительность кандидатского стажа составляла шесть месяцев. Следовательно, своеобразный испытательный срок основной массы кандидатов в члены партии ленинского призыва истек в августе — октябре 1924 г. Еще в конце лета о важности и глубоком морально-

⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 453. Л. 4; Ф. 558. Оп. 1. Д. 2632. Л. 1–4 об.

⁷³ О недопустимости предоставления решающего голоса кандидатам РКП(б) // Справочник партийного работника. М.-Л., 1926. Вып. 5. С. 251.

⁷⁴ Лена А.[К.] Об изменениях в составе Сибпарторганизации // Известия Сибкрайкома РКП(б). Новониколаевск, 1925. № 1. С. 22.

⁷⁵ См., например: Об ускорении перевода кандидатов рабочих в члены партии // Рабочий путь (Омск). 1925. 24 февраля.

идеологическом смысле перевода партийной «молодежи» в ряды членов РКП(б) воодушевленно сообщала центральная и краевая печать⁷⁶. Однако по данным, имевшимся в распоряжении крайкома, в Сибири к началу ноября 1924 г. статус полноправных членов РКП(б) получили только 224 кандидата в члены партии ленинского призыва, что составило всего 2,8 % их общего числа⁷⁷.

Низкие темпы перевода кандидатов в члены РКП(б) ленинского призыва в члены РКП(б) в сибирской партийной организации были обусловлены совокупностью обстоятельств. В частности, малочисленная и в основном крестьянская по составу сибирская партийная организация оказалась не готова проделать такой объем работы. Перевод партийных новобранцев в члены РКП(б) требовал тщательной проверки каждого претендента, получения и ознакомление последнего с выданными ему рекомендациями и т.п. К тому же большинство рабочих, принятых кандидатами в члены партии, даже после прохождения политической подготовки очень плохо знали не только историю, но даже Устав и Программу большевистской партии.

Подтверждением этого стали результаты специальной проверки, по итогам которой вступившие в партию рабочие были разделены на три категории: неграмотные, среднего уровня развития и грамотные, в целом способные выполнять агитационно-пропагандистскую работу⁷⁸. В некоторых парторганизациях проводившие проверку комиссии выделили дополнительно так называемую полуторную группу, к которой были отнесены кандидаты, удовлетворительно усвоившие курс политграмоты, но бывшие не способными «на активную передачу своих знаний другим»⁷⁹. Отсутствие четких критериев, трудности учета и плохо налаженная система отчетности местных партийных организаций перед Сибкрайком РКП(б) обусловили отсутствие сколько-нибудь полных и систематизированных статистических сведений по данному вопросу.

⁷⁶ К переводу ленинцев // Правда. 1924. 19 августа; К приему ленинцев в ряды партии // Советская Сибирь. 1924. 20 августа.

⁷⁷ *Нелюбин А.[П.]* Из итогов работы среди ленинского призыва // Известия Сибкрайкома РКП(б). Новониколаевск, 1925. № 1. С. 20.

⁷⁸ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 135. Л. 46.

⁷⁹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 53. Л. 86 об.

Судить о примерном соотношении перечисленных выше категорий кандидатов в члены РКП(б) ленинского призыва в Сибири можно на основании данных, приведенных Енисейским и Томским губкомами РКП(б). Согласно этим отчетам, по итогам летней проверки в Енисейской губернии 1 906 кандидатов в члены партии ленинского призыва (68 % от общего числа проверенных) были отнесены к первой группе, 580 (21 %) — ко второй и только 319 (11 %) — к третьей⁸⁰. Еще хуже дело обстояло в Томской губернии. В Тайгинской районной парторганизации 84 % кандидатского состава были признаны политически неграмотными, остальные 16 % — малограмотными, в Мариинской уездной парторганизации — соответственно 75 % и 25 %⁸¹. В Анжеро-Судженском районе проверка выявила 57,5 % кандидатов первой, 28 % — полуторной и только 4 % второй группы⁸².

В итоге к январю 1925 г., по утверждению заведующего агитационно-пропагандистским отделом Сибкрайкома А.П. Нелюбина, уровень политической подготовки кандидатов в члены РКП(б) ленинского призыва был «в общем ниже уровня старых партийцев, но все же выше общего уровня беспартийной массы и достаточен для проведения в массах основных директив и лозунгов партии»⁸³. Тем самым партийные руководители Сибири фактически открыто признали, что основной целью воспитания партийной «молодежи» являлось не полноправное ее включение в политический процесс, а всего лишь создание удобного инструмента для транслирования и послушного проведения на местах линии ЦК. Вместе с тем оценка, данная А.П. Нелюбиным, представляется все же явно завышенной. Слабая подготовка лекторов и пропагандистов, элементарная неграмотность слушателей и нерегулярная посещаемость ими партийно-просветительных учреждений привели к тому, что в начале 1925 г. большинство кандидатов в члены партии ленинского призыва по-прежнему не могли претендовать на статус полноправных членов РКП(б).

⁸⁰ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 139. Л. 93 об.

⁸¹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 137. Л. 119 об.

⁸² ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 53. Л. 86 об.

⁸³ *Нелюбин А.[П.]* Из итогов работы среди ленинского призыва // Известия Сибкрайкома РКП(б). Новониколаевск, 1925. № 1. С. 19.

Более того, уже с конца 1924 г. парткомы стали фиксировать факты как исключения, так и добровольного выхода партийной «молодежи» из РКП(б). Сознвая нежелательность такого явления, партийные комитеты всех уровней старались, как правило, умалчивать о его масштабах и скрывать истинные причины. Не указывая точных цифр, ЦК и ЦКК РКП(б) называли исключение и выход рабочих из РКП(б) «незначительными»⁸⁴, носившими «характер вполне здорового процесса отцеживания от партии менее устойчивого, менее ценного и полезного элемента»⁸⁵. Признавая, что в некоторых губерниях доля покинувших партию рабочих достигла 10 %, ЦК, тем не менее, утверждал, что по СССР «размеры этого отсеивания не достигают в среднем и 3 %»⁸⁶.

Однако сопоставление этой информации с данными официальной статистики свидетельствует о том, что приведенные цифры не соответствуют действительности. Выступивший на XIII партийном съезде с докладом мандатной комиссии заведующий организационно-распределительным отделом, кандидат в члены ЦК РКП(б) Л.М. Каганович сообщил, что число принятых в партию по ленинскому призыву кандидатов составляло 241 591 чел. Но по сведениям статистического отдела ЦК, опубликованным в октябре того же года, за февраль — май 1924 г. численность кандидатов в члены коммунистической партии выросла только на 180 тыс. чел.⁸⁷ Специальный сборник о ленинском призыве, изданный в 1925 г., содержал информацию о 203 тыс. рабочих, принятых в партию до 1 августа 1924 г.⁸⁸ По всей видимости, разница между информацией, оглашенной на XIII съезде и опубликованной в конце 1924 и в 1925 гг., как раз и отражает количество партийных новобранцев, по тем или иным причинам покинувших партию с мая по август 1924 г. На этом основании можно утверждать, что доля выбывших составила не менее 16 % всех кандидатов в члены РКП(б) ленинского призыва.

⁸⁴ Отчет Центральной контрольной комиссии XIV съезду партии (май 1924 — декабрь 1925 г.). М., 1925. С. 44.

⁸⁵ Ленинский призыв РКП(б): сборник. М.-Л., 1925. С. 35.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Движение численного состава РКП(б) за период с 1 января по 1 июля 1924 г. // Известия ЦК РКП(б). М., 1924. № 2. С. 7.

⁸⁸ Ленинский призыв РКП(б): сборник. М.-Л., 1925. С. 13.

Сокращение и даже фальсификацию сведений о сокращении численности партийной «молодежи» широко практиковало и партийное руководство Сибири. Например, по сведениям информационно-статистического подотдела Сибкрайкома, за первое полугодие 1925 г. из числа кандидатов в члены РКП(б) в Сибирской парторганизации было исключено 239 чел, добровольно и механически выбыло — 254 чел. и умерло — 71 чел.⁸⁹ Но согласно секретной информационной сводке Сибирской контрольной комиссии, летом 1925 г. только в одном Анжеро-Судженском районе Томской губернии механически исключенными были признаны 123 кандидата в члены РКП(б)⁹⁰.

В отчетном докладе XIV партсъезду Центральная контрольная комиссия объяснила сокращение численности кандидатского состава РКП(б) тем, что часть рабочих «вошла в партию стихийно и поэтому при малейшем соприкосновении с партдисциплиной и партобязанностями стала отходить от партии»⁹¹. Причины же исключения из РКП(б) партийное руководство всех уровней склонно было видеть преимущественно в неуплате членских взносов, несоблюдении внутривнутрипартийной дисциплины, пьянстве и нежелании рабочих отказаться от религиозных убеждений. В действительности же проступки, вменявшиеся в вину партийной «молодежи», носили главным образом объективный характер и зачастую были неизбежны. Перегруженные работой на производстве и в большинстве своем находившиеся в тяжелом материальном положении, кандидаты в члены РКП(б) ленинского призыва не имели возможности регулярно посещать партийные собрания и платить членские взносы.

Стремясь скрыть масштабы выхода партийных новобранцев из рядов РКП(б) и одновременно предотвратить конфликты между оставшейся в партии «молодежью» и «старыми» большевиками, 8 декабря 1924 г. на заседании Оргбюро ЦК В.М. Молотов предложил отказаться от «излишнего подчеркивания» роли ленинского призыва. Согласившись с целесообразностью такой меры,

⁸⁹ Н.П. Как идет рост парторганизаций Сибири (по статразработкам информационно-статистического подотдела Сибкрайкома) // Известия Сибкрайкома РКП(б). Новосибирск, 1925. № 6–7. С. 52.

⁹⁰ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 548. Л. 83–84.

⁹¹ Отчет Центральной контрольной комиссии XIV съезду партии (май 1924 — декабрь 1925 г.). М., 1925. С. 44–45.

Л.М. Каганович и И.В. Сталин пришли к выводу о необходимости именовать эту часть кандидатского состава РКП(б) «вновь вступающими в партию рабочими», перенеся формулировку «ленинский призыв» в скобки в качестве дополнительного уточнения⁹². Опираясь на это решение Оргбюро и одновременно реагируя на процессы, происходившие в Сибирской партийной организации, с весны 1925 г. периодическая печать края заметно снизила количество упоминаний о кандидатах в члены партии ленинского призыва, продолжая при этом регулярно публиковать материалы о регулировании состава парторганизации и политической активности рабочих в РКП(б).

Многочисленные факты, свидетельствовавшие о дезадаптации кандидатов в члены партии ленинского призыва, однако не помешали Сибкрайкому РКП(б) в 1925 г. настойчиво утверждать о дальнейшем укреплении Сибирской партийной организации, о расширении в ней внутрипартийной демократии и о решительном отпоре, данном троцкистской оппозиции. Кампания по приему рабочих от станка в РКП(б) была эффективно использована сталинским руководством и поддержавшей его политической элитой Сибири для противопоставления Л.Д. Троцкого рядовой партийной массе. Однако опереться во внутрипартийной борьбе на кандидатов в члены РКП(б) ленинского призыва как на надежную партийную прослойку на практике оказалось невозможно. Несоблюдение внутрипартийной дисциплины, конфликты со «старшим поколением», низкий интеллектуальный уровень, плохое усвоение новобранцами партийных норм и правил делали их поведение мало предсказуемым. Затянувшийся перевод этой категории кандидатов в полноправные члены РКП(б) и заметная доля среди них выбывших из рядов партии по различным основаниям поставили под угрозу репутацию всей кампании по ленинскому призыву в целом. Поэтому с конца 1924 г. ЦК, а с весны 1925 г. и Сибирский крайком стали отказываться от разделения кандидатов в члены РКП(б) на вступивших до и во время ленинского призыва. Таким способом они попытались хотя бы формально завершить затянувшийся и не вполне успешный процесс политической адаптации партийной «молодежи».

⁹² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5027. Л. 3.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПРОТЕСТАНТСКИХ ОБЩИН НЕМЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В БРЕЖНЕВСКУЮ ЭПОХУ

Шестого сентября 1945 г. председатель Совета по делам религиозных культов при Совете народных комиссаров (СНК) СССР И.В. Полянский обратился к первому заместителю председателя СНК СССР В.М. Молотову с тем, чтобы тот санкционировал покупку «от имени правительства» подарка стоимостью семь — восемь тысяч рублей «руководящему работнику евангельских христиан и баптистов Я.И. Жидкову», которому вскоре исполнялось 60 лет¹.

Эта короткая записка служит ярчайшим наглядным свидетельством коренного изменения церковной политики советского государства, которое пришлось на годы Великой Отечественной войны. Если учесть, что как минимум дважды — в конце 1929 — начале 1930 г. в ходе коллективизации и в 1937–1938 гг. в ходе массовых операций НКВД — власть пыталась «окончательно» решить в СССР «религиозный вопрос»², а в остальное время в церковно-государственной политике преобладала линия, направленная на разложение конфессий изнутри и провокацию конфликтов между религиозными течениями, то теперь ее вектор претерпел существенные изменения. Государство, в духе меткого замечания М.М. Пришвина о том, что рано или поздно власти «разрешат и молиться, конечно, при условии, чтобы минимум одна молитва

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 10. Л. 78. Эта просьба выглядит еще более диссонирующей в сравнении с предыдущей религиозной политикой, если учесть, что в январе 1938 г. Я.И. Жидков был арестован СПО ГУГБ НКВД СССР за активную антисоветскую деятельность и 16 мая 1938 г. осужден Особым совещанием при НКВД СССР к восьми годам ИТЛ.

² См., например: *Савин А.И.* Репрессии в отношении евангельских верующих в ходе «кулацкой» операции НКВД // *Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер.* М.: РОССПЭН, 2009. (История сталинизма). С. 303–342.

была за советскую власть»³, наконец-то признало за подавляющим большинством религиозных организаций, готовых демонстрировать свою лояльность, право на определенное место в обществе и государстве.

Этот специфический консенсус, возникший в военные годы, сохранялся вплоть до конца существования СССР, несмотря на достаточно резкий зигзаг в религиозной политике в начале 1960-х годов, вызванный утопическими представлениями Н.С. Хрущева о темпах строительства коммунизма⁴. Центристская позиция «коллективного руководства» Советского Союза во главе с Л.И. Брежневым и его фактический отказ от построения коммунистического общества в обозримом будущем сняли для большинства религиозных организаций, в первую очередь для Русской Православной церкви, остроту адаптации к советскому политическому режиму. В этом отношении конформистская позиция большинства религиозных организаций отвечала общему настрою населения. Американский историк Джеймс Миллар охарактеризовал сложившуюся систему взаимной коадаптации политического режима и населения брежневской эпохи как «Little Deal», «маленькую сделку», которая заключалась в том, что государство обеспечивало населению социальную безопасность и определенный уровень благосостояния, а также закрывало глаза на «теневую экономику», низкую производительность труда и подсобное хозяйство колхозников. В свою очередь, население демонстрировало свою лояльность режиму, не подвергая открытому сомнению официальные правила и нормы⁵.

Однако далеко не все религиозные организации выбрали путь компромисса с властью. Первым толчком для организационного оформления движения религиозных диссидентов, охватившего в 1960–1980-е годы главным образом протестантскую и неопроте-

³ *Пришвин М.М.* Дневники. 1928–1929. Кн. 6. М.: Русская книга, 2004. С. 502.

⁴ Как отмечал один из первых биографов Хрущева, «эта антицерковная кампания не имела никакого разумного объяснения и определения и являлась актом произвола и злоупотребления властью со стороны Хрущева и части лиц из его окружения». См. *Медведев Р.* Н.С. Хрущев. Политическая биография. М, 1990, С. 226–227.

⁵ См. *Millar James R.* The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism // *Slavic Review.* № 44 (1985). P. 697–698.

стантскую часть религиозного спектра, послужила радикальная политика хрущевского руководства, нацеленная на тотальный контроль за религиозными организациями и резкое ограничение сферы их деятельности руками лояльного власти церковного руководства Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ)⁶.

В драматическом противостоянии власти и так называемого «инициативного движения»⁷ во главе с Советом церковью (СЦ) ЕХБ, разыгравшемся в 1960–1980-е годы, симпатии значительной части протестантских организаций российских немцев, в первую очередь меннонитов, оказались на стороне «раскольников». Для этого существовал ряд причин, но главная из них, очевидно, заключалась в том, что государственная политика жесткого контроля, административных репрессий и мелочного регламентирования чрезвычайно усилила свойственную протестантизму, особенно меннонитам, традицию «обособленного христианства», заключающуюся в неприятии государства и стремлении изолироваться от общества как от источника обмирщения церкви и носителя социального зла. В результате меннониты не только примкнули к «инициативному» движению, но и оказались в его авангарде.

Достаточно быстро во взаимоотношениях между государством и религиозными общинами «инициативников», в том числе рос-

⁶ В декабре 1959 г. пленум ВСЕХБ под жестким давлением со стороны государства принял «Положение о Союзе евангельских христиан-баптистов в СССР» и «Инструктивное письмо старшим пресвитерам ВСЕХБ». В этих документах местным баптистским организациям рекомендовалось ограничить допуск к крещению молодежи в возрасте до 30 лет, не приводить на богослужения детей, «изжить» выступления приезжих проповедников, а также поездки в другие общины, помощь нуждающимся и даже декламацию стихов. От пресвитеров требовалось «строго соблюдать законодательство о культах». Принятие этих документов вызвало резкое протестное движение среди верующих, известное как «инициативное движение» или «движение инициативников», организационно оформившееся в августе 1961 г. Подробнее см. например: *Никольская Т.К.* Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 173–215.

⁷ В советских документах и антирелигиозной литературе участники движения фигурировали как «инициативники», «раскольники», «откольники», «религиозные экстремисты».

сийских немцев, выявились основные «точки напряжения», задававшие основные направления диссидентской деятельности верующих в 1960–1980-е годы. Прежде всего, это был отказ от государственной регистрации религиозных общин, которая, по убеждению «инициативников», существенно ограничивала их религиозные свободы. Еще одним «камнем преткновения» традиционно являлось игнорирование верующими запрета на организованное религиозное образование и воспитание детей и юношества до достижения 18 лет. Постоянные конфликты также сопровождали массовые религиозные празднования и публичные сборища верующих, которые трактовались органами власти как нелегальные акции, подлежащие запрету и разгону. Особое недовольство у партийно-советских органов вызывало активное и регулярное участие верующих в «подписных» кампаниях в защиту «узников совести», а также их стремление донести свои требования и нужды до руководства СССР и мировой общественности.

История церковно-государственных отношений в Западной Сибири в послевоенные годы изучается сегодня достаточно интенсивно. За последнее десятилетие в свет вышли монографии Л.И. Сосковец⁸, А.В. Горбатова⁹, коллективная монография тюменских историков¹⁰, С.П. Волоховым¹¹ и В.В. Шиллером¹² защищены диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, опубликован ряд других работ¹³. В результате в научный

⁸ *Сосковец Л.И.* Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е годы XX века. Томск, 2003; Она же. Религиозные организации и верующие в советском государстве. Томск, 2008.

⁹ *Горбатов А.В.* Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е — 1960-е годы. Томск, 2008.

¹⁰ Протестантизм в Тюменском крае. История и современность. / Под редакцией И.В. Боброва. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006.

¹¹ *Волохов С.П.* Социально-политические протесты середины 1950-х — середины 1980-х гг.: на материалах Алтайского края, Новосибирской и Томской областей. Дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002.

¹² *Шиллер В.В.* Этноконфессиональное взаимодействие в Кемеровской области в конце XIX–XX вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2004.

¹³ См., в частности: *Чернышов А.В.* Протестантские религиозные течения XX–XXI веков в Западной Сибири. Тюмень, 2005; *Бадмаев А.А., Адыг-*

оборот введен большой фактографический материал, подведены первые итоги изучения, сформулирован ряд важных выводов. Подавляющее большинство этих исследований проводилось преимущественно в «традиционном» позитивистском ключе, основное внимание уделялось выработке государственной политики в отношении религиозных организаций, советскому антирелигиозному законодательству, деятельности органов КГБ, а также Совета по делам религий при Совете министров СССР и его региональных уполномоченных, направленной на контроль и ограничение религиозной сферы.

Отнюдь не умаляя важности такого подхода, мы попытаемся в настоящей статье сместить «центр тяжести» исследования и уделить основное внимание повседневной жизни общин немцев-протестантов, примкнувших к «инициативному» движению СЦ ЕХБ, в брежневскую эпоху. При этом, как следует уже из заголовка статьи, «повседневность» понимается здесь не как история быта и нравов, а как история поведенческих стратегий и практик одной из дискриминируемых групп населения Сибири. Следуя в русле методологии Альфа Людтке, мы попытаемся установить, какие протестные формы приобретало «своевольное упрямство» верующих¹⁴. Мы также постараемся выявить основные способы адаптации немцев — «инициативников» к неблагоприятным политическим условиям и определить, насколько далеко простирались границы их лояльности. Такой подход вполне оправдан, не говоря уже о том, что подавляющее большинство упомянутых выше авторов заканчивает свои исследования на рубеже середины 1960-х годов.

бай Ч.О., Бурнаков В.А., Маншеев Д.М. Протестантизм и народы Южной Сибири: история и современность. Новосибирск, 2006.

¹⁴ Термином «Eigensinn», который можно перевести как «своенравное упрямство», «своенравие» или «своеволие», Людтке описывает повседневные «политические» практики немецких рабочих, или, как пишет Людтке, «политические компоненты частной жизни», позволявшие рабочим игнорировать и обходить некоторые политические требования государства или дистанцироваться от них в результате индивидуального или коллективного действия. См.: *Людтке А.* История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. С. 88–89.

Кроме того, изучение «инициативного» движения поможет расширить и дифференцировать сложившиеся в исторической науке и обществе представления о брежневской эпохе как времени «застоя» и «спячки». То, что движение религиозного «диссента» имело место, было уже давно известно специалистам, но лишь в общих чертах. Так, Н. Верт в свое время отмечал, характеризуя формы общественного протеста в СССР в брежневскую эпоху: «Наиболее активные формы протеста были характерны главным образом для трех слоев общества: творческой интеллигенции, среды верующих и некоторых национальных меньшинств»¹⁵. Но если сегодня мы уже много знаем о диссидентстве интеллигенции и дискриминированных диаспор, то протестное движение верующих по-прежнему изучено недостаточно. Так, до сих пор в литературе не решена даже проблема установления достоверной численности сторонников СЦ ЕХБ. Исследователями называются разные цифры «инициативников» — от десяти тысяч до нескольких десятков, даже сотен тысяч человек. Что же касается Западной Сибири, то к середине 1960-х годов, к началу описываемых событий, из двенадцати тысяч баптистов Сибири «раскольники» составляли примерно около трех тысяч человек, в первую очередь речь шла о немцах-меннонитах, компактно проживавших в Алтайском крае и Омской области¹⁶.

Сибирские историки, в первую очередь Л.И. Сосковец и А.В. Горбатов, изучавшие положение религиозных организаций в Си-

¹⁵ Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 415. Небольшая глава о евангельских христианах-баптистах помещена также в исследовании Л.М. Алексеевой, впервые опубликованном в США в 1984 г. См. например: Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: Новейший период. Вильнюс; М.: Весть, 1992.

¹⁶ Общая численность немецкого населения Западной Сибири составляла в 1953 г. по данным спецучета МВД около 400 тыс. человек, в том числе на территории наиболее населенных немцами Кемеровской, Новосибирской, Омской областей и Алтайского и Красноярского краев проживало около 346 тыс. немцев. В 1989 г. в этих же областях и краях насчитывалось около 415 тыс. немцев. См. Горбатов А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е — 1960-е годы. С. 373. Савин А.И., Смирнова Т.Б. Немцы в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009, Т. 2. С. 367.

бири в 1940–1960-е годы, пришли к следующим выводам: к 1965 г. центральная власть стала осознавать неэффективность «увлечения административными мерами борьбы» с религиозными диссидентами, которые вызывали ответное «отчаянное сопротивление»¹⁷. По инициативе Генеральной прокуратуры СССР, Президиум Верховного совета СССР занялся в конце 1964 — начале 1965 г. пересмотром дел осужденных баптистов-«раскольников», большинство из которых были в результате прекращены, а осужденные по ним лица — освобождены и полностью реабилитированы¹⁸. Послабления в религиозной политике и реабилитация верующих, как пишет А.В. Горбатов, «окончательно доказали приверженцам „раскола“ свою правоту [...] Соответственно, „раскольники“ к середине 1960-х годов максимально активизировали свои действия»¹⁹.

Новую расстановку сил на «религиозном фронте» символизировала собой публичная акция алтайских протестантов в ноябре 1965 г. Как сообщал руководству Алтайского крайкома КПСС заместитель председателя крайисполкома И. Швец, 26 ноября 1965 г. «группа баптистов-раскольников в количестве до 100 человек явилась в крайисполком и потребовала встречи с председателем крайисполкома тов. Кальченко С.В.»²⁰. Во встрече им было отказано, после чего «верующие заполнили весь вестибюль Дома советов, мешая проходить в него гражданам, периодически громко распевая псалмы и выступая с религиозными проповедями»²¹. Акция протеста продолжалась весь день почти до девяти часов вечера. Потребовалось вмешательство начальника краевого управления министерства охраны общественного порядка Е.Ф. Дорохова и краевого прокурора Н.В. Викулина, подкрепленное силами народных дружинников, чтобы выдворить верующих из здания крайис-

¹⁷ *Сосковец Л.И.* Религиозные конфессии Западной Сибири. С. 304.

¹⁸ Так, в Алтайском крае в конце 1964 г. были прекращены три судебных дела, по которым в 1963–1964 гг. было осуждено десять протестантов. Омский областной суд из восьми дел за 1962–1964 гг. в отношении тринадцати верующих прекратил в начале 1965 г. семь дел на одиннадцать человек как необоснованные. См.: *Горбатов А.В.* Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е — 1960-е годы. С. 306–307.

¹⁹ Там же.

²⁰ ГААК. Ф. 1690. Оп. 1. Д. 73. Л.120–123.

²¹ Там же.

полкома. На следующий день баптисты-«инициативники» в количестве около 70 человек еще раз попытались проникнуть в здание крайисполкома, но на этот раз их не пустили. Тогда они фактически блокировали доступ в крайисполком, вынудив администрацию проводить посетителей через другой вход. Предложение встретиться с заместителем председателя крайисполкома М.С. Андреевым верующие отклонили, а в конце рабочего дня прошли с пением религиозных гимнов по проспекту Ленина, главной улице Барнаула. В итоге в понедельник, 29 ноября 1965 г., председатель крайисполкома Кальченко²² был вынужден лично принять около 100 баптистов в присутствии прокурора и заведующего краевым отделом народного образования.

Непосредственной причиной протестной акции стали жесткие административные меры местных властей, противоречившие новому, относительно либеральному курсу центра. Как писали протестанты в своем письме на имя С.В. Кальченко от 26 ноября 1965 г., несмотря на «протесты генеральной прокуратуры и реабилитацией Верховными Судами наших единоверцев» вместо «восстановления законности на местах вновь учиняются преследования христиан-баптистов за вероисповедания»²³. Основания для таких утверждений у верующих были. Так, в ноябре 1965 г. было заведено уголовное дело в отношении активистов Славгородской общины П.Я. Янца, А.А. Гизбрехта, В.Н. Руденко и О.Ф. Шнагаткиной, организовавших воскресную школу. Правление Серебрянопольского совхоза (с. Хорошее Кулундинского района) отказало меннонитам Г.Г. Фасту, К.Ф. Фасту, Г.Г. Фризену, А.И. Фризен и др. в выдаче заработанного ими хлеба. В колхозе им. Ленина Хабаровского района были противозаконно оштрафованы П.П. Левин, П.Я. Берг, Я.М. Энс, И.М. Энс и др. В Барнауле власти конфисковали частный дом, приобретенный общиной и переоборудованный для религиозных собраний. В школах г. Славгорода и сел Кулунда, Хорошее, Некрасово, Александровка и Орлово учителя добивались от детей верующих сведений о местах проведения неразре-

²² Стоит отметить, что до перевода летом 1960 г. в Барнаул С.В. Кальченко в течение года занимал пост министра сельского хозяйства РСФСР.

²³ Там же. Л. 111–112.

шенных религиозных собраний, «заставляя давать об этом официальные подписи»²⁴.

Реакция властей Алтайского края на публичную акцию «инициативников», немислимую в предыдущие годы, является весьма показательной. Хотя верующим было «разъяснено и указано на факты неправильного их поведения в крайисполкоме», а также им пригрозили уголовной ответственностью за нарушение общественного порядка и советских законов о культах, главный вывод из инцидента был сделан следующий: «Крайисполкомом и его органами на местах принимаются меры к устранению недостатков и неоправданных мер воздействия к верующим, о сосредоточении основного внимания в борьбе с религиозными верованиями людей на идеологических формах работы, недопущения в отношении верующих грубого администрирования и оскорблений их религиозных чувств, усиления контроля за выполнением советского законодательства о культах со стороны горрайисполкомов»²⁵. Здесь необходимо указать, что в следующем году «инициативники» провели аналогичную акцию уже в Москве, у здания ЦК КПСС. 16 — 17 мая 1965 г. на Старую площадь вышло около 400 человек, представлявших 130 баптистских общин СССР, требовавших передать их петицию о прекращении гонений и репрессий Первому секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу²⁶.

Эти протестные акции и реакцию на них партийно-советских органов во многом можно рассматривать как наглядное выражение новой, или существенно трансформировавшейся, модели взаимоотношения религиозных диссидентов и властей в 1960-е — 1980-е годы, существенно отличавшейся от моделей и механизмов адаптации к советской антирелигиозной политике, выработанных верующими в предыдущие годы. Так, в 1920–1950-е годы верующие активно приспосабливались к власти, вырабатывая свои специфические социальные практики и стратегии выживания, умело адаптировались к неблагоприятным политическим условиям и предпочитали идти на компромиссы с властью, стремясь сохранить ле-

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 123.

²⁶ См.: *Заватски В.* Евангелическое движение в СССР после Второй мировой войны. М., 1995. С. 172.

гальный статус своих общин. Для этого широко использовалось «оружие слабых» — политическая мимикрия. Границы мимикрирования были достаточно широки: от камуфляжа в форме пения религиозных песен на мотив революционных маршей, приветствий религиозных органов и съездов, заверений в готовности принимать активное участие в социалистическом переустройстве жизни, и до перераспределения традиционных социальных ролей в общине в пользу женщин и образования «сектантских» кооперативов и колхозов.

Теперь же значительная часть протестантских общин уже не стремилась «выживать» любой ценой, вектор «диаспоральной» (групповой) адаптации сменился с приспособления на активное отстаивание своих прав и наступление. В результате соглашательство все больше уступало место жесткому религиозному нонконформизму, который по своей сути выступал оборотной стороной стратегии «политической мимикрии» и в своем конечном выражении сводился к полной самоизоляции общин «инициативников» от государства.

И все же анализ ситуации будет далеко неполным, если не принять во внимание еще одно важное обстоятельство: те же самые люди, которые наотрез отказывались идти на уступки власти в области религиозных свобод, зарекомендовали себя, как правило, примерными советскими гражданами, в первую очередь в социальной сфере. Это обстоятельство хорошо осознавало и высшее политическое руководство СССР. В июле 1965 г. номинальное первое лицо советского государства, председатель Президиума Верховного совета СССР А.И. Микоян заявил: «Советские немцы вели себя хорошо во время войны, после войны, и ведут себя хорошо сейчас. Они хорошо работают. Сейчас в Целинном крае без немцев вести сельское хозяйство невозможно»²⁷. Давая такую высокую оценку роли советских немцев в экономике, в том числе в освоении целинных и залежных земель Сибири и Казахстана, Микоян, известный своей изощренной изворотливостью в политике, на этот раз был объективен. Добросовестный труд и высокий профессионализм позволяли немцам реализовать свою главную социальную стратегию: смыть с себя позорное пятно предателей Родины.

²⁷ Эл. ресурс: http://wolgadeutsche.ru/wormsbecher/delegat_1_2.htm.

ны и добиться если не формальной, то фактической социальной и общественно-политической реабилитации²⁸. Таким образом, религиозный нонконформизм немецких протестантов на самом деле отнюдь не исключал возможности прийти к приемлемому модусу вивенди с властью. Но на этот раз, с точки зрения религиозных диссидентов, именно государство должно было стать той стороной, которая пойдет на уступки. Такая позиция протестантов подтверждает меткое замечание писателя Василия Ерну о том, что «диссидент — продукт коллаборационизма между советскостью и антисоветскостью»²⁹.

Наиболее адекватно новая модель взаимоотношения с властью — публичность, массовость, активность и наступательность — выразилась в двух практиках верующих, о которых пойдет речь ниже³⁰. Первая заключалась в организации и проведении таких несанкционированных акций, как слеты, съезды, конференции, а также всевозможных массовых встреч и празднований. Вторая — в «письмах во власть» и широких «подписных» кампаниях. Причем нередко именно действия властей, нацеленные на пресечение и разгон массовых акций, становились темой для писем верующих.

Адекватное представление о том, какого масштаба могли достигать массовые мероприятия верующих и как на них реагировали административные органы, можно получить из описания молодежного слета баптистов Сибири и Казахстана (в терминологии властей — «незаконного сборища»), состоявшегося 4 июня 1978 г. в Исилькульском районе Омской области. Изложение событий сохранилось как в версии властей, так и верующих. Слет был организован сторонниками СЦ ЕХБ «в лесах колхозов» «Сибирь» и «Боевой», его участниками стало около трехсот человек, главным

²⁸ Охотников А.Ю. «Самодеятельная» реабилитация поволжских немцев в середине 1950-х — 1960-е годы // Институты гражданского общества в Сибири (XX — начало XXI в.). Новосибирск, 2011. С. 151–162; Он же. Немцы Северной Кулунды: стратегии и результаты социокультурной адаптации (1910 — 1960-е годы). Новосибирск, 2012. С. 129–158.

²⁹ Ерну В. Рожденный в СССР. М.: Ad Marginem, 2007. С. 178.

³⁰ Проблемы отказа немцев-«инициативников» от государственной регистрации общин и противостояния с государством по вопросу религиозного воспитания детей и молодежи заслуживают отдельного рассмотрения.

образом школьники старших классов под руководством взрослых. Местные власти были проинформированы о слете «компетентными органами» заранее и приняли превентивные «оперативные меры»: все руководители баптистских общин Новорождественского, Солнцевского, Баевского сельских советов Исилькульского района и г. Исилькуль приглашались в сельсоветы и горисполкомы, где их предупреждали о персональной ответственности за незаконное сборище. Было также принято соответствующее решение Исилькульского райисполкома о запрещении массового пребывания людей в лесах в связи с пожароопасным сезоном и об ответственности за потраву посевов. Накануне слета в помощь Кухаревскому сельсовету, на территории которого должно было пройти религиозное мероприятие, были дополнительно выделены сотрудники милиции, государственной автоинспекции и дружинники.

В ночь на 4 июня 1978 г. организаторы слета приступили к оборудованию места: установили электроагрегат, подключили микрофоны и усилители, поставили палатки, завезли десять фляг кофе и три мешка булочек. К шести часам утра на всех видах транспорта стали собираться участники слета. Сотрудники ГАИ и дружинники патрулировали дороги, проверяя правила перевозки людей и техническое состояние автотранспорта, снимая у «нарушителей» государственные номера.

Организаторами слета являлись проповедники менонитских общин Исилькульского района В.А. Гамм, Р.И. Гарм и А.А. Балау. Читали проповеди и руководили хором И.Я. Левин, А.К. Изаак, И.И. Нейфельд, Я.П. Андрес и Г.Г. Дерксен из общин Исилькульского и Москаленского районов. По версии властей, на предложение прекратить незаконное сборище верующие не реагировали и продолжали богослужение, которое продлилось до 14-ти часов дня. Многие участники слета оказывали сопротивление милиции и дружинникам, из толпы раздавались выкрики, «что завтра же об этом будут знать в ФРГ и что еще настанет время, мы Вам покажем» и др. Для опознания личности в Исилькульский райотдел милиции было доставлено двенадцать участников слета. Кроме этого, был составлен акт сельсовета о нанесении колхозу ущерба в результате потравы посевов. Властями также был изъят пере-

движной электроагрегат «как бесхозный, уворованный в колхозе или совхозе»³¹.

Другая версия событий была высказана в «Чрезвычайном сообщении евангельских христиан-баптистов Омской, Кокчетавской, Целиноградской областей и г. Омска», адресованном Л.И. Брежневу, председателю Совета по делам религиозных культов В.А. Куроедову, первому секретарю Омского обкома КПСС С.И. Манякину, первому секретарю Исилькульского райкома КПСС Пирогову, а также Комитету по правам человека ООН, Совету родственников узников ЕХБ, осужденных за слово Божие в СССР, и СЦ ЕХБ. Как утверждалось в этом «Чрезвычайном сообщении», власти использовали три трактора, которые работали на полных оборотах, чтобы заглушить проповеди и хор. Кроме этого, трактор К-700 вспахал землю вокруг транспорта верующих. После этого милиционеры и дружинники провели арест ряда участников слета, избивая и буквально вырывая их из рядов крепко державшихся друг за друга людей. Пока часть сотрудников правоохранительных органов проводила аресты, другие погрузили в машины продукты питания, флаги с кофе, скамейки, посуду и т.д. Все это действо снималось кинооператором, как писали верующие, «явно не для художественных целей». Штраф на огромную сумму в размере 1.800 руб., предъявленный за потраву, не соответствовал нанесенному ущербу. Под «Чрезвычайным сообщением» поставили свои подписи 577 человек, преимущественно сибирские меннониты³².

Следующей формой публичной активности верующих, вызывавшей острую неприязнь властей, являлись массовые празднования в честь «узников совести», вернувшихся из мест заключения. В интересах пресечения подобной практики органы КГБ и МВД тщательно отслеживали сроки отбывания наказания «церковными вожаками» и заранее ставили в известность местные органы власти. Так, руководство Москаленского района Омской области было своевременно извещено о том, что проповедник общины мен-

³¹ ГАРФ. Ф. 6691. Оп. 6. Д. 1398. Л. 75–77. Цитируемый документ представляет собой сообщение уполномоченного Совета по делам религий при Совете министров СССР по Омской области А.И. Еременко от 22 июня 1978 г. о «незаконном сборище верующих в Исилькульском районе Омской области».

³² Там же. Л. 79–83.

нонитов д. Мирюлюбовка И.Ф. Тевс, отбывший пятилетний срок заключения, возвращается домой 18 июня 1979 г. После этого, как следует из рапорта уполномоченного Совета по делам религий по Омской области А.И. Еременко от 5 июля 1979 г. «О массовом нелегальном сборище меннонитов в дер. Мирюлюбовка Москаленского района», все события, начиная с прибытия Тевса на железнодорожную станцию Куянбар, находились под пристальным контролем представителей местных органов власти. Встречать Тевса собралось около 500 человек верующих, главным образом жителей д. Мирюлюбовка, а также представлявших общины баптистов городов Омска, Исилькуля, р. п. Марьяновка, сел Ивановка, Николай-Поле, Солнцевка Исилькульского района, городов Макинска, Павлодара, Шучинска и р. п. Булаево Казахской ССР. В ходе встречи верующие читали проповеди и стихи, пели песни о тяжелых испытаниях в тюрьме и страданиях за веру в Бога и т.п.

Представители органов власти с помощью работников милиции попытались опознать «чужаков», которые руководили «сборищем», но попытка не удалась, наткнувшись на сопротивление меннонитской молодежи, все время окружавшей своих гостей живым кольцом. О «незаконном сборище» был составлен акт об административном нарушении и взяты на учет все машины, прибывшие из других районов и городов. Организаторы празднования встречи — Ф.Д. Пеннер, И.Ф. Тевс и П.П. Фот были оштрафованы административной комиссией райисполкома на 50 рублей каждый, материалы переданы в районную прокуратуру³³.

Еще одной формой публичных массовых мероприятий, широко используемой «инициативниками», стали различного рода празднества и торжества. В 1960–1970-е годы окончательно оформился «канонический набор» советских государственных праздников, сформировались шаблоны их проведения. В результате официальные праздники стали охватывать гораздо более широкие круги общества, чем это было в 1920–1950-е годы, что также было одним из последствий «Little Deal»³⁴. В это же время, наряду с

³³ ГАРФ. Ф. 6691. Оп. 6. Д. 1626. Л. 36–38.

³⁴ Советские официальные праздники неоднократно становились предметом исследования. См., например: *Рольф М.* Советские массовые праздники. М., 2009. С. 342.

официальной советской обрядностью, в «серой», полулегальной зоне продолжала существовать религиозная обрядность. В случае с протестантами роль главного праздника в году, очевидно, играл «День жатвы». Его празднование, как правило, верующие устраивали в начале октября по завершению сезона полевых работ. Для проведения праздника выбирали село, где располагалась крупная община, в которое съезжалось несколько сотен верующих. Помещение, в котором они собирались, украшали вышитыми платками с текстами из Библии, организовывали выставку плодов. В течение дня читали проповеди на немецком языке, которые чередовались чтением стихотворений; оркестры и хоры исполняли духовные гимны и песни. «Иногородних» участников празднования не останавливало, что на них, как правило, составлялся акт об административном правонарушении, за которым следовали штрафы.

Под постоянным контролем властей находились также такие формы обрядности, как свадьбы и похороны членов «инициативного» движения, которые активно использовались общинами для «братского общения». Свадьба механизатора совхоза «Карпиловский» И.И. Энгбрехта и доярки Е.Я. Фаст, состоявшаяся 9 мая 1979 г. в с. Николаевка Табунского района Алтайского края, являлась одним из типичных мероприятий такого рода. Заместитель председателя Табунского райисполкома заблаговременно посетил молитвенное собрание верующих и призвал провести свадьбу «как обычную и не превращать ее в религиозное собрание». Кроме того, он предложил перенести свадьбу на другой день, не совмещая ее с официальным государственным праздником, а также не приглашать гостей из других районов и областей, так как ферма с. Николаевка, якобы, была «неблагополучной по туберкулезу». Несмотря на эти предупреждения, свадьба прошла в День Победы, и на нее приехало около 300 гостей из других сел района. За этим исключением, «свадьба прошла в обычном порядке», о чем руководство Табунского райисполкома с удовлетворением сообщило уполномоченному Совету по делам религий по Алтайскому краю³⁵.

Массовые мероприятия являлись одной из главных форм публичной репрезентации «инициативного движения» и demonstra-

³⁵ ГААК. Ф. 1692. Оп 1. Д. 268. Л. 7–8.

ции «своевольного упрямства» верующих. Они оказались крайне «неудобными» для власти, которая фактически спасовала, не сумев предложить адекватного ответа. В свою очередь для местных властей административная борьба со «сборищами» «инициативников» постепенно превратилась в своего рода в бесконечную бюрократическую рутину.

Важной практикой «инициативников» в брежневскую эпоху стало их активное и регулярное участие в «подписных» кампаниях в защиту «узников совести», а также стремление донести свои требования и нужды до партийно-государственного руководства СССР и мировой общественности. Поскольку «сектанты» традиционно относились к одной из наиболее дискриминируемых групп населения и неоднократно подпадали под репрессивные действия советского государства, вытеснившего их на задворки общественной жизни, «письма во власть» всегда являлись для них методом адаптации, представляя собой попытку воздействовать на политический режим в соответствии с собственными представлениями и потребностями. Содержание и направленность писем верующих «во власть» также позволяет отследить эволюцию специфических поведенческих адаптивных стратегий этой группы.

Так, в 1920-е годы их обращения «наверх» преследовали цель доказать властям свою лояльность. В результате в это время основными «письмами во власть» стали различные приветствия религиозных органов и съездов, жалобы на «перегибы» местных властей, а также заверения в демократичности культа и готовности принимать активное участие в социалистическом переустройстве жизни. В начальный период коллективизации содержание писем резко изменилось: они являлись демонстрацией открытого неприятия колхозной системы и репрессивно-административных форм борьбы с религией. Во второй половине 1930-х годов преобладали жалобы на местных «перегибщиков» и закрытие молитвенных зданий. В годы Великой Отечественной войны поток писем этой группы иссяк, но в 1960–1980-е годы он возобновился во все увеличивавшихся масштабах.

В это время главным типом «писем во власть» стали обращения, в которых речь шла о проблемах всего протестантского сообщества, а не какой-либо отдельной общины. Их подписывали сотни, зачастую тысячи людей. Так, письмо «матерей-хрис-

тианок, проживающих на территории СССР», адресованное 3 июня 1977 г. высшему советскому руководству, в котором высказывалось требование отмены ограничений в религиозном воспитании несовершеннолетних, подписали около четырех тысяч женщин, а его объем вместе с подписями составил 166 листов³⁶. География подписей охватывала 150 населенных пунктов СССР, в том числе Алма-Атинскую, Ворошиловградскую, Донецкую области, Киргизскую и Молдавскую ССР, города Белая Церковь, Горловка, Душанбе, Каскелен, Магнитогорск, Мариинск, Нижний Тагил, Рязань, Ростов-на-Дону, Смоленск, Тирасполь, Токмак, Тула, Фергана и Харьков. Из числа протестанток Алтайского края его подписали 216 женщин, в том числе 58 жительниц Славгорода³⁷.

Такого рода обращения «наверх» играли двоякую роль. Верующие по-прежнему не исключали возможности донести до власти свою точку зрения и добиться компромисса, в первую очередь по проблеме отказа от государственной регистрации общин. Но главным образом эти коллективные письма использовались как способ оказания давления на власть с целью освобождения отбывавших срок религиозных диссидентов и прекращения административных репрессий на местах. В результате письма «инициативников» «во власть» все больше эволюционировали, превращаясь в своего рода меморандумы или даже брошюры, нелегально размножавшиеся машинописным путем или с помощью другой множительной техники и распространявшиеся среди верующих, что превращало их в составную часть религиозного «самиздата»³⁸. Так, согласно рапорта оперуполномоченного 2-го отделения 5-го отдела УКГБ по Алтайскому краю Головлева, во время обыска, проведенного 15 марта 1968 г. органами прокуратуры в квартире активиста Барнаульской общины СЦ ЕХБ А.Я. Дика, была обнаружена многочисленная литература, издаваемая СЦ ЕХБ и содержащая «призывы к несоблюдению законодательства о религиоз-

³⁶ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 135. Л. 99–100.

³⁷ Там же.

³⁸ В 1971 г. было организовано подпольное издательство «Христианин», снабжавшее верующих религиозным «самиздатом». См.: Никольская Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. С. 275.

ных культах и свидетельствующая об этих нарушениях». Среди 18 наименований литературы, изъятой во время обыска, сотрудник КГБ назвал также пять коллективных писем-обращений, «носивших клеветнический характер»³⁹.

Еще одна новация заключалась в том, что письма адресовались теперь не только руководителям СССР, но и таким авторитетным международным организациям, как «Международная амнистия» и ООН. Иногда в числе адресатов фигурировали также «все главы правительств мира» или «все христиане и люди доброй воли». Для того, чтобы привлечь к своим проблемам внимание мировой общественности, верующие были готовы даже на такие экстраординарные меры, как проникновение в мае 1972 г. в посольство США в Москве тринадцати немцев — членов Барнаульской общины СЦ ЕХБ⁴⁰.

Действия по «оповещению» международной общественности были достаточно эффективными. В результате центральные органы советского государства регулярно получали от «Международной амнистии» обращения об освобождении осужденных протестантов. Крупным достижением движения в защиту «узников совести» стало освобождение из заключения лидера «инициативного» движения Григория Винса. В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 16 ноября 1978 г., КГБ выдворил 27 апреля 1979 г. «уголовных преступников Винса, Кузнецова, Дымщица, Мороза, Гинзбурга», лишенных советского гражданства, обменяв их «на осужденных американскими властями советских разведчиков тт. Черняева и Энгера»⁴¹.

Широкие подписные кампании верующих стали универсальной формой гражданского протеста, целью которого была прежде всего гласность. В этом отношении задачи религиозных и светских диссидентов фактически совпадала, а «письма во власть» можно рассматривать как элемент формировавшегося гражданского общества, как средство, благодаря которому «безмолвное большинство» (Карло Гинзбург) обрело свой голос.

³⁹ ГААК. Ф. 1690. Оп. 1. Д. 73. Л.195–198.

⁴⁰ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 119. Л. 35–36.

⁴¹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 25. Д. 38. Л. 1–3. Информация председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова для ЦК КПСС «О выдворении из СССР группы антисоветских элементов». Москва, 23 мая 1979 г.

К началу перестройки в СССР уклонялись от регистрации 272 религиозных объединения, полностью или частично состоявших «из лиц немецкой национальности», в которых насчитывалось около 16,0 тыс. человек⁴². На территории РСФСР к концу 1989 г. действовало около 900 незарегистрированных протестантских объединений, что составляло примерно половину от общего числа протестантских общин в России. Роль российских немцев в «инициативном движении» была высока. По данным сотрудников Совета по делам религий при Совете министров СССР, «экстремистские религиозные объединения», за исключением общин пятидесятников, «на 90% состояли из лиц немецкой национальности», что создавало «дополнительные трудности в работе с ними»⁴³.

У этого феномена высокой резистентности религиозного диссента есть две главные причины. Во-первых, свою роль, без всякого сомнения, сыграл отказ советского политического руководства во главе с Л.И. Брежневым от массовых политических репрессий как от одной из главных составляющих советской цивилизации. В итоге самые низкие показатели деятельности карательного аппарата в СССР в постсталинскую эпоху пришлось именно на период 1964–1985 гг. Если при Хрущеве в 1956–1964 гг. за антисоветскую пропаганду и агитацию в среднем ежегодно осуждали около 636 человек, то при Брежневе в 1965–1982 гг. этот же показатель составил только 115 человек⁴⁴. Например, за первое полугодие 1980 г. органами КГБ было привлечено к уголовной ответственности 243 человека, из них за особо опасные государственные преступления — 59 человек и еще 40 «активных антисоветчиков»⁴⁵. Само

⁴² ГАРФ. Ф. 6691. Оп. 4. Д. 290. Л. 3–9.

⁴³ Там же. Д. 173. Л. 1–21.

⁴⁴ См.: «О массовых беспорядках с 1957 года...» // Старая площадь. Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1995, № 6. С. 153; Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР. М., 2005. С. 36. Здесь речь идет о репрессиях в отношении так называемых «антисоветчиков» и диссидентов, мнимых и реальных противников коммунистического режима, осужденных по статьям 70 и 190 УК РСФСР. Известна также практика, когда политических противников режима судили по «уголовным» статьям.

⁴⁵ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 51. Д. 4. Л. 2–3.

собой разумеется, эта статистика не отражает все политические репрессии. Например, религиозные диссиденты, как правило, осуждались по статьям 142, 143 и 227 УК РСФСР и соответствующим статьям Уголовных кодексов других союзных республик. Их количество было сопоставимо с числом осужденных «антисоветчиков». Мы располагаем данными о том, что за 1961 — первую половину 1964 г. в СССР по этим статьям было осуждено 806 «религиозников», в то время как количество осужденных «антисоветчиков» за 1961–1964 гг. составило 1052 человека⁴⁶. С определенной долей уверенности можно предположить, что это соотношение сохранилось и в последующие годы при общем уменьшении масштаба репрессий. Как бы то ни было, приведенная выше статистика адекватно отображает общую тенденцию: органы государственной безопасности все в большей степени заменяли репрессивные практики так называемым «профилактированием», которое уже не могло стать серьезным препятствием на пути религиозных диссидентов.

Во-вторых, рассмотренные выше практики позволяли «инициативникам» не только воздействовать на власть и отстаивать свои интересы. В большей степени они способствовали тому, что отдельные разрозненные общины смогли почувствовать себя единым целым и объединиться, осознать себя настоящим «братским» движением со своими вождями и героями, мучениками и отступниками, со своей историей и высокой миссией защиты религиозных свобод. Именно это обстоятельство так и не позволило властям вплоть до распада СССР заставить перейти на лояльные позиции значительное число религиозных диссидентов, в первую очередь российских немцев. В то же время разрозненное и малочисленное движение «светских» диссидентов было сравнительно легко нейтрализовано органами КГБ.

Изучение политической повседневности протестантских общин немцев Сибири также позволяет сделать важный вывод о вероисповедной политике советского государства брежневской эпохи в целом, свидетельствующий об ее прогрессирующей бюрократизации. Утрата репрессивной составляющей, перемещение антирелигиозных мероприятий от Комитета государственной

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 6691. Оп. 4. Д. 173. Л. 187.

безопасности СССР к Совету по делам религий при Совете министров СССР и его региональным структурным подразделениям, а также активное протестное движение верующих привели к тому, что «борьба с религией» все больше и больше стала превращаться в бесперспективную рутину, сводившуюся к наблюдению и контролю, которые осуществлялись в рамках формализованных процедур.

КПСС В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ: ПРЕДЕЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

В широком спектре научных проблем современной отечественной истории важное место занимает вопрос о том, почему Коммунистическая партия Советского Союза, провозгласившая курс на перестройку, к концу преобразований оказалась на обочине перемен, а после путча ГКЧП потерпела политический крах: ее деятельность на территории РСФСР была приостановлена, а затем запрещена. Дополнительную «интригу» этой проблеме добавляют события двух последовавших десятилетий в России, которые показали, что «Железный Феликс» (безусловно, важнейший символ коммунистической власти), так казалось легко свергнутый с гранитного и политического постаментов, не стал сугубо музейным экспонатом. Его дело продолжает жить и «на отдельных фронтах» побеждать. Об этом наглядно свидетельствует практика современного российского политического режима, во внутренней политике использующего многие технологии советской партийно-государственной машины, публичная риторика политической элиты и даже государственная символика и праздники.

Исследователи перестройки к настоящему времени практически исчерпали эвристические возможности традиционных методологических подходов. Теории революции элит¹, модернизации², демократического транзита³, кризиса индустриального общества⁴ объясняют лишь общие причины перехода от тоталитарного и мо-

¹ Пастухов В.Б. От номенклатуры к буржуазии: «новые русские» // Политические исследования. 1993. № 2. С. 49–56; Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51–65.

² Согрин В.В. Теоретические подходы к российской истории XX века // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 129; Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизаций и имперской эволюции // Отечественная история. 2000. № 5. С. 3–18.

³ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003.

⁴ История экономики СССР и России в конце XX века (1985–1999) / Под общ. ред. А.А. Клишаса. М., 2011. С. 7–16.

билизационного типа советского общества к демократическому и рыночному в конце XX века. Этих теорий недостаточно, чтобы препарировать логику изменений отдельных советских политических институтов и понять идейно-политические настроения представителей советского политического класса, их поведение и выбор социальных стратегий в условиях динамично менявшейся политической реальности.

В настоящей статье применены наработки теории социальной адаптации к анализу институциональной трансформации КПСС и политического поведения ее членов во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов. Выбор этого исследовательского ракурса не является случайным. Его преимущество заключается в том, что он дает возможность оценить процесс приспособления политической организации и ее членов к новым условиям и тем самым глубже понять ход, результаты и долгосрочные последствия преобразований.

Ранее исследователи не использовали теорию социальной адаптации для анализа политических процессов на завершающем этапе советской истории. Однако накоплен опыт в изучении социально-экономической адаптации этого периода. Особенно ценными являются результаты исследовательской программы «Советский человек», реализованной под руководством профессора Ю.А. Левады. В ее рамках был изучен широкий круг проблем, включавший социальную идентификацию, ориентацию и адаптацию населения России с 1989 г. по 2004 г.⁵ Один из важных выводов, который был сделан по итогам социологических исследований, заключается в том, что в условиях снижения и утраты стабильности социальных регуляторов страдают «все», но в разной мере. Труднее всего приходится активным общественным группам, которые пытаются играть «на повышение» (или на сохранение) собственного статуса, т.е. элите, имеющей или стремящейся получить доступ к верхним этажам общественной иерархии⁶. Этот вывод выделяет то эмпирическое наблюдение, что кризис в годы

⁵ Левада Ю.А. Координаты человека. К итогам изучения «человека советского» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 1 (51). С. 7–15.

⁶ Там же. С. 14.

перестройки разворачивался преимущественно на «околовластных этажах», подтверждая актуальность изучения трансформации коммунистической партии.

Исследование политической адаптации КПСС в период перестройки невозможно без первоначального выяснения институциональной и идеологической предрасположенности организации к изменениям, а также готовности ее членов к принятию новых политических норм и практик. В начале 1985 г. КПСС являлась самой влиятельной политической партией мира. Более 60 лет она обладала монопольным правом на политическую власть в Советском Союзе. Жестко централизованная, построенная по территориально-производственному принципу сеть партийных организаций объединяла 18,7 млн человек, что позволяло партии определять не только внешнюю и внутреннюю политику государства, но и контролировать все государственные и общественные организации, а также ключевые предприятия и учреждения. КПСС имела мощный бюрократический аппарат, предназначенный как для ведения внутривнутрипартийных дел, так и для реализации функций общегосударственного руководства и управления. Исполнение этих функций выражалось в том, что крайкомы, обкомы, горкомы и райкомы КПСС часто выступали в роли последней инстанции при решении конкретных хозяйственных и социально-бытовых вопросов. Столь широкие права и полномочия определялись Программой и Уставом партии, диктовавшими подчинение всего общества целям коммунистического строительства. Более того, в Программе партии содержался тезис о том, что в «период развернутого строительства коммунизма роль партии как руководящей и направляющей силы советского общества возрастает», что не было пустыми словами. В 1977 г. «руководящая роль» КПСС в политической системе была закреплена в 6-й статье Конституции СССР, обретая тем самым высшую юридическую силу.

Идеология и институциональные свойства партии свидетельствуют о том, что она обладала большим потенциалом для наращивания политического влияния, тогда как возможности по уменьшению ее полномочий были ограничены. Колоссальный объем власти, которым обладала партия, мог быть «секвестрирован» только по ее собственной инициативе. Курс на снижение политической роли КПСС требовал внесения принципиальных изме-

нений не только в ключевые партийные документы, но и в Конституцию, являвшуюся Основным законом страны. Подобная политическая реформа не могла быть проведена без глубокого идеологического обоснования и интенсивного агитационно-пропагандистского обеспечения. «Уход» партии от прежних управленческих функций требовал формирования органов государственной власти на новых принципах, разработки и принятия законов, регулирующих взаимоотношения союзного центра, национальных республик и местных органов власти. Для решения этих непростых задач требовалась большая политическая воля и серьезный стимул.

Не менее важным вопросом являются готовность и способность партийной массы к политическим изменениям. Подавляющее большинство членов КПСС, воспитанных в духе беспрекословного одобрения и подчинения решениям центральных партийных органов, отличалось управляемостью и дисциплинированностью. Это политическое качество было особенно «выгодно» руководству КПСС при проведении преобразований, так как практически исключало угрозу появления сильной внутрипартийной оппозиции.

Дисциплинированность дополнялась еще одной «родовой» особенностью политической культуры коммунистов — «политической гибкостью». На протяжении своей истории партия пережила несколько глубоких кризисов, сопровождавшихся существенной деформацией идеологии, свержением политических кумиров и сменой политического курса. Неумение приспособиться к этим резким изменениям нередко угрожало физическому существованию членов партии, поэтому у них выработалась способность к быстрой перемене политической позиции и мимикрированию. Например, после XX съезда КПСС коммунисты с поразительной скоростью стали отказываться от своего недавнего политического кумира И. В. Сталина и поддерживали шаги по демократизации общественной жизни, а затем в 1957 г., когда ЦК КПСС жестко регламентировал курс на десталинизацию, вновь стали активно бороться с «антисоветскими вылазками»⁷. Столь реактивная приспособ-

⁷ Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964). Кемерово, 2005. С. 163–165.

ляемость партийной массы также благоприятствовала усвоению очередного политического курса, на этот раз на перестройку.

Другим фактором предрасположенности к политическим изменениям являлась возрастная структура членов КПСС. Политическая социализация почти двух третей из них прошла в годы правления Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева. Многие коммунисты получили политический опыт на фоне десталинизации, развернувшейся после XX съезда партии. По сути это было первое «непуганое» поколение: они не пережили атмосферу репрессий, были внутренне свободнее и в большинстве своем образованнее, чем их предшественники. В хрущевское время политическое разномыслие постепенно стало укореняться в советском обществе. Свою роль сыграла и большая открытость СССР в послесталинский период. У граждан появились возможности шире познакомиться с экономическим и социальным укладом других стран. Все это делало коммунистов и особенно «молодую» часть партийной элиты 1980-х годов подготовленными к отходу от прежней политической доктрины.

Воспоминания партийных работников свидетельствуют о том, что, кроме того, в первой половине 1980-х годов у коммунистов развивалось латентное политическое недовольство, вызванное геронтократическим характером партийной элиты, нерешенностью многих социальных проблем и несоответствием важнейших положений идеологической доктрины партии социально-экономическим и политическим реалиям⁸. Вряд ли мироощущение интеллигенции тех лет, выраженное в известной фразе «так жить нельзя», широко проникло в умы представителей «политического авангарда». Тем не менее в партии перемен ждали, что должно было обеспечить поддержку преобразованиям, по крайней мере на их начальном этапе.

В то же время «реформаторский потенциал» членов КПСС не стоит переоценивать. Желание перемен «не отменяло» фундаментальных особенностей их политической культуры, которые пре-

⁸ *Котляров М.В.* Идеино-политические процессы в организациях КПСС Западной Сибири в период перестройки (1985–1991 гг.) // *Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. научных статей. Вып. 3 / Науч. ред. В.И. Шишкин.* Новосибирск: Параллель, 2012. С. 219–220.

пятствовали существенной трансформации режима. Высокий уровень дисциплинированности коммунистов мог обеспечить проведение преобразований, но и блокировал проявление активной инициативы «снизу», без которой невозможно приспособить функционирование политической структуры к новым условиям, особенно в случае, если они потребуют реальной борьбы за власть, а не только «претворения решений партии в жизнь» в условиях политической монополии.

Еще одной оборотной стороной политической дисциплины был конформизм. Академия общественных наук при ЦК КПСС в 1981 г. провела исследование состояния критики в парторганизациях на основе анализа замечаний, высказанных делегатами краевых и областных партийных конференций. Результаты проделанной работы показали, что «по-прежнему» преобладала критика «сверху» (около 80 %), проявлений критики «снизу» было крайне мало (10–12 %). При этом критика «снизу» в большинстве случаев носила общий и безадресный характер (83,8 %). Многие критические замечания высказывались коммунистами в форме просьб и пожеланий (около 50 %). Кроме того, большая часть (около 70 %) замечаний и предложений была адресована хозяйственным руководителям⁹. В массе своей даже члены партийных комитетов свыклись с ролью безмолвных плательщиков партийных взносов, что было еще одним препятствием для активного включения членов партии в реализацию реформ.

На протяжении десятилетий партия «выпестовала» у своих членов не только дисциплинированность и политический конформизм, но и демонстративную враждебность к остальному, в первую очередь, западному миру. Причем враждебность проявлялась практически во всем: в неприятии культуры, социальных отношений и тем более — политического устройства. Глубокое недоверие к «чужому» не могло не затруднить усвоение новых норм и практик.

В политической культуре коммунистов отсутствовала традиция политического диалога и компромисса. КПСС не имела практики ведения полемических дискуссий на партийных собраниях, пленумах и конференциях, равно как и отношения к политике как

⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 84. Д. 84. Л. 19–26.

«искусству возможного». В коммунистической традиции укоренились противоположные максимы: «нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять большевики», ставка на насилие и подавление инакомыслия. Эти качества напрямую препятствовали формированию демократических «правил игры», в основе которых лежит признание разнообразия общественных интересов и выстраивания механизмов их согласования.

Серьезной преградой для глубокой реформы партии был технократический характер партийной номенклатуры. В середине 1980-х годов в КПСС на руководящих должностях преобладали специалисты промышленного производства, транспорта, связи, строительства и сельского хозяйства¹⁰. Секретари партийных комитетов по большей части являлись выходцами из производственно-хозяйственных структур, и на партийном посту занимались главным образом решением хозяйственных задач. Они имели низкий уровень гуманитарных знаний. Вопросы идеологии, политического устройства государства, культуры и нравственности, которые неизбежно должны были актуализироваться при проведении политической реформы, для них не являлись ценностью. Руководящие партийные работники тех лет не скрывали своего предпочтения к «настоящему делу» и враждебно относились к «болтовне».

Дополнительным условием для формирования негативных управленческих установок являлся возраст секретарей партийных комитетов. Подавляющее большинство первых секретарей крайкомов и обкомов в середине 1980-х годов были предпенсионного и пенсионного возраста, примерно половина первых секретарей горкомов и райкомов находилась в возрасте около пятидесяти лет. Это значит, что они теряли возможность для карьерного роста и нацеливались на сохранение стабильности своего положения, поскольку уход с должности означал для них лишение существенных привилегий и утрату высокого социального статуса¹¹.

Описанные качества КПСС позволяют сделать промежуточный вывод о том, что она обладала слабым адаптивным потенциа-

¹⁰ *Котляров М.В.* Партийная номенклатура Западной Сибири в период перестройки // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск, 2011. № 2. С. 67–71.

¹¹ Там же. С. 72.

лом. Главной «ахиллесовой пятой» партии были ее институциональные свойства. К 1980-м годам КПСС превратилась в партию государственного типа с мощной бюрократической, жестко централизованной и иерархичной структурой, которая не могла гибко реагировать на общественные настроения и соответственно изменять механизмы своей работы. Несмотря на то, что у молодой, образованной части членов КПСС назрело понимание необходимости перемен, их реализация неизбежно должна была натолкнуться на ограничения коммунистической идеологии и политической культуры, в которой укоренились антидемократичность, конформизм, технократизм и глубокое недоверие к чуждым политическим и социальным нормам.

Избрание на пост Генерального секретаря ЦК КПСС энергичного М. С. Горбачева и решения Апрельского пленума ЦК КПСС 1985 г., на котором был провозглашен курс на ускорение, коммунисты восприняли позитивно. Первые меры нового руководителя партии были направлены на резкое наращивание инвестиций в машиностроение, решение назревших социальных проблем и «наведение порядка». Эти инициативы, организованные в форме традиционной политической кампании, отвечали ожиданиям членов партии и были адекватны их политической культуре. КПСС, как и прежде, выступала в роли главного «вдохновителя» и «организатора» нового экономического «рывка», что подкреплялось активизацией кадровой политики, выразившейся в увеличении штатов аппарата местных партийных комитетов при одновременном усилении мер, направленных на повышение дисциплины и ответственности кадров¹².

Однако после XXVII съезда, прошедшего 25 февраля — 6 марта 1986 г., на котором была поставлена задача не только ускорения социально-экономического развития, но и перестройки форм и методов работы партии, стала проявляться ограниченность адаптивного потенциала КПСС. Призывы центральной партийной печати «начать перестройку с себя», «работать по-новому» обсуждались на собраниях первичных партийных организаций, пленумах пар-

¹² Котляров М.В. Кадровая политика КПСС в партийных организациях Западной Сибири в период перестройки // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск, 2009. № 2. С. 105–108.

тийных комитетов, но не вели к серьезным изменениям в их деятельности. Характерным проявлением реакции на эти требования стали обращения к работникам ЦК КПСС со стороны местного партийного актива разработать подробную «инструкцию по перестройке»¹³. Секретари партийных комитетов «осторожничали», так как требования о проявлении личной инициативы шли в разрез со сложившейся традицией. Политический курс столкнулся с бюрократической инерцией, которая обуславливалась жестко централизованным и иерархичным принципом построения КПСС.

М.С. Горбачев довольно быстро осознал проблему и решился на слом «механизма торможения». Он видел решение не только в изменении организационно-партийной работы, а гораздо шире – в сфере идеологии и принципов формирования партийных органов. Генеральный секретарь ЦК КПСС склонился к мнению своих помощников, которые считали, что «к «деформации социализма» привела политика И.В. Сталина, создавшего жесткую авторитарную систему»¹⁴. Со второй половины 1986 г. данная мысль постепенно стала стержневой в идеологии перестройки, определив поворот политического курса в сторону десталинизации и демократизации.

Изменение политики осуществлялось в нескольких направлениях. С начала 1987 г. началась подготовка общественного мнения: в печати постепенно разворачивалось обсуждение различных социально-экономических проблем, трагических фактов истории сталинской эпохи. Слова о причастности И.В. Сталина к массовым репрессиям произнес лично М.С. Горбачев в докладе, посвященном 70-летию Октябрьской социалистической революции. Затем по предложению Генерального секретаря ЦК КПСС, озвученному на Январском пленуме ЦК КПСС 1987 г., был изменен принцип формирования партийных органов, внедрена норма о выборах на альтернативной основе секретарей партийных комитетов. Через год высшее партийное руководство продемонстрировало, что не будет останавливаться на полумерах, а намерено провести полноценную политическую реформу. С февраля 1988 г.

¹³ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 5765. Л. 166–167.

¹⁴ *Полынов М.Ф.* Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940 — первая половина 1980-х гг. СПб., 2010. С. 326.

началась подготовка к XIX Всесоюзной партийной конференции, которая должна была выработать и закрепить в своих резолюциях направления глубоких изменений политической и экономической системы СССР.

Предпринятые в течение 1987 г. политические шаги руководства партии рядовые коммунисты воспринимали с энтузиазмом, а руководство партийных комитетов — с настороженностью. Члены партии постепенно убеждались, что ЦК стремится к реальным изменениям, а партийные функционеры осознали, что им теперь придется не только руководить перестройкой экономики, но и проводить изменения в собственной политической практике, что усложняло их положение. Противоречивость процесса адаптации парторганизаций к новым условиям наглядно иллюстрирует внедрение нормы об альтернативных выборах секретарей партийных комитетов. Выборы из нескольких кандидатов стали проводиться практически сразу же после Январского пленума ЦК КПСС 1987 г., но они не стали откликом на запрос местных парторганизаций, а были личной инициативой первых секретарей крайкомов и обкомов. Первые альтернативные выборы секретарей проводились только на уровне райкомов и горкомов. Выборы жестко контролировались вышестоящим партийным аппаратом: кандидаты тщательно подбирались, мнения, высказанные о них на пленумах, фиксировались, исключалась возможность голосования «против всех» кандидатов. Тем самым партийная номенклатура скорее получила новую форму поддержания своего статуса, а не обрела дополнительные каналы связи с партийным активом и «настоящее» доверие. Несмотря на паллиативный характер выборов, их проведение повлияло на жизнь партийных организаций. На пленумах заметно вырос градус критики, постепенно стала изживаться традиция келейности, формализма при организации форумов, что оценивалось членами КПСС положительно.

С 1988 года для партии начались серьезные испытания. XIX Всесоюзная партийная конференция (28 июня — 1 июля 1988 г.) приняла решение о наделении советов всей полнотой законодательных, управленческих и контрольных функций при одновременном сокращении «административно-командных» полномочий партийного аппарата. Вновь воспетый лозунг «Вся власть сове-

там!» стал катализатором процесса политического самоопределения общества. Люди начали осознавать, что КПСС будет терять прежнюю роль в политической системе. О том, что это были не просто политические декларации, свидетельствовала менявшаяся общественно-политическая атмосфера. Ширился спектр общественно-политических тем, обсуждаемых в СМИ, тон их публикаций становился все более критическим. С каждым месяцем смелее себя вели различные политизированные неформальные организации, на мероприятиях которых нередко звучали «антисоветские» высказывания. К тому же в 1988 г. население почувствовало ухудшение со снабжением продуктов и товаров первой необходимости, что оказывало большое влияние на отношение к проводимому КПСС политическому курсу. В 1985–1986 гг. партия взяла на себя большие социальные обязательства, повысив позитивные ожидания общества. Однако по прошествии трех лет перестройки многие из них так и не начали выполняться. Кредит доверия партийной власти стал уменьшаться. Таким образом, курс на политическую реформу на фоне признаков ухудшения экономического положения требовал не только «настоящих» изменений в практике партийной работы, но и поставил перед членами партии проблему реального политического выбора, которой прежде просто не существовало. С этого времени начинается «расщепление» социально-политических стратегий членов КПСС.

Для профессиональных партийных работников настали непростые времена. Со второй половины 1988 г. важнейшим направлением политической реформы стала, по сути, ликвидация «внутренней партии»: сокращение численности, полномочий и привилегий партаппарата, поскольку их сохранение могло свести на нет курс на повышение политической роли советов. Процесс шел медленно и противоричиво. М. С. Горбачев лавировал, оставив партийной номенклатуре «окно возможностей» для сохранения высокого политического статуса. В резолюциях XIX Всесоюзной партийной конференции содержалась рекомендация выдвигать на должности председателей советов, как правило, первых секретарей партийных комитетов соответствующего уровня при условии избрания их депутатами этих органов. Прежде, когда советы не имели всей полноты самостоятельности и полномочий,

первые секретари партийных комитетов, как правило, были членами их исполкомов. Эта рекомендация была воспринята как уступка номенклатуре, но она решала и другую важную для всей партии задачу: проверку руководящих партийных кадров на «народное доверие» путем участия в выборах и, тем самым, служила цели укрепления легитимности режима.

Политическое положение секретарей партийных комитетов дополнительно осложняли решения высших партийных форумов, которые стимулировали критику аппарата со стороны членов партийных комитетов. С 1987 г. руководящих партийных работников на пленумах стали критиковать за грубость, игнорирование альтернативных мнений. После XIX Всесоюзной конференции группы влиятельных коммунистов стали предпринимать попытки смещения руководителей как на районном, так и на региональном уровне¹⁵. Одновременно на руководящих партийных работников «давила» пресса, которая «требовала» от них демократического стиля работы, отказа от административно-командных методов и подмены советов.

Сложность положения номенклатуры в 1988–1989 гг. заключалась в том, что она не могла просто устраниться от «руководящей и направляющей» политической роли. ЦК партии не снимал ответственности с местных партийных комитетов за выполнение народно-хозяйственных планов и общую социально-экономическую обстановку, которая ухудшалась. Подавляющее большинство партийных функционеров оставались верными аппаратной дисциплине и не собирались «отдавать власть». Тем более кадровая и материально-техническая слабость местных советов действительно не позволяла партийным комитетам быстро отказаться от прежних полномочий. Поэтому дальнейший успех политической реформы во многом зависел от повышения роли органов государственной власти.

Альтернативные выборы народных депутатов СССР весной 1989 г., а через год – народных депутатов РСФСР и местных советов, а также изменение под давлением гражданских протестов в Москве 6 статьи Конституции СССР в марте 1990 г. сыграли принципиальную роль. Они резко повысили политический автори-

¹⁵ *Сорокин В.В.* Гибель громады. Барнаул, 2005. С. 241–245.

тет прежде бесправных советов, тогда как роль партийных комитетов начала быстро снижаться.

Уникальность выборов 1989–1990 гг. была не только в том, что на них допускалась реальная альтернатива, но и в том, что 85% кандидатов были членами КПСС, и, таким образом, члены одной партии конкурировали между собой. Конкуренция была отнюдь не формальной. Борясь за голоса избирателей, кандидаты вынуждены были обозначить свои позиции по отношению к основным проблемам общественно-политического и экономического развития. Как результат, в ходе подготовки и проведения выборов в партии оформились течения радикально-реформистского, центристского и консервативного толка, которые в дальнейшем структурировались на съездах народных депутатов СССР и РСФСР¹⁶. Выборы привели к нарастанию внутрипартийной конфликтности и слому традиции политического конформизма. С этого времени количество «несогласных» и «бунтарей» внутри КПСС стало стремительно увеличиваться, о чем хорошо свидетельствует ускорившийся процесс выхода из партии¹⁷.

Руководящие партийные кадры не желали терять позиций. Большинство из них нацелилось на продолжение карьеры в органах государственной власти. Важнейшим условием для сохранения высокого статуса стала победа на выборах народных депутатов и завоевание авторитета в депутатском корпусе. Биография опального Б. Н. Ельцина хорошо показывает, какую политическую роль стали играть электоральные процессы. Выборы народных депутатов СССР дали ему возможность вновь «прорваться» на политический Олимп. Выборы открыли возможность для политической карьеры целому ряду общественно активных, но не статусных коммунистов. Практически в каждом регионе появились фигуры, которым удалось, несмотря на сопротивление партийных органов, стать депутатами.

¹⁶ Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволуция. М., 2012. С. 266–275.

¹⁷ Котляров М.В. Динамика численности и состава организаций КПСС в Западной Сибири в период перестройки (1985–1991 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. науч. статей / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. С. 272–273.

Получение депутатского мандата для одних партийных руководителей стало новым карьерным успехом, тогда как для других — неопреодолимым препятствием. На первых альтернативных выборах в СССР потерпели поражение 33 первых секретаря и 31 секретарь крайкомов и обкомов — почти треть кандидатов этого ранга. Из шестерых партийных и советских руководителей, выдвинувших свои кандидатуры на выборах в Москве, прошел только Б. Н. Ельцин, который использовал по сути оппозиционную риторику. В Ленинграде не прошли все пятеро кандидатов, имевших высокий партийно-государственный статус. В Эстонии и Латвии проиграла выборы почти половина советских и партийных руководителей¹⁸.

Причиной поражений руководящих партийных работников была не столько их низкая популярность среди населения, сколько пренебрежительное отношение к организации своих избирательных кампаний, которые копировали худшие традиции прошлых лет. В период избирательной кампании часть секретарей сосредоточились на выполнении своих должностных обязанностей, не понимая, что в новых условиях главный залог их «политического выживания» — это победа на альтернативных выборах, перевоплощение из «номенклатуры» в «народных избранников».

Серьезным психологическим барьером стала ориентация руководящих партийных работников на решение хозяйственных задач. Многим из них не хватало знаний гуманитарных дисциплин, навыков и умения вести полемику, произносить публичные речи. Поэтому они проигрывали менее опытным, но внешне и вербально более ярким претендентам на депутатские мандаты. Для большинства секретарей поражение на выборах означало скорый конец партийной карьеры, так как коммунисты стали отказывать им в доверии при избрании на пост руководителя партийной организации. Таким образом, заложенная в выборах идея фильтра «сработала». Те кто, не смог адаптироваться к требованиям состязательной демократии, выбыл из политической элиты.

¹⁸ Шубин А.В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М., 2005. С. 329.

Сформированный в течение 1989–1990 гг. путем альтернативных выборов депутатский корпус в союзных, республиканских, краевых, областных, городских и районных советах по-прежнему формально представлял собой «нерушимый блок коммунистов и беспартийных». Так, в числе народных депутатов СССР было 78% членов КПСС, среди депутатов РСФСР — 76%, в краевых и областных советах — около 85%, в городских и районных советах — 75%. Однако получение мандата сильно повлияло на политические позиции депутатов-коммунистов. Большинство из них стремилось дистанцироваться от партии. Наиболее активные фигуры принялись налаживать сотрудничество с представителями оппозиции, «забыв» о своей партийной организации. Большинство депутатов-коммунистов отказывались вступать в партийные группы (фракции), предпочитая действовать самостоятельно. Тем не менее, лишь немногие из них по примеру Б.Н. Ельцина, который на XXVIII съезде заявил, что выходит из партии, решило покинуть ряды КПСС. Подавляющее большинство депутатов-коммунистов выбрало позицию двойной лояльности. Формально не разрывая связи с партией, они фактически ориентировались на общественные настроения, которые стремительно «заряжались» оппозиционностью.

С точки зрения политической целесообразности, дистанцируясь от партии, они действовали верно. Однако такое поведение не было для них простым поступком. Даже для Б.Н. Ельцина, который не отличался сентиментальностью и хорошо понимал, что для него выход из КПСС выгоден, разрыв с КПСС был тяжелым решением. «Он самым глубоким образом переживал то, что предстоит ему сделать. То есть он был растерян, потерян. Он, не скрывая, говорил: „Но это же то, что меня вырастило!“». То есть партия. Он как бы молоком ее вскормлен был, как ребенок материнской грудью. И невероятно тяжело было осмотреть, как он реально мучается», — вспоминал соратник первого президента России Г. Э. Бурбулис¹⁹. Такие психологические барьеры хорошо объясняют, почему вышедших из КПСС на уровне политической элиты было не много.

¹⁹ Революция Гайдара: История реформ 90-х из первых рук / Петр Авен, Альфред Кох. М., 2013. С. 49.

Секретари партийных комитетов, которые были избраны депутатами, как правило, баллотировались на должности председателей советов. В результате во второй половине 1990 г. произошла стремительная «миграция» опытных партийных работников в органы государственной власти, которые после изменения политико-юридического статуса КПСС (изменение статьи 6 Конституции) и по мере продолжения курса на уменьшение полномочий и численности партаппарта, закрепленного решениями XXVIII съезда КПСС (2–13 июля 1990 г.), необратимо становились главными органами власти. В подавляющем большинстве случаев председателями советов стали первые секретари партийных комитетов, которые под нажимом демократических фракций депутатов оставляли партийный пост. Таким образом, партийной элите по большей части удалось сохранить высокий политический статус.

Борьба за сохранение высокого статуса была лишь одним из каналов политической адаптации партийной номенклатуры. Она сопровождалась глубоким изменением идейной атмосферы и информационного фона. Партийные работники, проявляя политическую гибкость, спокойно отнеслись к критике «застоя», в годы которого многие из них сделали свою карьеру. Однако процесс ревизии прошлого, когда в публицистике началось «проявление» многочисленных «белых пятен» истории коммунистической власти, вызвал их негативную реакцию. С трибун пленумов уже в середине 1988 г. стали звучать призывы к руководству партии о необходимости четко определить и официально закрепить оценки прошлого и исторические истины²⁰. В этой позиции ярко проявилось враждебное отношение коммунистов к альтернативному мнению и чуждым идеям.

Еще тяжелее партийные работники воспринимали критику своего особого статуса. «Перед каждым из нас стоят вопросы: ради чего ты жил, во что верил, не было ли все прожитое ошибкой. Основания для подобного более чем достаточно. Ярлыки типа: аппаратчики, чиновники, бюрократы, смакование на разные голоса каких-то льгот и привилегий, требование исключить из Конституции СССР положение о руководящей роли партии, не придают оп-

²⁰ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 6677. Л. 12.

тимизма, а наоборот — создают, как точно выразился один из ораторов на Апрельском пленуме ЦК, стойкое чувство дискомфорта», — такими словами передал свое состояние первый секретарь Змеиногорского горкома КПСС Алтайского края О. Л. Санин на совещании первых секретарей горкомов и райкомов края 2 июля 1989 года²¹. Однако эти жалобы не означали, что партийные работники стали переоценивать свои политические взгляды и опыт. Они свидетельствовали о нарастании недоверия к политике перестройки и ее инициаторам, что в полной мере проявилось в следующем году.

В 1990 г. в условиях стремительного ухудшения социально-экономического положения и становившегося все более очевидным провала перестройки возник вопрос об ответственных за ее «результаты». СМИ возлагали ответственность на «парт-аппарат». Однако в условиях гласности его представители не стали отмалчиваться, подозревая, что генеральный секретарь ЦК КПСС инспирировал нападки на них со стороны журналистов, решив сделать номенклатуру «козлом отпущения». После XXVIII съезда, на котором М.С. Горбачев не смог предложить для партии ясных целей и задач и четко определить ее место в обновленной политической системе, руководящие партийные работники начали открыто заявлять о недоверии «Генсеку», обвиняя его в том, что он ведет СССР к развалу. Нараставшее в номенклатуре недовольство в итоге вылилось в требование отставки М.С. Горбачева с поста генерального секретаря ЦК КПСС на объединенном пленуме ЦК и ЦКК КПСС 24 апреля 1991 г. Однако «партийные генералы» так и не решились его «додавить». Среди них не нашлось личности, готовой взять на себя ответственность за судьбу партии и «сформировать» полноценную внутривнутрипартийную фронду. Секретари крайкомов и обкомов, умевшие командовать на вверенной территории, не смогли выдвинуть ни альтернативной политической программы, ни собственного лидера, и поэтому они оказались бессильны.

В кризисные эпохи всегда существуют группы «проигравших» и «выигравших». Выигрывают те, чьи социо-культурные и профессиональные качества больше соответствуют запросам времени.

²¹ ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 151. Д. 29. Л. 26.

Если для руководящих партийных работников перестройка стала серьезным испытанием, которое не все смогли преодолеть, то для «партийной интеллигенции» появился реальный шанс проявить себя и повысить свой общественный статус.

До начала политических преобразований роль научных сотрудников, преподавателей вузов, публицистов и журналистов в КПСС была незначительной. Они в основном привлекались для реализации агитационно-пропагандистских мероприятий, которые не являлись приоритетным направлением партийной работы. Экспертное обеспечение принятия политических решений имело место только на уровне ЦК. В местных партийных организациях такой практики не было, так как в краях и областях требовалось четкое выполнение поставленных партийным руководством задач, а не их «обсуждение».

В условиях начавшихся реформ востребованность интеллигенции властью заметно выросла. Партийному руководству на этот раз оказались нужны не просто пропагандисты и агитаторы, а люди, способные ответить на вопросы о том, «что происходит» и «куда мы идем». В первую очередь начала расти общественная роль СМИ как института, способного максимально быстро реагировать на изменения общественных настроений и давать быструю оценку происходившим событиям. На общесоюзном уровне редакторы таких изданий, как «Огонек» (В.А. Коротич) и «Московские новости» (Е.В. Яковлев), стали играть одну из ключевых ролей в определении общественных настроений.

В 1987–1988 гг. в условиях разорачивавшейся гласности к легальной публицистической деятельности «прорвались» сотрудники научных институтов и преподаватели вузов. Особенно востребованными у СМИ стали представители гуманитарных и общественных наук: историки, экономисты, социологи, юристы. Они включились в процесс переоценки прошлого партии, сущности созданного в СССР строя и его перспектив. Поскольку советское общество носило идеократический характер, публикации обществоведов стали важнейшим элементом политического

процесса. Их дискуссиями пытался дирижировать аппарат ЦК КПСС, а общественность за ними внимательно следила²².

С началом большого избирательного цикла весной 1989 г. многие научные сотрудники и преподаватели вузов, являвшиеся членами партии, решили участвовать в альтернативных выборах. Новые принципы организации электорального процесса — альтернативность и гласность — способствовали участию в них интеллигенции. Ее представители в отличие от других групп советского общества обладали необходимыми для конкурентной избирательной кампании навыками: умением внятно говорить, убеждать, вести полемику, писать программы. Наконец, положительные эмоции у избирателей, уставших от номенклатурных типажей, вызывали умные, интеллигентные лица кандидатов и докторов наук.

Благодаря выборам народных депутатов СССР и РСФСР, целой плеяде партийных интеллектуалов удалось как никогда приблизиться к рычагам реальной власти и завоевать народное доверие. Имена Л.И. Абалкина, Ю.Н. Афанасьева, Г.Э. Бурбулиса, Е.Т. Гайдара, Г.Х. Попова, С.Б. Станкевича, Г.А. Явлинского и многих других научных сотрудников и преподавателей вузов, состоявших в КПСС, стали олицетворением эпохи реформ.

Особняком стоит фигура доктора юридических наук, профессора А.А. Собчака, политическая карьера которого хорошо отражает взаимоотношения интеллигенции и партии в переломную эпоху. А.А. Собчак вступил в КПСС в 1988 г. после XIX Всесоюзной партийной конференции и начала активного процесса вывода войск из Афганистана, убедившись, что в СССР начались реальные преобразования и главным двигателем их является КПСС, положение которой казалось ему в то время «незыблемым». Однако идеологию партии он не разделял; ему были ближе либерально-демократические взгляды. Но А.А. Собчак надеялся, что «партийным демократам» удастся преобразовать КПСС в партию парламентского типа. В 1990 г. все больше коммунистов стали переходить на позицию жесткой критики реформ. Непосредственным толчком к выходу А.А. Собчака из КПСС

²² Шубин А.В. Парадоксы перестройки... С. 106–118, 178–189; История экономики СССР и России в конце XX века... С. 23–32.

послужило игнорирование идей «Демократической платформы в КПСС» подавляющим большинством делегатов XXVIII съезда КПСС и выход из партии Б.Н. Ельцина. Эти события показали, что «демократическому крылу» членов КПСС нет смысла оставаться в партии. Как и Б.Н. Ельцин, А.А. Собчак мотивировал свой выход из партии не идеологическими причинами, а тем, что, став председателем коллегиального органа государственной власти (Ленинградского городского совета народных депутатов), он хочет избежать обвинений в предвзятости, и поэтому не может оставаться членом какой-либо политической партии²³.

Поступок А.А. Собчака может создать иллюзию, что выход из партии стал трендом среди представителей интеллектуального труда. Однако анализ состава вышедших из КПСС показывает, что интеллигенция не стремилась активно покидать партийные ряды. Это было обусловлено высокой степенью ее зависимости от политической власти. Боязнь негативных последствий от неправильно сделанного политического выбора в среде интеллигенции была очень сильной. Тем более, что вплоть до приостановки деятельности КПСС на территории РСФСР 23 августа 1991 г. было не ясно, как будет развиваться политическая ситуация²⁴. На открытый разрыв с партией, по сути, пошли только те представители интеллигенции, кто решил делать политическую карьеру на волне роста оппозиционных коммунистической власти настроений.

Анализ динамики численности и состава КПСС в Западной Сибири и на Южном Урале показал, что партию покидали преимущественно представители такой социальной группы, как рабочие, а среди возрастных — молодежь²⁵. Например, в партийных организациях Западной Сибири в 1991 г. по сравнению с 1985 г. численность

²³ Собчак А.А. Хожение во власть. Рассказ о рождении парламента. М., 1991; Вишневский Б.Л. К демократии и обратно. Смоленск, 2004. С. 248.

²⁴ Котляров М.В. Динамика численности и состава организаций КПСС в Западной Сибири в период перестройки (1985 — первая половина 1991 г.). С. 280–282.

²⁵ Иванов В.Н. КПСС и власть: Департизация органов государственной власти и управления на Южном Урале. Челябинск, 1999. С. 89–92; Котляров М.В. Динамика численности и состава организаций КПСС в Западной Сибири... С. 257–283;

коммунистов-рабочих уменьшилась с 268,8 тыс. чел. до 150,0 тыс. чел. (на 44,2 %), тогда как количество «партийной интеллигенции» (медицинских работников, преподавателей вузов, научных сотрудников, работников искусства, литературы и печати) сократилось всего с 63,4 тыс. чел. до 55,8 тыс. чел. (на 12,0 %). Столь существенное сокращение количества рабочих в значительной степени отражало их политические настроения и адаптивные возможности. Экономические проблемы в первую очередь сказались на рабочих. Реформы, реализованные руководством СССР, фактически ничего не дали этой социальной группе. Рабочие значительно меньше служащих были зависимы от политического режима, поэтому могли свободнее и решительнее выражать свою позицию. Многих рабочих удерживал в партии политический конформизм, так как их принимали в партию «по разнарядке», и поэтому, когда КПСС начала утрачивать контроль над политическими процессами, они вышли из партии. Немаловажную роль сыграл фактор концентрации рабочих в больших трудовых коллективах и высокий уровень их социальной солидарности. Выход из партии одного или нескольких рабочих часто провоцировал на это большое количество их товарищей.

В Западной Сибири удельный вес членов КПСС до 30 лет к началу 1991 г. по сравнению с 1985 г. уменьшился в два раза. Причем самая большая разница наблюдалась по младшим возрастным категориям: от 18 до 20 лет включительно — в 10 раз и от 21 до 25 лет — в 3,7 раза. В начале 1991 г. коммунистов зрелого возраста от 31 до 60 лет насчитывалось в составе парторганизаций 380,2 тыс. чел. (63,6 %). За годы перестройки удельный вес этой группы в парторганизациях практически не изменился. Количество пожилых людей (старше 60 лет) в начале 1991 г. составляло 160,0 тыс. чел. Доля этой категории выросла на 11,0 %, достигнув 26,8 %.

Сокращение удельного веса молодежи объясняется тем, что она по сравнению с другими возрастными категориями стремительнее покидала коммунистические ряды. Молодежь всегда радикальнее выражает свою политическую позицию в условиях социально-политической нестабильности. Проявлением этого в конце 1980-х — начале 1990-х годов как раз являлся демонстративный выход из КПСС. Одновременно молодежи свойственен быстрый отказ от идейно-политических ценностей старших поколений и недооценка значения их политического опыта. Сомнения в правильности социа-

листического пути развития и негативное отношение к КПСС как основному «виновнику» кризиса в молодежной среде были сильнее, чем у коммунистов старших поколений. Наряду с социально-психологическими причинами значительную роль сыграл институциональный фактор — кризис организаций ВЛКСМ, который начался гораздо раньше партийного. В 1990 г. местные комсомольские организации функционировали слабо, подготовка членов комсомольских организаций к вступлению в партию осуществлялась от случая к случаю.

Граждане, сохранившие партийные билеты, которых в 1991 г. оставалось еще около 15 млн человек, так или иначе стремились дистанцироваться от партии. Они не платили членские взносы, под разными предлогами избегали партийных собраний, которые собирались все реже и реже, игнорировали партийные поручения. В свою очередь позиция тех, кто продолжал посещать партийные мероприятия, была проникнута алармизмом, ощущением надвигающегося краха государственности. Атмосфера, царившая в парторганизациях, объясняет, почему в августе 1991 г. коммунисты заняли в основном выжидательную позицию в отношении ГКЧП. Партия к тому времени была сильно деморализована. Мобилизовать ее «боеспособные части» можно было только очень серьезными усилиями, которые требовали соответствующей подготовки. Однако в этом направлении никаких мер не предпринималось. Для подавляющего большинства руководящих партийных работников и рядовых членов КПСС, как и для общества в целом, создание ГКЧП стало неожиданным, породив растерянность, подавленность и страх перед угрозой вооруженного насилия. В результате Указ Президента РСФСР Б.Н. Ельцина о приостановке деятельности организаций КПСС на территории республики, опубликованный 23 августа 1991 г., большинство членов партии восприняло с пониманием и спокойно.

Обстановка, сложившаяся в парторганизациях к осени 1991 г., стала закономерным итогом реализации курса на демократизацию политической системы и либерализацию экономических отношений. Он категорически противоречил идеологической и институциональной сути «политического ядра» советского общества. КПСС могла «пережить» критику своего прошлого, десталинизацию и демократизацию кадровой политики, но со

времени объявления альтернативных выборов партия стала «рассыпаться». Члены КПСС начали реально конкурировать друг с другом, что неизбежно вело к открытому идейно-политическому размежеванию и крушению политической монополии. Получение депутатского мандата на альтернативных выборах изменило отношение к партийной дисциплине. «Народные избранники» стали ориентироваться на настроения избирателей, а не на указания первого секретаря партийного комитета.

В свою очередь сокращение полномочий и численности партийного аппарата заставило опытные партийные кадры перейти на работу в органы государственной власти. Несмотря на дискомфорт этого процесса, большая часть партийной элиты не утратила для себя самого главного — высокого социального и политического статуса, поэтому по большому счету не имела серьезных мотивов, чтобы бороться за сохранение «старого порядка». Ей было привычнее и легче снова политически мимикрировать. Рядовой партийной массе также удалось адаптироваться к новым реалиям. Она дистанцировалась от партийной деятельности, сосредоточившись на своих профессиональных делах и личных интересах.

Созданные условия для перемещения партийной элиты в органы государственной власти и «политическая гибкость» членов КПСС во многом обеспечила мирный характер переходного периода от тоталитарной политической системы к «августовской республике». Однако победа демократии «по форме» не стала победой демократии «по сути». В августе 1991 г. произошел крах КПСС, однако он не сопровождался отстранением от власти носителей ее политической культуры²⁶. Поразительная политическая гибкость, политический конформизм, враждебное отношение к демократическим принципам, худшие качества технократизма до сих пор остаются «визитными карточками» российского политического класса, обусловив возвращение в политическую жизнь России не только советских символов, но и практики политического управления.

²⁶ По данным сектора изучения элиты Института социологии РАН, к 1994 г. 75% политической и 61% бизнес-элиты составляли выходцы из партийной, советской, комсомольской и хозяйственной номенклатуры.

**КЕМЕРОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СОВЕТ ДЕПУТАТОВ
В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТОВ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ (1990–1993 гг.)**

Позднесоветский период функционирования политической системы в регионах России характеризуется невиданной активизацией публичной политики, формированием реального политического плюрализма и институционализацией представительной демократии. Выборы в советы народных депутатов краев и областей РСФСР весной 1990 г. отчетливо показали поляризацию политического выбора электората, резкое снижение доверия населения к функционерам КПСС.

Особый интерес в этом контексте представляет деятельность Кемеровского областного совета народных депутатов XXI созыва, который был крайне неоднородным как по социальному составу, так и по политическим предпочтениям. На фоне забастовочного движения марта — апреля 1990 г. состав органа представительной власти имел, как минимум, три крупные группировки: к первой можно было причислить коммунистов, вторая состояла из сторонников рабочих комитетов, в третью входили независимые депутаты. По политическим ориентациям депутаты-«рабочкомовцы» были близки к либералам и последовательно критиковали коммунистическую систему власти, что в настоящее время подтверждается большинством историков¹. Независимые депутаты при принятии решений ориентировались не на политическую, а на хозяйственную конъюнктуру, опираясь на свой производственный опыт. В основном к ним относились крупные руководители производства, которые могли солидаризироваться как с первой, так и со второй группировкой.

Следует заметить, что в отечественной историографии рассмотрение деятельности органа представительной власти как института публичной политики еще не стало актуальным. В публи-

¹ *Лопатин Л.Н.* Рабочее движение в Российской Федерации в 80–90-е годы (на примере Кузбасса). Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1999. С. 33–34; *Андреев В.П., Воронин Д.В.* Шахтеры и шахтерское движение в Кузбассе в 1989–1991 гг. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. С. 149.

кациях исследователей продолжает преобладать нормативно-юридический подход. К одним из наиболее обстоятельных к настоящему времени сочинений, в котором представлена оценка деятельности Кемеровского областного совета народных депутатов XXI созыва, является монография томского историка П.С. Шараева². Данный автор сосредоточил свое внимание на анализе структуры новых законодательных органов власти и их законотворчестве, оставив на периферии вопросы политической деятельности депутатского корпуса. Между тем, именно в 1990–1993 гг. региональные органы представительной власти прошли начальную школу публичной политики.

Правда, ряд историков рассматривает вопросы депутатской деятельности в контексте общественно-политической жизни Сибири. В их числе можно назвать С.В. Новикова, С.А. Величко, В.И. Козодоя, В.Н. Казьмина и некоторых других. Однако эти авторы не изучали Кемеровский областной совет народных депутатов XXI созыва как арену публичной политики. Этот аспект не нашел всестороннего отражения и в предшествующих публикациях автора данной статьи³.

Более подробно в историографии рассматривался вопрос о взаимоотношениях законодательной и исполнительной власти в Кузбассе. Кроме упомянутой монографии П.С. Шараева, эти проблемы анализировали историки Кузбасса. Так, взаимоотношения

² Шараев П.С. Законодательные органы государственной власти в субъектах РФ в 90-е годы XX века (на материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей). Томск: Изд-во «ТМЛ-Пресс»; Томский государственный университет, 2007. 208 с.

³ Депутатский корпус Кузбасса. 1943–2003: Биографический справочник. В 2-х т. Т. 1: А–Л / Автор-сост. А.Б. Коновалов. Кемерово: Кн. изд-во, 2002. 584 с.; Т. 2: М–Я / Автор-сост. А.Б. Коновалов. Кемерово: Кн. изд-во, 2003. 616 с.; Коновалов А.Б. Деятельность А.Г. Тулеева в период демонтажа однопартийной системы (1990–1991) // Кузбасс на рубеже веков: экономика, политика, культура. Сб. статей. Томск: Изд-во НТЛ, 2008. С. 135–144; Он же. Периодизация формирования и развития органов законодательной власти в Кемеровской области (1990–2000-е) // Представительная и законодательная власть: история и современность: материалы науч.-практ. конф. / Под общ. ред. С.В. Землюкова. Барнаул: ООО «Изд. дом Барнаул», 2010. С. 312–322.

областного совета и администрации Кемеровской области в 1991–1993 гг. частично были рассмотрены в статье М.В. Казьминой. Она пришла к выводу, что с лета 1992 г. начался новый этап во взаимоотношениях между администрацией области и советом народных депутатов — период согласия и взаимодействия, во многом обусловленный возраставшим авторитетом и популярностью народного депутата РСФСР А. Тулеева не только в Кузбассе, но и в России. По мнению М.В. Казьминой, «глава администрации М.Б. Кислюк и председатель областного совета А. Тулеев проявили себя как гибкие, прагматичные политики, проводя согласованную линию в отстаивании региональных интересов Кузбасса»⁴. Последняя оценка, впрочем, представляется конъюнктурной: во время написания статьи М.В. Казьминой главой администрации Кемеровской области являлся М.Б. Кислюк, которого в настоящее время никто из исследователей не оценивает как «гибкого и прагматичного политика».

Отчасти пробел в изучении вопроса о взаимоотношениях законодательной и исполнительной власти в Кузбассе можно объяснить состоянием источниковой базы. Во время подготовки П.С. Шараевым кандидатской диссертации у него отсутствовал доступ к стенограммам и протоколам всех семнадцати сессий областного совета XXI созыва, которые состоялись с мая 1990 по октябрь 1993 г. К этому источнику, ценность которого исключительно велика, пока не проявлен должный интерес. Следует заметить, что стенограммы включают в себя не только расшифровку выступлений и реплик депутатов. В документах представлены и ремарки, свидетельствующие об эмоциональном накале в зале. До настоящего времени эти документы не опубликованы. Отдельные стенограммы выступлений депутатов, опубликованные в сборниках, были извлечены из газет и личных архивов⁵.

⁴ Казьмина М.В. Местные органы власти Кузбасса во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов // Сибирь: XX век: Межвуз. сборник науч. трудов. Вып. 1. / Под ред. С.В. Макаруча. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 126–127.

⁵ См., например: Рабочее движение Кузбасса. Сб. документов и материалов. Апрель 1989 — март 1992. Кемерово: Современная отечественная книга, 1993. 664 с.; Общественная палата Кемеровской области: деся-

Стенограммы и протоколы сессий областного совета и его органов — президиума и малого совета — позволяют получить информацию как о соотношении политических сил в органе представительной власти, так и об уровне культуры дискуссий. Например, представители рабочих комитетов изначально избрали тактику бескомпромиссной борьбы с депутатами от КПСС. Избрание руководства областного совета стало первым серьезным испытанием расстановки депутатских сил. После того, как кандидатура председателя совета рабочих комитетов Кузбасса В.М. Голикова на пост заместителя председателя областного совета была отклонена, депутаты, стоявшие на платформе рабочих комитетов, осудили нежелание большинства совета к сотрудничеству, к коалиции, к диалогу и сделали заявление о том, что с этого времени они не будут входить в руководящие органы совета и исполкома⁶.

Следует заметить, что в начале деятельности областного совета значительная часть его депутатов поддерживала позицию рабочих комитетов. В конце июня 1990 г. облсовет в целом также склонялся к тому, чтобы поддержать шахтеров Кузбасса в их недоверии союзному правительству и признании законного права трудящихся области на свободное волеизъявление, вплоть до забастовки⁷. Такая позиция являлась результатом длительных согласований и уступок. Отчасти здесь проявилось мастерство председателя облсовета А. Тулеева, который стремился найти компромисс с представителями рабочего движения.

В условиях политической нестабильности А. Тулееву представлялось важным заручиться поддержкой значительного круга общественно-политических объединений. 12 ноября 1990 г. А. Тулеевым как председателем Кемеровского областного совета было подписано соглашение о сотрудничестве с партиями, общественными и общественно-политическими организациями Кемеровской области. Соглашением предусматривалось создать постоянно действующий консультативный совет при президиуме областного совета народных депутатов для выявления точек зрения и поиска

титетный опыт формирования гражданского общества / Сост. В.А. Лебедев. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 251 с.

⁶ Наша газета. 1990. 15 мая.

⁷ Рабочее движение Кузбасса... С. 313.

взаимоприемлемых решений. Представителям партий, общественных и общественно-политических организаций предоставлялась возможность участвовать в работе постоянных комиссий депутатских групп (фракций) областного совета с правом совещательного голоса, а также с правом внесения предложений и проектов решений на сессию областного совета⁸.

Однако подобные шаги не могли не затруднить принятие значимых решений. Стенограммы сессий показывают, насколько сложными и продолжительными были обсуждения по вопросам текущей хозяйственной жизни. Еще труднее было найти согласие относительно сфер распределения полномочий, об отношении к политике проводимых реформ, о бюджетных расходах. В рамках деятельности областного совета к концу 1990 г. вывелись две противоречившие друг другу тенденции: демократизации и централизации. Тенденция к постепенному свертыванию демократических начал берет свое начало со времени передачи полномочий председателя облисполкома председателю областного совета А. Тулееву. 26 декабря 1990 г. должность председателя облисполкома была упразднена⁹. Вплоть до августа 1991 г. А. Тулеев являлся единственным руководителем как исполнительной, так и представительной ветвей власти в Кузбассе.

Документы свидетельствуют, что депутаты достигали редкого консенсуса в тех вопросах, где имелось очевидное общественное одобрение. Так, 27 декабря 1990 г. сессия областного совета объявила 7 января 1991 г. нерабочим днем в Кемеровской области. 166 депутатов высказались за придание Рождеству статуса праздника¹⁰. По сути кузбасские депутаты этим решением создали прецедент, придав Рождеству особое положение.

Но с началом 1991 г. политическая фрагментация в областном совете усилилась. 22 февраля 1991 г. в печатном органе рабочих комитетов «Наша газета» было опубликовано обращение группы депутатов Кемеровского областного совета народных депутатов о создании «блока демократических сил». Как отмечалось в документе, «настало время остановить реакцию. Нужен широкий и

⁸ Общественная палата Кемеровской области... С. 12.

⁹ ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 1а. Д. 1662. Л. 10.

¹⁰ Там же. Л. 19.

прочный союз общественных сил, желающих видеть возрожденную Россию, занимающую достойное место в ряду других народов»¹¹. Около 60 депутатов областного совета 25 февраля 1991 г. провели организационное собрание и создали «Демократический блок»¹².

Сторонники «Демократического блока» зачастую на сессиях выступали с популистскими и необоснованными заявлениями. Так, озвучивались призывы к радикальному сокращению государственного аппарата и неукоснительному соблюдению принципов социального эгалитаризма. Вошедший в «Демблок» депутат Э.Н. Якшин предложил в феврале 1991 г. сократить на 20 % денежное содержание на аппарат и впоследствии ежегодно проводить сокращение в пределах 10 %, чтобы к концу работы созыва сократить аппарат на 40–50 %¹³. Он же озвучил еще одну абсурдную идею — ликвидировать все персональные автомобили, чтобы руководители ходили пешком или ездили на общественном транспорте. Это могло бы привести к повышению производительности труда в два — три раза: ведь, по его словам, в Великобритании персональные автомобили только у королевы Елизаветы и Маргарет Тэтчер, а производительность труда гораздо выше в сравнении с советскими показателями. Понимая необходимость учета мнения части депутатского корпуса, в феврале 1991 г. А. Тулеев выступил с предложением об объединении аппаратов президиума областного совета и облисполкома. Этим решением были ликвидированы 73 ставки специалистов, а их функции передавались управлению делами областного совета.

В начале марта 1991 г. социально-экономическая и политическая обстановка в Кузбассе резко обострилась. Совет рабочих комитетов Кузбасса решил призвать все трудовые коллективы Кузбасса поддержать бастующие предприятия Новокузнецка. В целях уменьшения негативных последствий совет рабочих комитетов предлагал российскому правительству создать на период забастовки комитет по поставке жизненно важной продукции для населения. Призыв к забастовке поддержали отдельные предприятия

¹¹ Наша газета. 1991. 22 февр.

¹² Рабочее движение Кузбасса..., С. 399.

¹³ ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 1а. Д. 1662. Л. 75.

угольных городов Кузбасса. Из 76 шахт отказались от работы лишь девять. В Березовском с 12 марта бастовала шахта «Первомайская», частично — «Бирюлинская». В Киселевске не работали шахты «Красный Кузбасс», «Киселевская», «Тайбинская», к которым присоединились шахты имени XXVI съезда КПСС и «Дальние горы». Продолжали работать предприятия Прокопьевска, Новокузнецка, Анжеро-Судженска. Отношение к забастовке шахтеров среди производственных коллективов других отраслей было крайне негативным. В областной совет народных депутатов (как, впрочем, и в Совет рабочих комитетов Кузбасса) направлялись телеграммы с требованием прекратить забастовку. Отдельные предприятия агропромышленного комплекса грозили прекратить подачу продуктов в города области.

13 марта 1991 г. была проведена седьмая (внеочередная) сессия областного совета народных депутатов. А. Тулеев обрисовал конкретные последствия забастовок. За январь — февраль 1991 г. бюджет не получил три миллиона рублей. При этом глава совета подчеркнул «несостоятельность» как союзного, так и российского правительств. Генеральному директору производственного объединения «Облкемеровоуголь» А.П. Зайцеву поручили привезти в Кузбасс 10 тысяч тонн мяса в обмен на уголь¹⁴. В условиях неопределенности изменилось потребительское поведение. Горожане стали активно запасаться мукой, из-за чего объем ее продажи вырос в 2,5 раза. В Кемерово покупатели брали в одни руки по пять — шесть буханок хлеба. Сложившиеся хозяйственные связи с «продовольственными» регионами были разорваны, при этом соседние области и Алтайский край препятствовали вывозу продовольствия за свои пределы.

В этой обстановке председатель Верховного совета РСФСР Б.Н. Ельцин не хотел ограничивать деятельность забастовщиков, указав А. Тулееву, что «решение о выборе форм отстаивания своих требований — это дело самих трудовых коллективов». В атмосфере нарастающего экономического коллапса А. Тулеев занял линию заботы о стабилизации экономики. По документам хорошо прослеживается желание председателя областного совета дистанциро-

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 1а. Д. 1683. Л. 11.

ваться от политических вопросов и рассматривать на сессиях тематику повседневной жизни региона.

Однако свои коррективы внесла общеполитическая ситуация в стране. Дальнейшее политическое размежевание в областном совете связано с оценкой деятельности ГКЧП СССР и участием председателя облсовета А. Тулеева во встречах с путчистами. Это обстоятельство стало расцениваться как фактическая поддержка руководителем облсовета антиконституционных действий вице-президента СССР Г.И. Янаева и его сподвижников.

21 августа 1991 г. состоялась IX внеочередная сессия областного совета. На тот момент имелась полная неопределенность в тактических действиях для регионального руководства. Председатель облсовета А. Тулеев на сессии таким образом охарактеризовал ситуацию: «В чем заключается сложность обстановки в целом? Для нас, областного совета в целом — это противоречивость, неопределенность и смута в душах людей. Масса указаний, которые поступают с обоих правительств»¹⁵. А. Тулеев как опытный хозяйственник решил акцентировать внимание на экономической ситуации, но в депутатской среде такой подход единодушной поддержки не нашел. Об этом красноречиво свидетельствует вопрос А. Тулееву: «[...] Мы здесь собрались обсудить ситуацию, когда вопрос стоит не о целостности живота, вы же пытаетесь его набить. Вопрос стоит — будем ли мы завтра свободны?»¹⁶. Однако А. Тулеев не поддержал подобную линию разговора. Депутаты, разделяющие позиции рабочих комитетов, резко осудили сам факт встречи А. Тулеева с Г.И. Янаевым. Депутат Л.Н. Лопатин спросил напрямую: «[...] Чего Вы ожидали от встречи с государственным преступником?» Очевидно, что именно активная негативная оценка деятельности А. Тулеева в период августовского путча со стороны руководства «Демблока» и рабочих комитетов способствовали его освобождению от обязанностей председателя Кемеровского облисполкома.

Указом Президента РСФСР главой администрации Кемеровской области был назначен выдвиженец рабочих комитетов, сторонник «Демблока» М.Б. Кислюк. Начался этап противостояния

¹⁵ ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 1а. Д. 1686. Л. 9.

¹⁶ Там же. Л. 12.

исполнительной и законодательной ветвей власти, который в Кемеровской области носил ярко выраженный персонифицированный характер.

Эскалация напряженности была доведена до критической точки зимой 1992 г. 5 февраля 1992 г. председатель областного совета А. Тулеев поставил вопрос о своей отставке. Мотивация была озвучена такая: «Председатель совета обязан обеспечивать реализацию политики руководства и программ правительства. Но руководить претворением в жизнь бездушной, безнравственной политики, которая идет через людей, не считаю возможным»¹⁷. Вынесенный на голосование вопрос среди депутатского корпуса поддержки не нашел: проголосовали против отставки 94 человека, за отставку — 22, воздержалось — 20 человек¹⁸. 7 февраля А. Тулеев вновь поставил вопрос об отставке, но решение вновь не прошло. Заручившись поддержкой части депутатского корпуса и многих трудовых коллективов, А. Тулеев получил тактическое преимущество перед М.Б. Кислюком в сфере публичной политики.

Впрочем, это никак не сказалось на потенциальных возможностях А. Тулеева как субъекта принятия стратегических решений. 6 февраля 1992 г. было решено упразднить президиум областного совета и образовать малый совет областного совета народных депутатов в составе 30 человек. Предложение не было поддержано ввиду бойкота голосования представителями Демократического блока¹⁹. Лишь 19 февраля 1992 г. малый совет был образован²⁰.

19 февраля 1992 г. решением XII сессии областного совета народных депутатов было выражено недоверие главе администрации Кемеровской области М.Б. Кислюку. В качестве мотивов для подобного шага было высказано, что М.Б. Кислюк назначен Президентом Российской Федерации без согласования с Кемеровским областным советом народных депутатов и он не обладает качествами руководителя. Президенту Б.Н. Ельцину предлагалось «провести назначение Главы администрации Кемеровской области в соответствии с Указом Президента от 22 августа 1991 года или

¹⁷ ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 16. Д. 3. Л. 19.

¹⁸ ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 16. Д. 1. Л. 5.

¹⁹ Там же. Л. 9.

²⁰ Там же. Л. 12, 71.

разрешить прямые выборы Главы администрации области»²¹. Впрочем, данный документ никоим образом не повлиял на властный потенциал М.Б. Кислюка. Реальные рычаги по распределению ресурсов находились у администрации Кемеровской области.

28 февраля 1992 г. состоялось первое заседание малого совета областного совета народных депутатов, на котором был принят примерный перечень первоочередных нормативных актов и положений, подлежащих разработке. В их числе значились документы о бюджете, налогах и финансах, земельных и природных ресурсах, программах развития страховой медицины и занятости населения, сохранения и развития культурных ценностей коренных народов, положения о тарифах и налогах по медицинскому страхованию, об административно-территориальном устройстве области и Уставе области²².

С начала работы малого совета возникли трудности организационного и хозяйственного плана. Поскольку реальные рычаги управления и распоряжения имуществом находились у руководства Администрации Кемеровской области, председатель облсовета А. Тулеев в категорической форме потребовал предоставления необходимых ресурсов и реализации прав совета. 24 февраля 1992 г. он подписал письмо на имя управляющего делами администрации Кемеровской области Г.Н. Лопатина, в котором последний упрекался в несвоевременной передаче и даже утаивании документов, принятых администрацией. Председатель облсовета возмущался, что Г.Н. Лопатин не отменил указание не принимать к передаче подписанные А. Тулеевым шифrogramмы. На запросы депутатов, в том числе членов президиума, о предоставлении им необходимых для работы документов Г.Н. Лопатин не реагировал. Председатель облсовета в ультимативной форме потребовал реализации прав депутатов, пообещав, что в противном случае Г.Н. Лопатин будет привлечен к административной ответственности, а вопрос о доверии ему будет вынесен на заседание малого совета²³.

24 февраля 1992 г. А. Тулеев подписал другое письмо в адрес главы администрации М.Б. Кислюка и управделами Г.Н. Лопатина,

²¹ Там же. Л. 77.

²² ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 16. Д. 11. Л. 25–29.

²³ Там же. Л. 114.

в котором для организации нормальной работы вновь избранного малого совета в трехдневный срок предлагал передать на баланс областного совета третий этаж здания бывшего обкома КПСС, а также мебель, инвентарь и другие предметы обстановки кабинетов²⁴. Однако подобные просьбы в администрации области саботировали.

Следует заметить, что малый совет за март — апрель 1992 г. рассмотрел важные вопросы социально-экономического и политического характера области, в числе которых — проблемы телеутов Кузбасса, ситуация в аграрном секторе области, штатное расписание аппарата областного совета, деятельность административных комиссий и многие другие²⁵. 17 апреля 1992 г. он обсудил вопрос «О забастовке работников образования», которая началась еще 2 апреля. Было решено создать согласительную комиссию из работников администрации области, забастовочного комитета, обкома профсоюзов работников образования, науки и народных депутатов для рассмотрения основных требований и определения путей решения проблемы с указанием источников финансирования. Малый совет поручил заместителю главы администрации области А.И. Шундулиди сформировать данную комиссию в трехдневный срок и приступить к работе²⁶.

23 апреля 1992 г. был утвержден регламент малого совета областного совета народных депутатов, где он определялся как «постоянный орган представительной государственной власти на территории области». Документ определял, что малый совет в период между сессиями областного совета обладает всеми его полномочиями за исключением ряда вопросов по изменению структуры областного совета и его аппарата, утверждения планов и программ социального и экономического развития области, бюджета и отчета об его исполнении²⁷. К полномочиям сессии областного совета относились также вопросы о защите прав депутатов, о лишении депутатской неприкосновенности, об установлении ответственности за невыполнение депутатских обязанностей.

²⁴ Там же. Л. 115.

²⁵ ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 16. Д. 13. Л. 49, 50–53; Д. 14. Лл. 6–15.

²⁶ ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 16. Д. 15. Л. 8.

²⁷ Там же. Л. 51

Принимаемые малым советом решения далеко не всегда основывались на реальном анализе финансово-экономической ситуации. Так, 26 мая 1992 г. было принято решение «О неотложных мерах по экономической и социальной защите высшей, средней специальной школы и академической науки Кузбасса». Согласно пункту 2.2 этого документа малый совет предусматривал в мае и июне 1992 г. выплатить компенсации в размере заработной платы всем работникам вузов, техникумов, академической науки и промышленности Кузбасса. Однако еще в процессе согласования данного решения заместитель главы администрации Кемеровской области А.И. Шундулиди наложил резолюцию: «В областном бюджете средств таких нет»²⁸. Этот пример показывает желание депутатов манипулировать настроениями избирателей, предлагая популистские меры.

Другой неудачный пример депутатской деятельности связан с подготовкой важнейших нормативно-правовых актов. В кавалерийском порядке предполагалось разработать проект Устава области. 25 мая 1992 г. председатель облсовета А. Тулеев подписал решение об образовании комиссии по разработке этого основополагающего документа, где указывалось, что проект Устава требовалось подготовить до 1 сентября 1992 года²⁹. Однако работа над этим документом затянулась. В первом чтении Устав приняли на XIV сессии облсовета только 28 апреля 1993 г., при этом предполагая окончательно принять его до конца 1993 года³⁰.

Разработанный в Кузбассе документ отражал специфику властно-общественных отношений, сложившихся в регионе. Проектом предусматривалось право трудовых коллективов области на политическую забастовку (стачку). Порядок проведения подобных акций регулировался специальной главой Устава. Отмечалось, что Консультативный совет политических партий, общественных организаций и движений обладает правотворческой инициативой в областном совете народных депутатов. Кроме того, главой 10 «Областные консультативные органы» предполагалось создание особых структур — Совета председателей советов народных депу-

²⁸ ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 16. Д. 17. Л. 51.

²⁹ Там же. Л. 66.

³⁰ ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 16. Д. 61. Л. 51.

татов, Съезда народных депутатов, Совета территорий и ряда других³¹. Далеко не случайно, что проект был подвергнут критике со стороны отдела политико-правовых исследований Парламентского центра Российской Федерации. В частности, экспертам представлялись излишними статьи о многообразии форм непосредственной демократии, коллективных обращениях граждан, политической забастовке, глава об общественных объединениях, движениях и средствах массовой информации. Также отмечалось, что глава об областных консультативных органах не основана на Конституции и законах России³².

Проект Устава наделял областной совет рядом важных прав, в числе которых следует выделить подотчетность администрации области. Закладывался механизм выражения недоверия главе администрации. Оговаривалось, что глава администрации и другие должностные лица администрации представляют областному совету отчеты о своей деятельности³³.

8 июня 1993 г. XV сессия областного совета не поддержала проекты Конституции (проект Конституционной комиссии и проект Президента РФ Б.Н. Ельцина), поскольку они не соблюдали преемственности с нынешним государственным строем и ставили в неравное положение субъекты Федерации (республики, края и области). Облсовет решил признать необходимым активное участие субъектов Федерации в конституционном процессе с рассмотрением их предложений, с правом участия специалистов от них в разработке процесса, обсуждения проектов с последующими парафированием и ратификацией текста Конституции. Также было решено выйти с предложением в Верховный совет РФ о представлении Кемеровской области прав республики в составе Российской Федерации³⁴. Эта формулировка стала компромиссным вариантом, поскольку член Конституционного совещания народный депутат РСФСР В.П. Баловнев предложил сессии «выйти с ходатайством в адрес Верховного совета о предоставлении Кемеровской области статуса республики»³⁵. А. Тулеев постарался смягчить формули-

³¹ Там же. Л. 53–58.

³² Там же. Л. 61.

³³ Там же. Л. 58а.

³⁴ ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 16. Д. 62. Л. 20.

³⁵ ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 16. Д. 64. Л. 124.

ровку, но В.П. Баловнев настаивал на своем предложении. В это время уже целый ряд регионов (Томская, Читинская области) на сессиях приняли ходатайства в адрес Верховного совета РФ о предоставлении им статуса республики.

Нарастание системного политического кризиса очень хорошо ощущалось в Кузбассе. К моменту подписания Указа Президента Б.Н. Ельцина № 1400 депутаты областного совета стали радикальнее критиковать сложившийся курс реформ. Состоявшаяся 23 сентября 1993 г. XVI сессия облсовета рассмотрела вопрос «О текущем политическом моменте в Российской Федерации и Кемеровской области». Сессия квалифицировала действия Президента Б.Н. Ельцина по разгону законодательной и представительной власти России как попытку государственного переворота. Было также отмечено, что и Верховный совет допустил нарушение конституционных положений, передав полномочия Президента вице-президенту А.В. Руцкому до отрешения Президента РФ Б.Н. Ельцина от должности Съездом народных депутатов России. Совет склонялся к «нулевому варианту», предлагая всем федеральным органам власти отменить свои неконституционные решения. Сессия посчитала необходимым обратить внимание федеральных органов власти на необходимость поиска компромисса. В качестве основного пути его достижения предлагалось принять решение о назначении одновременных досрочных выборов Президента и парламента, законодательно обеспечить и определив дату их проведения³⁶. Однако эти решения имели исключительно декоративный смысл. Победа «президентской вертикали» была очевидной.

7 октября 1993 г. Президент подписал Указ, который отменил ответственность глав администраций краев и областей перед советами и фактически сформировал систему единоначалия в системе исполнительной власти³⁷. Глава администрации края, автономной области, автономного округа, города федерального значения назначался и освобождался от должности Президентом Российской Федерации по представлению председателя Совета министров — правительства Российской Федерации.

³⁶ ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 16. Д. 63. Л. 5–6.

³⁷ Собрание актов Президента и правительства РФ. 11.10.93. № 41. Ст. 3918.

9 октября 1993 г. Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин подписал Указ № 1617 «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации»³⁸. Документом предусматривалось, что в краях, областях, автономной области, автономных округах, городах федерального значения население избирает органы представительной власти (собрания, думы и т.п.) в составе 15–50 депутатов, работающих на постоянной основе. До избрания и начала работы нового органа представительной власти исполнительно-распорядительные функции, закрепленные законодательством Российской Федерации за советами народных депутатов, осуществлялись администрацией соответствующего субъекта Российской Федерации. Полномочия советов резко ограничивались и в части утверждения бюджета. На переходный период этот вопрос требовал обязательного согласования с главой администрации соответствующего субъекта Российской Федерации.

Однако Указ Президента Б.Н. Ельцина предусматривал и вариант полной ликвидации представительного органа на территории субъекта в случае самороспуска Совета народных депутатов или невозможности выполнения советом своих полномочий ввиду отсутствия необходимого кворума. При таком варианте функции органа представительной власти временно осуществляла соответствующая администрация. Именно по такому пути представлялось желательным решить вопрос в Кемеровской области.

XVII, заключительная сессия областного совета, состоялась 14 октября 1993 г. Однако фактически этот форум стал собранием депутатов: из 224 депутатов, наделенных полномочиями, на сессии присутствовало только 118 при кворуме в 167. На собрании управляющий делами администрации Кемеровской области Е.А. Тепляков зачитал распоряжение главы администрации Кемеровской области М.Б. Кислюка. Было признано необходимым провести выборы в представительные органы государственной власти Кемеровской области одновременно с выборами в Совет федерации и Государственную думу 12 декабря 1993 г. Вопросы нормотворчества на переходный период возлагались на создаваемую при юридическом отделе администрации области комиссию. Исполнительно-

³⁸ Там же. Ст. 3924.

распорядительные функции, закрепленные законодательством Российской Федерации за областным советом, осуществлялись актами, издаваемыми в форме постановлений и распоряжений главы администрации области.

Глава администрации Кемеровской области М.Б. Кислюк негативно оценил позицию областного совета по поддержке руководства российского парламента, посчитав, что подобные шаги представительных органов в субъектах РФ спровоцировали вооруженный мятеж. Как отметил М.Б. Кислюк, «этот груз ответственности будет лежать тяжелой ношей на наших взаимоотношениях. Именно поэтому я считаю невозможным дальнейшее продолжение деятельности областного совета народных депутатов»³⁹.

Завершая работу собрания депутатов, председатель областного совета А. Тулеев признал правомерность действий М.Б. Кислюка о роспуске депутатского корпуса. Он сказал: «[...] В этом зале не было единодушных, но я вам клянусь, я понимал, что без оппозиции — это смерть демократии»⁴⁰.

Опыт функционирования Кемеровского областного совета народных депутатов XXI созыва свидетельствует о неразрешимых противоречиях сформированной тогда на региональном уровне системы представительной власти. Советская модель народовластия, выстроенная на основе максимальной концентрации полномочий в руках депутатского корпуса, была совершенно нефункциональна в условиях зарождения новой российской государственности. Однако это был первый опыт согласования интересов различных социальных групп в рамках регионального института представительной демократии.

³⁹ ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 16. Д. 66. Л. 4.

⁴⁰ Там же. Л. 8.

ФОРМЫ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ ШАХТЕРОВ КУЗБАССА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ (1992–1999 гг.)*

Многие исследователи, занимавшиеся анализом протестного движения последнего десятилетия XX века в России, приходят к выводу о том, что в нашей стране нормализация взаимоотношений между властью и обществом тормозится из-за отсутствия эффективного механизма решения ключевых проблем социально-экономического развития¹. Изъяны правового поля серьезно деформировали в то время культуру протеста. Вера в закон и справедливость была подменена моральными оценками и борьбой за выживание. Исправление данной ситуации стало одной из главных задач во внутренней политике президента В.В. Путина. Однако сравнение кризисных ситуаций 1998 и 2008 гг. свидетельствует о сохранении негативных тенденций в экономике России² и, соответственно, делает актуальной задачу изучения проблем взаимоотношения власти и общества в последнее десятилетие XX века.

Как и в конце 1980-х годов, в следующем десятилетии «переводным отрядом» в борьбе за социальные права трудящихся являлись шахтеры. Между тем, протестные действия угледобытчиков в 1990-е годы в сравнении с «перестроечным» периодом протекали в

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке Администрации Кемеровской области и Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-11-42009а/Г).

¹ *Серебрянников В.В.* Системный кризис и предотвращение насилия // *Власть*. М., 1998. № 10–11. С. 82–86; *Ильин В.И.* Власть и уголь: шахтерское движение Воркуты (1989–1998 годы). Сыктывкар, 1998. 300 с.; *Кацва А.М.* Массовый протест в социально-трудовой сфере. Коллективные действия наемных работников в современной России: истоки, проблемы и особенности. М.; СПб., 2002. 200 с.; *Поздняков С.В.* Политический протест. Дисс. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону. 2002. 168 с.; *Максимов Б.И.* Рабочие в реформируемой России, 1990-е — начало 2000-х годов. СПб., 2004. 277 с.; *Булавка Л.А.* Нонконформизм: социокультурный портрет рабочего протеста в современной России. М., 2004. 176 с.

² *Навой А.* Российские кризисы образца 1998 и 2008 годов: найди 10 отличий // *Вопросы экономики*. М., 2009. № 2. С. 24.

иных экономических и политических условиях. Рабочий класс уже не считался опорой новой политической системы. Федеральная власть фактически не замечала требований и акций протеста трудящихся, ограничиваясь абстрактными обещаниями и переадресовывая общественное недовольство органам регионального и местного управления. Попытки шахтеров организовать и показать свою политическую мощь, как это было в «перестроечный» период, не имели серьезных результатов. Рабочие были разрознены по политическим, экономическим и даже социальным основаниям. Новые общественно-политические институты находились в стадии становления и не могли эффективно защитить трудящихся. Отсутствовал у горняков и серьезный исторический опыт отстаивания своих социально-экономических прав и интересов. В результате вопрос использования форм и методов протеста стал ключевым в стратегии и тактике шахтерского движения в условиях новой и ставшей еще более суровой российской действительности.

Сложно не согласиться с мнением о том, что в 1990-е годы «шахтеры не только всегда возглавляли борьбу за права трудящихся, но и были неистощимы в придумке самых разнообразных форм протестного движения»³. Разнообразный спектр форм и методов борьбы стал следствием отсутствия полноценного механизма решения социально-трудовых конфликтов, а также недостаточности реальных результатов от использования акций протеста, широко использовавшихся в демократических странах (забастовки, демонстрации и митинги). Власть призывала к «цивилизованным методам решения трудовых конфликтов», но никогда не конкретизировала их, инициируя таким образом новые и еще более радикальные действия угледобытчиков. Данное разнообразие имело противоречивые результаты. С одной стороны, горняки приобретали ценный опыт отстаивания своих прав и интересов, с другой — используя порой экстремистские методы борьбы, подрывали экономическую стабильность и усложняли жизнедеятельность ни в чем не повинных граждан. Поэтому многие, особенно радикальные методы протеста, вызывали неоднозначную реакцию общест-

³ День шахтера (реструктуризация угольной промышленности глазами участников и журналистов) / Е. Адаев, Л. Берсенева, И. Галкина и др. М., 2004. С. 60.

ва. Все это заставляло горняков лавировать, искать новых политических союзников, менять формы борьбы и пересматривать свое место в протестном движении страны.

Проблемы взаимоотношений шахтеров и органов власти и управления наиболее ярко проявились в Кузбассе, который был и остается ведущим угольным бассейном страны. Высокий накал борьбы в Кузнецком крае стал следствием следующих причин. Во-первых, рабочие угледобывающих предприятий бассейна пытались сохранить высокий уровень влияния на общественно-политические и экономические процессы, который они имели в конце 1980-х годов. Во-вторых, активную поддержку протестным акциям горняков Кузбасса в рассматриваемое время оказывали популярная в то время компартия Российской Федерации, а также известный в крае политический деятель А.Г. Тулеев. В-третьих, участие шахтерских профсоюзов в разрешении социально-трудовых конфликтов являлось более пассивным, чем в других угледобывающих регионах страны. Данное обстоятельство усиливало стихийность и непредсказуемость в борьбе угледобытчиков Кузбасса.

Наиболее эффективными формами протеста шахтеров являлись судебные иски, открытые обращения в средствах массовой информации, забастовки, пикетирование, митинги протеста, голодовки, «захват заложников», «рельсовые войны». Анализ форм и методов борьбы шахтеров Кузбасса можно осуществлять и по таким критериям, как легальность, популярность, масштабность, радикализм, влияние общественно-политических сил, общественный резонанс, эффективность и др. Все-таки проведенное исследование показало, что формы и методы борьбы шахтеров Кузбасса во время перехода к рыночным отношениям эволюционировали по мере усиления их демонстрационного характера.

После крупных и в основном незаконных забастовок конца 1980-х годов, в начале 1990-х годов горняки, как и многие другие категории трудящихся, получили широкий спектр легальных способов борьбы. Демократизация общества на рубеже 1980-х — 1990-х годов позволила открыто и с опорой на законы отстаивать свои трудовые права и интересы. Это создавало иллюзию быстрого и успешного разрешения социально-трудовых конфликтов. Но вскоре шахтеры Кузбасса осознали, что это далеко не так. В но-

вых, прежде всего рыночных, условиях законные способы борьбы оказались малоэффективными. Привлечь внимание федеральных и региональных органов власти к динамичному ухудшению социально-экономической обстановки в угольной отрасли стало можно только благодаря усилению демонстрационности акций протеста рабочих. Вместе с тем нельзя проводить прямую параллель между степенью демонстрационности какой-либо акции протеста и ее популярностью, масштабностью, и эффективностью.

Безусловно, любая форма борьбы, каждая акция протеста усиливала внимание общества и власти к проблемам угольщиков. Все вышеуказанные формы протеста использовались шахтерами почти на всем протяжении рассматриваемого периода, что не позволяет выделять какую-либо из них как наиболее значимую. Даже такая результативная с точки зрения поставленных шахтерами целей и задач форма протеста, как «рельсовая война» в конце рассматриваемого периода, была исключена из арсенала их борьбы. Некоторые формы отстаивания законных прав трудящихся (например судебные иски) были популярны как в начале, так и в конце 1990-х годов. Выбор шахтерами Кузбасса способов борьбы соответствовал не столько особенностям социально-экономической ситуации, сколько степени политического доверия к власти. Хороший пример — «рельсовые войны» 1998 г. Они стали «моментом истины» в политической деятельности нового губернатора Кемеровской области — А.Г. Тулеева. Социально-экономическая ситуация до «рельсовых войн» была не менее острой чем после них, но А.Г. Тулеев сумел убедить шахтеров отказаться от радикальных методов борьбы.

В начале 1990-х годов шахтеры в целом чувствовали себя уверенно, так как их уровень жизни был значительно выше, чем у других социально-профессиональных групп. Кремль открыто демонстрировал политическую поддержку горнякам, многие из которых, в свою очередь, были солидарны с курсом на рыночные реформы. Поэтому трудности, возникшие в первые годы «шоковой терапии», многим горнякам показались временными, местными и т.п. Как следствие, одной из первых популярных форм отстаивания трудовых прав и интересов горняков, как и других трудящихся, были судебные иски. Данная форма борьбы являлась вполне законной. К ней прибегали как в частном порядке, так и коллективно. В первой

половине 1990-х годов суды Кемеровской области были «завалены» исками к работодателям. Однако многие истцы вскоре убедились в малой эффективности этой формы борьбы в связи с длительными сроками судебных разбирательств, что заметно снизило ее популярность, однако не исключило из арсенала борьбы шахтеров.

Легальной, но более демонстрационной формой борьбы шахтеров за свои социально-экономические права и интересы во время перехода к рынку являлись открытые обращения в средства массовой информации. Чаще, чем в других СМИ, угледобытчики выражали свой протест в газетах, так как они были более для них доступны. Местные и региональные периодические издания охотно предоставляли им свои полосы потому, что были солидарны с ними по многим проблемам. Высокая степень зависимости региональной экономики от угледобывающей отрасли объективно стимулировала широкую критику в печати непопулярных и преступных действий директоров, профсоюзных деятелей и кремлевского начальства. Шахтерская критика нарастала в кризисные моменты и получала отклик со стороны большинства трудящихся и пенсионеров. Открытые выступления горняков в СМИ приобретали не только моральную поддержку, но и инициировали участие активной части населения в конкретных акциях протеста, например, в пикетах, митингах, «рельсовых войнах» и т.д. Отстаивание своей позиции через средства массовой информации усиливало демонстрационный характер любой другой формы протеста. Поэтому горняки во время акций протеста порой настаивали на приезде на шахту журналистов областного уровня, чтобы «на весь Кузбасс озвучить свои требования»⁴.

Широкая пропаганда угледобытчиками своей позиции в региональной и местной печати была и следствием критики их акций протеста некоторыми средствами массовой информации, прежде всего проправительственными и столичными. Они замалчивали борьбу горняков, давали неполноценные сведения, порой даже ис-

⁴ *Прянишникова Т.* Труд должен быть оплачен. Это закон, но не для России, привыкшей только брать // Кузбасс. 1996. 10 февраля.

кажали картину происходившего⁵. Особенно это было очевидно во время подъема протестного движения шахтеров в 1997–1998 гг. Шахтеры и те, кто их поддерживал, пытались собственными силами бороться с информационной блокадой и необъективными, на их взгляд, сведениями. Данную борьбу они вели, используя непосредственные обращения к президенту и правительству, а также излагая свою позицию в печати. Конечно, в условиях отсутствия у трудящихся собственных информационных ресурсов борьба пикетчиков с необъективными сведениями являлась не очень действенной. Однако открытый анализ проблем угольной промышленности в СМИ ставил вопрос о необходимости рождения новой общественно-политической силы, которая могла бы отстаивать законные требования шахтеров. Одним из таких результатов можно считать появление в конце 1990-х годов общественно-политического движения «Шахтеры России».

Наиболее популярной формой протеста шахтеров Кузбасса на протяжении всего анализируемого периода, особенно до начала «рельсовых войн» в мае 1998 г., была забастовка. Накануне рыночных реформ, используя данную форму протеста, рабочие угольной отрасли сумели добиться многих поставленных задач, что укрепило их веру в эффективность стачечной борьбы. Забастовка как средство отстаивания социально-экономических прав имела много необходимых в шахтерском движении положительных сторон. Любая остановка производственного процесса обращала на себя внимание не только руководства предприятий и угольной отрасли, но и общественности. В ходе забастовочного движения определялись цели и задачи горняков, формулировались экономические и политические требования, вырабатывался механизм борьбы, выдвигались лидеры, формировалась реальная солидарность трудящихся и т.д. Отдельные остановки трудовой деятельности перерастали в широкомасштабные стачки, порой достигая всероссийского уровня.

Популярность и действенность забастовок, особенно в период подъема протестного движения шахтеров Кузбасса 1992 — 1996 гг., объясняется следующими причинами. Во-первых, большинст-

⁵ Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 338. Л. 3.

во забастовок и призывов к отказу от работы получало поддержку директорского корпуса, видевшего в них возможность «выбивания» дополнительных средств из Москвы. Во-вторых, в первые годы рыночных преобразований власть пыталась заигрывать с шахтерами (хотя и вялая, запоздалая реакция на забастовки все же была). В-третьих, уровень солидарности, совместных действий горняков страны в первой половине 1990-х годов был выше, чем во второй половине данного десятилетия, когда жесткие условия рыночного выживания заставляли больше думать о собственных интересах.

Важнейшей особенностью забастовочного движения шахтеров Кузбасса в начале рассматриваемого периода являлся его стихийный, во многом незаконный характер, что объяснялось рядом причин. Прежде всего, несовершенен был сам Закон о забастовках, что затрудняло планирование и подготовку акций протеста. Во-вторых, в начале 1990-х годов горняки чувствовали свою силу и не считали себя обязанными строго следовать букве закона. В-третьих, власть часто сама нарушала законы; несвоевременная выплата заработной платы являлась прямым нарушением Конституции РФ, на что постоянно указывали угледобытчики. В-четвертых, забастовки вспыхивали на отдельных шахтах, требования рабочих иногда носили частный характер, из-за чего не имели широкой поддержки. Случалось, не было единодушия по вопросу об остановке предприятий даже в самих трудовых коллективах.

Динамичное развитие стачечного движения в 1993 г. уже к концу данного года показало, забастовка как форма протеста почти исчерпала себя. Ее эффективность оказалась низкой, а удар по экономическим показателям бастующих предприятий она наносила ощутимый. Поэтому в конце 1993 г. отдельные горняки Кузбасса уже всерьез сомневались в целесообразности использования забастовки как формы протеста⁶. Забастовки в дальнейшем не прекратились, но они были еще более разрозненными, а порой имели даже негативный эффект. После варварского закрытия в июле 1994 г. шахты «Черкасовская» («Прокопьевскуголь») шахтеры начали воспринимать угрозу закрытия более серьезно. Последующие со-

⁶ Васильев В., Живописцев М. Забастовка: «за» и «против» // Кузбасс. 1993. 30 ноября.

бытия показали, что очень часто забастовки подталкивали отраслевое руководство принимать решение о закрытии предприятий. Следствием такого поведения собственников стала боязнь работников убыточных шахт бастовать, а забастовка стала «привилегией» наиболее рентабельных угольных предприятий⁷.

Особого успеха забастовки не имели в силу особенностей становления российского рынка. Вхождение России в рынок и участие угледобывающих предприятий в условиях глобализации экономических процессов ослабляли позиции горняков, делали их уязвимыми от поставок угля из других стран. Стачка была крайне опасна для плановой экономики, рыночного хозяйства XIX — начала XX в., основывавшегося преимущественно на национальном, а не на глобальном рынке, что ограничивало возможности маневра и способствовало большим успехам рабочего движения в ту эпоху. Ущерб от забастовки был особенно ощутим при успешном экономическом развитии, чего нельзя сказать о народном хозяйстве Российской Федерации и региона в рассматриваемое время. Тем не менее, шахтеры продолжали использовать забастовку как средство борьбы в последующие годы, так как по многим параметрам данная форма протеста имела преимущество перед другими проявлениями протеста.

В протестном движении шахтеров Кузбасса во время перехода к рыночным отношениям был небольшой временной отрезок (1994–1995 гг.), когда активно стали использовать подземную форму «забастовок». В других угледобывающих регионах страны данный способ протеста не получил такого широкого распространения, скорее всего в силу особой экстремальности. Возникновение подземных «забастовок» имело следующую причину. Так как многие остановки производственного процесса угледобывающих предприятий происходили с нарушением действующего законодательства⁸, в конце 1993 г. впервые прозвучала угроза преследования организаторов незаконных забастовок. Рабочие оказались перед необходимостью найти действенную форму протеста, которая бы не вызывала никаких преследований. При этом попытки орга-

⁷ Борисов В.А. Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтерского движения за 1989–99 гг.). М., 2001. С. 254.

⁸ Васильев В. Бастовать, так по правилам // Кузбасс. 1996. 16 июля.

низовать законные забастовки по-прежнему оставались безрезультатными⁹. Использование в 1994 г. других, альтернативных забастовке, демонстрационных методов борьбы также не решало шахтерских проблем. В том году перед шахтерами встала необходимость нахождения формы протеста, которая отвечала бы трем требованиям: эффективность, то есть не позволила бы руководителям делать вид, будто ничего страшного не происходит; оперативность, то есть возможность быстрой организации в связи с конкретными событиями и причинами; безнаказанность, то есть возможность избежать ответственности за организацию незаконной забастовки¹⁰.

Идеальной формой протеста, отвечающей всем трем названным условиям, стал невыход рабочих из шахты. В считанные часы останавливалось все предприятие. Невыход из шахты — это форма протеста, которая лежала вне сферы действия закона о социально-трудовых конфликтах. Такая форма была доступна только шахтерам из-за особой организации их производства и труда. С точки зрения существовавшего тогда Закона о разрешении трудовых споров пребывание на рабочем месте не означало начало забастовки¹¹. Вмешательство самых высоких инстанций происходило во всех случаях острых «забастовок» под землей с конца 1994 г. и до начала 1995 года¹². «Демонстрационные забастовки» заканчивались, как правило, почти полной победой. Деньги для выплаты заработной платы всегда находили¹³, но сразу же появлялись новые задолженности перед горняками.

Руководители шахт постепенно научились не замечать подземные «забастовки», а в исключительных случаях даже применяли силу против рабочих. Так, 2 апреля 1997 г. произошел первый случай в постсоветской России, когда со стороны администрации объединения была применена сила против участников подземной

⁹ Бизюков П.В. Подземная шахтерская забастовка. М., 1995. С. 4.

¹⁰ Там же. С. 5.

¹¹ Заболотская К.А., Некрасова Г.С. Рабочее движение и реформационные процессы в Кузбассе (конец 80-х — конец 90-х гг.) // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории. Кемерово, 1999. С. 85.

¹² Бизюков П.В. Подземная шахтерская забастовка. М., 1995. С. 7, 29.

¹³ Угольная промышленность Кузбасса. 1721–1996. Кемерово, 1997. С. 213.

«забастовки» на шахте «Центральная» в Прокопьевске¹⁴. Использование силы в данном случае не повлекло каких-либо ответных мер со стороны шахтерского сообщества, не имело и серьезного резонанса в обществе. Все это деморализовывало горняков, показывало бесперспективность данной формы протеста. К тому же многие участники подземных «забастовок» серьезно рисковали подорвать свое здоровье, что встречало осуждение со стороны родных и близких. В итоге это привело к потере популярности такого способа проявления недовольства горняками Кузнецкого края, хотя отдельные факты подземных «забастовок» имелись в конце 1997 — начале 1998 года¹⁵.

Более коллективной и весьма демонстративной формой протеста шахтеров Кузбасса стали акции пикетирования зданий важнейших органов власти и управления. В отличие от забастовок, пикеты не ослабляли финансово-экономическое положение угледобывающих предприятий, поэтому они морально и материально поддерживались директорами и шахтерскими профсоюзами¹⁶. Благодаря поездкам в Москву, пикетчики смогли донести голос рабочих до самого верха федеральной исполнительной власти, на деле показывали рабочую солидарность всероссийского масштаба.

В целом шахтерские пикеты на протяжении анализируемого периода по своему характеру эволюционировали от достаточно высокого уровня организованности и соблюдения законности до стихийности и отказа рабочих подчиняться законным требованиям правоохранительных органов. Основная причина такой «антизаконной» эволюции состоит в том, что первые шахтерские пикеты, в том числе в Москве проходили в поддержку проводимых Б.Н. Ельциным экономических реформ¹⁷. Но уже начиная с 1993 г., лозунги участников пикетов изменились. В том году произошло пер-

¹⁴ Воронин Д.В. Влияние реструктуризации угольной промышленности на социально-политические процессы в Кузбассе в 1990-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 3 (4), 2004. С. 78.

¹⁵ Карунос А. Холодный протест против жаркого гнета // Кузнецкий рабочий. 1998. 17 января.

¹⁶ Тахтаева Н. Есть зарплата, нет солидарности // В бой за уголь (Киселевск). 1994. 15 марта.

¹⁷ Хроника трудового подвига. Междуреченск, 2005. С. 323.

вое пикетирование здания Правительства России с требованиями повышения зарплаты и корректировки курса реформ¹⁸.

В дальнейшем пикетирование шахтерами Дома правительства происходило фактически ежегодно, и всегда в них принимали участие многочисленные делегации кузбассовцев (от 130 до 150 человек¹⁹). Главным их требованием стало немедленное погашение задолженности по заработной плате, объемы которой постоянно увеличивались. Организаторами пикетов поочередно выступали шахтерские профсоюзы. Наиболее крупной и последней в рассматриваемое время акцией протеста на Горбатом мосту стал пикет в 1998 г., когда руководители Независимого профсоюза горняков России (НПГР) и Росуглепрофсоюза объединились и выработали общие требования горняков страны. Причем пикетчики добились не столько встреч с министрами, спикером и др. представителями власти, сколько надеялись на солидарность со стороны промышленных рабочих, различных профсоюзов, политических организаций, депутатов всех уровней и рядовых граждан. В условиях социально-экономического и политического кризиса в стране в 1998 г. шахтерский пикет на Горбатом мосту получил широкую поддержку региональных лидеров. Акция протеста в Москве в первую очередь отвечала интересам руководителей угледобывающих районов страны, так как данная форма протеста являлась для них более предпочтительной, нежели ставшие в то время очень популярными «рельсовые войны».

Пикет у Дома правительства РФ в июне — сентябре 1998 г. явился самым продолжительным и резонансным событием на фоне предыдущих акций протеста в Москве. Между тем, шахтеры так и не сумели объединить вокруг себя рабочих, врачей и учителей, а также другие социально-профессиональные группы, обладавшие высоким уровнем протестного потенциала. Акция оказалась малоэффективной. Не было реализовано главное требование горняков — отставка президента России Б.Н. Ельцина. Пикет у Дома правительства РФ в 1998 г. стал последней крупной акцией протеста

¹⁸ Пикетчики встретились с премьером В. Черномырдиным // В бой за уголь. 1993. 1 июля.

¹⁹ *Большанин А.* Дом правительства пикетируют шахтеры // Кузбасс. 1994. 31 марта; *Леценко В.* Правительство в осаде шахтеров // Кузбасс. 1996. 23 января.

шахтеров Кузбасса и России, которую они проводили самостоятельно в рассматриваемое время.

Шахтеры Кузбасса устраивали пикеты протеста и на территории собственных предприятий и городов. Первая заметная акция протеста такого характера произошла 9 марта 1994 г. Рабочие шахты «Южная» (г. Березовский) устроили пикет на площади Советов, так как «находились на пороге голодного бунта»²⁰. В связи с тем, что городские власти реагировали слабо, вскоре пикеты появились и в столице Кузбасса. Однако и областная власть особо не реагировала на подобные формы протеста. В 1997 г., когда горняки основные требования направляли в адрес кремлевского руководства, акции пикетирования организовывались только в Москве. На территории Кузбасса пикеты появлялись только у железнодорожного полотна накануне и после «рельсовых войн» 1998 г. как средство предупреждения.

Пикетирование как форма протеста производила определенный эффект, но оно было явно недостаточным для шахтеров Кузбасса. Власти уходили от прямого контакта с пикетчиками, перекладывая друг на друга проблемы угольной промышленности. Вместе с тем пикеты показали оторванность шахтеров от рабочих других профессий, работников бюджетных организаций, которые, как правило, не привлекались к участию в данной форме протеста. «Самостоятельная» борьба в форме пикетирования еще раз подчеркивала упование горняков на собственные силы, их оторванность от остальных трудящихся. Те горняки, которые осознали низкую продуктивность данной формы протеста, стали ориентироваться на более организационные и демонстрационные способы отстаивания своих прав и интересов, например, на митинги.

Митинги протеста, безусловно, являлись более демонстрационной формой протеста, чем пикеты, хоть и ограничивались уровнем областного центра. Сильной стороной митингов являлось широкое привлечение к подобным акциям рабочих других профессий, а также работников бюджетных организаций. О силе и решительности митингов свидетельствовали требования их участников, которые в основном носили политический характер. От стихийных

²⁰ Михайлов Ю. Забастовка... плюсы и минусы // Мой город (Березовский). 1994. 15 марта.

и малозаметных митингов возле зданий администраций угледобывающих предприятий в начале «шоковой терапии» шахтеры в середине 1990-х годов перешли к более организованным и резонансным выступлениям на главных площадях шахтерских городов, а также в столице Кузбасса. Митинги выявляли лидеров, определяли требования, а главное — рождали новые формы самоорганизации трудящихся, среди которых оказались комитеты спасения.

Главными организаторами участия шахтеров Кузбасса в митингах протеста являлись профсоюзы. Во всероссийских акциях протеста ведущая роль в организации этой формы борьбы принадлежала Федерации независимых профсоюзов России, на местном и региональном уровне — кузбасским отделениям Росуглепрофсоюза и НППР. Наиболее массовые митинги с участием угледобытчиков происходили в Кемерово и Новокузнецке. Между тем, в малых шахтерских городах они происходили чаще.

Митинги проводились как на легальной, так и нелегальной основе. Как правило, законный характер имели крупномасштабные митинги, в которых часто участвовали рабочие других отраслей и работники бюджетных организаций. Их организовывали и проводили отраслевые профсоюзы и ФНПР. Вместе с тем возникали и стихийные митинги, которые не согласовывались с администрациями угледобывающих предприятий и органами власти. В основном несанкционированные митинги являлись неотъемлемой частью широкомасштабных акций протеста горняков, в ходе которых они использовали и другие формы борьбы, например, забастовки и пикеты.

Митинги имели сезонный характер. Они проводились, как правило, весной и осенью, то есть когда удобно было организовывать трудящихся. Показать свое недовольство в это время было очень удобно и шахтерам (начало и конец отопительного сезона, принятие правительством ОТС и т.д.)²¹, и их главным союзникам — работникам бюджетных организаций (погодные условия, отсутствие работы на мичуринских участках и т.д.).

При всем том положительном эффекте митинговых батальей, который все-таки был, шахтеры «терялись» в общей массе. Они не были лидерами, их взгляды на стратегию и тактику борьбы порой

²¹ Борисов В.А. Забастовки... С. 358.

расходились с позицией учителей и врачей. Последнее крупное участие шахтеров Кузбасса в митингах протеста произошло 7 октября 1998 г. Однако оно не принесло серьезных результатов. На фоне других, более радикальных форм протеста (таких, как блокада железнодорожных магистралей) митинги выглядели неубедительно. Поэтому в следующем году угледобытчики Кузбасса фактически отказались от участия в каких-либо митингах протеста, которые по всей стране ФНПР все-таки организовала²².

Приковывала к себе внимание общественности во всех без исключения случаях такая экстремальная форма протеста, как голодовки. Особенно много говорили о голодающих в первые годы рыночных преобразований. Для угледобытчиков часто «примером» были рабочие — участники голодовок других отраслей экономики, а также работников бюджетной сферы. К прекращению питания прибегали в крайних случаях, причем отдельные, пожалуй, самые отчаянные рабочие. Отказ от пищи носил как индивидуальный, так и коллективный характер. Объявление голодовки одним горняком часто сопровождалось присоединением к акции протеста других товарищей. С призывом к голодовке в адрес шахтеров порой обращались уволившиеся с предприятия рабочие, а также регрессники. Попытки администраций шахт противостоять «зачинщикам» не получали поддержки со стороны правоохранительных органов, так как закон не запрещал подобную агитацию²³.

Голодовки вспыхивали фактически во всех шахтерских городах Кузбасса. Они стали действенной альтернативой забастовкам, так как в данном случае предприятие не останавливало процесс добычи угля, и, соответственно, экономические потери были минимальными. Участники голодовок выступали выразителями интересов всего трудового коллектива, поэтому к ним относились с большим уважением²⁴. Одной из особенностей акций протеста кузбасских горняков стало объявление голодовки прямо в забое,

²² Социальные проблемы, рабочие организации и профсоюзы в современной России: Документы, статистика, библиография / Отв. ред. А.М. Кацва. М., 2006. С. 114.

²³ Архивный отдел администрации г. Березовского Кемеровской области. Ф. 21. Оп. 1. Д. 98. Л. 73.

²⁴ Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 320. Л. 16.

что несомненно нарушало правила техники безопасности в шахте и ставило данную форму борьбы вне закона. На такие экстремальные способы протеста безотлагательно реагировали все, начиная от директора шахты и в отдельных случаях заканчивая правительством РФ и представителем Президента РФ в Кемеровской области²⁵. Все зависело от количества голодающих, продолжительности акции протеста, их требований и т.д. Присутствие угрозы летального исхода часто вынуждало руководителей угледобывающих предприятий использовать быстрые и нестандартные решения по выплате заработной платы, в том числе брать в банках кредиты под немислимые проценты.

Вслед за горняками энергичное участие в голодовках приняли горноспасатели²⁶, которые не имели на это законного права. Массовые голодовки горноспасателей в 1997 году²⁷ несли серьезную угрозу безопасности угольной отрасли. Многие шахтеры стали менять свое отношение к голодовке как форме протеста. Тем более, что руководство шахт и разрезов со временем стало снижать внимание к тем, кто отказывался от приема пищи, а в дальнейшем и увольнять их²⁸. В 1998 г. голодовки использовались очень редко, так как уступали по степени эффективности блокадам железнодорожных магистралей. Дальнейшая отрицательная динамика отказа шахтеров от пищи являлась также следствием сокращения задолженности по зарплате и более энергичного решения властями шахтерских проблем.

Все выше рассмотренные формы и методы борьбы шахтеров Кузбасса не имели запретного характера, но являлись малоэффективными. Поэтому в ходе борьбы за свои трудовые права рабочие угледобывающих предприятий стали использовать формы протес-

²⁵ *Кацва А.М.* Массовый протест... С. 99; *Кедров И.* Голодовка закончена // Городская газета (Ленинск-Кузнецкий). 1996. 26 марта; Воспоминания В.Д. Лобова. Стенограмма беседы от 10 августа 2012 г.

²⁶ *Муратова Е.* Голодовка длилась 8 дней // Наш город. 1996. 4 декабря; *Носырев Е.* Голод — тетка горноспасателей // Кузбасс. 1997. 26 апреля; *Базырин В.* Спасатели «сидят» на родниковой воде // Шахтерская правда (Прокопьевск). 1997. 3 июня.

²⁷ *Носырев Е.* Как спасти горноспасателей // Городская газета. 1997. 26 апреля.

²⁸ *Кацва А.М.* Массовый протест... С. 99.

та, которые не вписывались в правовое поле разрешения социально-трудовых конфликтов, но имели высокую степень демонстрационности. Незаконные способы борьбы фактически мгновенно усиливали протестный потенциал горняков, так как имели широкий общественный резонанс. Но главное — противоправные действия сопровождались экстремальными, чрезвычайными ситуациями, которые могли привести к катастрофическим социально-экономическим и политическим последствиям в регионе. Поэтому администрация угледобывающих предприятий, и органы власти активно включались в решение важных проблем угольщиков. Быстрое решение ключевых проблем шахтеров, при отсутствии мер наказания в отношении инициаторов незаконных методов борьбы, порождало популярность несанкционированных акций протеста.

Абсолютно незаконной и экстремальной, но резонансной формой борьбы шахтеров Кузбасса являлся «захват заложников». «Захватывали» директоров шахт, которых, как правило, обвиняли в задержке заработной платы или в коррупционных действиях. Акции протеста подобного рода были во многом условны: никакой реальной угрозы здоровью и жизни руководителям предприятий не было, «пострадавшие» отказывались от помощи милиции, «захватчики» отпускали свою «жертву» весьма быстро. Вспышка интереса к событиям на предприятии, где использовалась такая форма борьбы, безусловно, была, но очень кратковременная. Противозаконные действия рабочих не пресекались, так как правоохранительные органы опасались взрыва народного возмущения, что спровоцировало бы новые более масштабные акции протеста.

Широкое распространение практика захвата заложников на угледобывающих предприятиях Кузбасса началось с 1997 г., когда заработную плату горнякам стали задерживать по 7–8 месяцев. Интерес к «захвату заложников» снизился во время «рельсовых войн» 1998 г. Последней подобной акцией стали события на шахте имени Калинина, когда требования угледобытчиков существенно отличались от прежних. В октябре 1998 г. горняки «захватили в заложники» внешнего управляющего «Прокопьевскугля» и своего директора. Рабочих возмутило то, что их шахта при распределении госдотации, которая поступила в город, не попала ни в число дей-

ствующих, ни в число закрывающихся²⁹. Таким образом, горняки уже боролись не за свои личные интересы, а за интересы родного предприятия.

Ужесточение контроля за деятельностью руководителей угледобывающих предприятий, сокращение выплаты задолженности по заработной плате шахтерам и т.д. привело к отказу от практики «захвата заложников». Тем более, что серьезного эффекта, кроме общественного резонанса, данная форма протеста не имела, задержки выплаты заработной платы продолжались. Естественно, возникал вопрос о поиске других, более действенных методов протеста.

На фоне других угледобывающих регионов России очень популярной в Кузбассе формой борьбы шахтеров стало перекрытие важнейших железнодорожных путей, или «рельсовая война». Первое предложение об использовании такого способа отстаивания трудовых прав прозвучало уже в июне 1992 г. во время подготовки всероссийской забастовки работников угольной промышленности. Оно поступило от председателя ассоциации профсоюза Инты (Печорский угольный бассейн). В Кузбассе перекрытие железных дорог тогда было категорически отвергнуто, так как, по мнению профсоюзных работников, могла «пролиться чья-то кровь»³⁰. Между тем, низкая степень эффективности «мирных» форм протеста в 1992–1993 гг. объективно подталкивала шахтеров к использованию радикальных методов борьбы. В пользу железнодорожных блокад было и экономико-географическое положение Кемеровской области: географический центр страны, высокий уровень индустриального развития, многочисленные железнодорожные ветки, в том числе Транссибирская магистраль.

Не вызывает сомнения незаконность данного способа протеста. Перекрытие железнодорожной магистрали являлось прямым нарушением «Правил безопасности движения и эксплуатации железной дороги в Российской Федерации», что при определенных последствиях влекло за собой уголовную ответственность по ста-

²⁹ Соловенко И.С. Радикальные формы протеста шахтеров Кузбасса во время перехода к рыночным отношениям (1992–1999 гг.) // Власть, общество, личность. Пенза, 2012. С. 82.

³⁰ Шестакова И. Мы на пороге новой забастовки? // В бой за уголь. 1992. 16 июня.

тье № 267 Уголовного кодекса РФ³¹. Однако у лидеров профсоюзов и забастовочных комитетов всегда имелся веский контраргумент: правительство регулярными задержками заработной платы нарушало Конституцию и законодательство России. Такой контраргумент власть не могла достойно парировать, что прибавляло пикетчикам уверенности и смелости в своих поступках. Таким образом, «рельсовая война» как форма протеста не только среди участников, но и всех, кто морально их поддерживал, получила этическое измерение. Шахтеры страдали за весь трудовой Кузбасс. Это, несомненно, делало их героями в глазах не только региональной, российской, но и мировой общественности.

Первыми акцию по перекрытию железной дороги предприняли в августе 1994 г. рабочие шахт имени Вахрушева, Кыргайская и разреза Талдинский-Северный. После четырехдневного пикетирования железнодорожной ветки от станции погрузки до станции Ерунаково шахтеры на несколько дней перекрыли движение транспорта. Причиной акции протеста стало злоупотребление положением монополиста со стороны железнодорожного цеха. Несмотря на то, что дорога не считалась стратегически важной, шахтеры добились поставленной цели³².

Успех прокопьевских и киселевских шахтеров воодушевил их товарищей в других угледобывающих городах. Уже осенью того же года произошла более массовая акция протеста с использованием методов «рельсовой войны». Забастовка горняков шахты Судженская летом и осенью 1994 г., начавшаяся из-за невыплаты заработной платы, целых два месяца шла обычно. Но когда это не дало никаких результатов, забастовщики перекрыли Транссибирскую магистраль³³. Морально акцию поддержали инженерно-технические работники предприятия, рабочие других шахт города, а также большинство горожан. Перекрытие горняками Транссиба привлекло внимание всей страны и способство-

³¹ Уголовный кодекс РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/ukrf/10_37.html#p4478.

³² Васильев В. Шахтеры легли на рельсы // Кузбасс. 1994. 4 августа; Васильев В. Шахтеры уступили дорогу поездам // Кузбасс. 1994. 9 августа.

³³ Забастовки. Зарубежный и отечественный опыт / Ю.Н. Миловинова, А.Н. Крестьянинова. М., 1998. С. 52.

вало выплате пятимесячной задолженности по зарплате³⁴. Шахтеры Анжеро-Судженска в течение четырех часов добились того, чего не могли достичь за четыре месяца цивилизованного противостояния с работодателями.

На некоторое время «рельсовые войны» шахтеров Кузбасса прекратились. Однако рост задолженности по заработной плате угледобытчиков, а также широкое распространение практики блокад важнейших транспортных артерий как в стране, так и в ближнем зарубежье (особенно резонансными были «рельсовые войны» шахтеров Украины в 1996 г.³⁵) способствовали новому витку использования данной формы протеста в Кузбассе. В течение 1997 г. шахтеры Анжеро-Судженска дважды перекрывали Транссиб: в апреле и декабре. В итоге быстро находились деньги для выплаты, по крайней мере, существенной части задолженности горнякам³⁶. Приобретенный угледобытчиками опыт «рельсовых войн» способствовал в июле того года перекрытию важной железнодорожной магистрали медиками города Анжеро-Судженска, что указывало на популяризацию данной формы борьбы среди трудящихся, приобретению ими новых протестных знаний³⁷.

Более щедрым на «рельсовые войны» шахтеров Кузбасса оказался 1998 г., когда дважды — в мае и июле — перекрывался не только Транссиб, но и некоторые участки железной дороги от ст. Топки до г. Междуреченска. Блокада железных дорог сопровождалась существенными материальными и финансовыми потерями. Наибольший экономический урон несла Западносибирская железная дорога. Страдали многие ни в чем не повинные граждане, в том числе и жители шахтерских городов. Радикальные действия горняков ставили под угрозу деятельность собственных предприятий, которые в любой момент могли признать неперспективными. Однако остановить голодных рабочих было трудно. Перед тем, как решиться на «рельсовую войну», они перепробовали многие дру-

³⁴ *Борисов В.А.* Забастовки... С. 246–247.

³⁵ «Рельсовая война» шахтеров: год спустя // *Невское время* (Санкт-Петербург). 1997. 30 июля.

³⁶ *Соловенко И.С.* Радикальные... С. 84.

³⁷ *Кабанова Н.* Путь к деньгам лежит через... рельсы // *Наш город* (Анжеро-Судженск). 1997. 5 июля.

гие «мирные» формы протеста. Поэтому пикетчики никому не верили и готовы были стоять до конца.

Использование «рельсовой войны» как формы протеста происходило по-разному в мае и июле 1998 г. Главное отличие заключалось в степени организованности акции протеста. В мае шахтеры Кузбасса прибегли к данной форме отстаивания своих социально-экономических интересов вслед за товарищами из Инты, что привело к стихийному характеру борьбы. В июле трудящиеся Кемеровской области при ведущей роли горняков перекрыли ключевые железнодорожные магистрали более организованно, а их требования носили более четкий и коллективный характер.

В общем «рельсовые войны» имели невысокий уровень организации. В этом был определенный тактический ход со стороны шахтеров. Низкий уровень организации являлся средством защиты от угроз со стороны государственных органов власти и действий силовых структур. Отсутствие организационного комитета позволяло уйти от ответственности за проведение незаконных акций. Этим можно объяснить и добровольный отказ профсоюзов от участия в «рельсовых войнах»³⁸.

Отличались «рельсовые войны» и методами борьбы. Радикальные взгляды на способы проведения железнодорожных блокад в Кузбассе были характерны в мае 1998 г.³⁹, когда протестные акции горняков России получили широкую общественную поддержку. В то время федеральная власть теряла контроль над ситуацией, а использование ею насильственных методов серьезно угрожало масштабным социальным взрывом. Кремль и администрация Кемеровской области не только отказались применять силу против пикетчиков, но и открыто об этом заявляли, стараясь успокоить народ⁴⁰. Хотя на «периферии» всероссийской акции протеста (на-

³⁸ Bergbauproteste im Kuzbass. Das Jahr des Schienenkrieges in Fallstudien / Petr Bizyukov, Inna Donova, Konstantin Burnyshev, Olga Vinokurova // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. Köln, 1999. № 36. S. 13.

³⁹ Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 340. Л. 13.

⁴⁰ Striking miners force state of emergency in Kemerovo: BBC News Online [Electronic resource]. Режим доступа: <http://news.bbc.co.uk/2/low/europe/97296.stm>

пример, в Ленинградской области) имелись факты запугивания горняков со стороны сотрудников МВД⁴¹, в Кузбассе использование силы и даже угроз в адрес горняков зафиксировано не было.

Самый жесткий характер «рельсового» противостояния наблюдался в мае, когда движение грузовых и пассажирских поездов было полностью блокировано⁴². Пикетчики пропускали только местные электрички и поезда с гуманитарной помощью для шахтеров. Таким образом, в мае участники блокады Транссиба создали трудные условия выживания многим предприятиям Сибири, Дальнего Востока, Урала и других регионов России. Однако в июле с первых дней блокады Транссибирской магистрали, не желая противопоставлять себя ни в чем не повинным людям, пикетчики уже пропускали пассажирские поезда⁴³, а в некоторых случаях (по решению координационных комитетов) даже грузовые⁴⁴.

Высокий накал страстей подчеркивался и реальными угрозами, исходившими в адрес представителей российского правительства, имевших полномочия для ведения переговоров с пикетчиками. Вице-премьеру О.Н. Сысуеву региональная и местная власть обеспечивала высокую степень безопасности от голодных и обозленных шахтеров, которые в первые дни «рельсовой войны» находились на грани взрыва. Агрессивные настроения были характерны прежде всего для горняков Анжеро-Судженска, где провалы в реструктуризации угольной промышленности были наиболее очевидны.

Шахтеров активно поддерживали пенсионеры и трудящиеся Кузбасса: рабочие, врачи, учителя, работники автотранспортных предприятий и др. Везде использовался вахтовый метод борьбы. Часть шахтеров, рабочих, врачей, учителей «стояла» на железной дороге, другие — трудились на производстве. Потом они менялись местами. Таким образом, сохранялся рабочий ритм предприятий и

⁴¹ *Майдочекин Р.* В Сланцах ждут до среды // Санкт-Петербургские ведомости. 1998. 23 мая.

⁴² *Баженова Т.* «Рельсовая война»: пока одни потери // Кузнецкий край. 1998. 23 мая.

⁴³ *Красильникова Ю.* Кто рвется во власть на спинах шахтеров? // Наш город. 1998. 4 июля.

⁴⁴ *Майдаров В.* Ох, не зря Президент делает заявления о силовом захвате конституционной власти в России! // Шахтерская правда. 1998. 14 июля.

организаций, чьи работники принимали участие в акциях протеста. В то же время такое развитие событий вызывало негативную реакцию со стороны трудящихся, чьи предприятия и организации оказались заложниками «рельсовой войны».

Во время перекрытия железнодорожных путей представители власти просили рабочих изменить форму протеста, но при этом не уточняли свои предложения и не выполняли взятых на себя обязательств, которые были зафиксированы в протоколах согласительных комиссий. Это привело к новому противостоянию шахтеров Кузбасса и Кремля. «Рельсовая война», которая произошла в июле 1998 г., характеризуется большей организованностью и самостоятельностью в проведении протестных действий. В то время к блокаде железных дорог прибегали фактически только шахтеры Кузнецкого края. Их товарищи из других угледобывающих регионов отказались от использования такой радикальной формы протеста, посчитав результаты ее использования в мае весьма противоречивыми.

Участники «рельсовых войн» в Кузбассе в 1998 г. не сумели добиться многих поставленных целей и задач, что позволяет говорить об имевшихся у них в процессе борьбы стратегических упущениях. Слабой стороной протеста на рельсах изначально являлось отсутствие у руководителей акции общепризнанных лидеров, четкой программы требований и действий. На региональном и всероссийском уровне не оказалось ни сил, ни руководителей, способных выбрать оптимальные методы борьбы, отстаивать их до победного конца.

В целом блокада железнодорожных магистралей, несомненно, была самой результативной формой борьбы шахтеров Кузбасса во время перехода к рыночным отношениям. Однако серьезный материальный ущерб, который испытывала экономика Кузбасса во время «рельсовых войн», отсутствие должной солидарности даже среди горняков, а также стабилизация макроэкономического положения в стране и отрасли изменили их отношение к данной форме протеста в пользу отказа от нее.

Таким образом, наиболее используемой формой борьбы шахтеров Кемеровской области в 1992–1999 гг. являлась забастовка, а самой результативной (с точки зрения ставившихся задач) — «рельсовая война». Значительно более широкий спектр форм про-

теста в совокупности с радикальными методами их использования свидетельствует о более тяжелой социально-экономической ситуации, в которой оказались шахтеры Кузбасса, по сравнению с той, что была в 1989 г. Расхождение взглядов рабочих угольной отрасли Кузбасса на то, как эффективно и в то же время рационально отстаивать свои интересы, стало одним из факторов слабости их борьбы, а также низкого уровня солидарности с ними трудящихся других отраслей и бюджетных организаций.

В заключение важно отметить отсутствие в широком перечне использованных источников и литературы каких-либо сведений, подтверждающих информацию П.В. Бизюкова и его коллег о том, что «в 1995–1996 гг. в горняцких городах стали фиксировать случаи демонстративного суицида»⁴⁵. Наше исследование показало, что в Кузбассе не было случаев самоубийства шахтеров, хотя в других угледобывающих регионах России такая экстремальная форма протеста использовалась. Это позволяет утверждать, что социально-экономическая обстановка в Кузнецком угольном бассейне была не самой худшей по сравнению с другими угольными районами страны. Несомненно, весьма высокой была стрессоустойчивость шахтеров края.

⁴⁵ Bergbauproteste im Kuzbass... S. 12–13.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВКП(б) — Всероссийская коммунистическая партия (большевики)

ВОХР — Войска внутренней охраны республики

ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем

ГААК — Государственный архив Алтайского края

ГАИ — Государственная автомобильная инспекция

ГАИО — Государственный архив Иркутской области

ГАКК — Государственный архив Красноярского края

ГАКО — Государственный архив Кемеровской области

ГАНО — Государственный архив Новосибирской области

ГАОО — Государственный архив Омской области

ГАТО — Государственный архив Томской области

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГАСО — Государственный архив Самарской области

ГКЧП — Государственный комитет по чрезвычайному положению

ИАОО — Исторический архив Омской области

ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь

КГБ — Комитет государственной безопасности

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление

ООН — Организация Объединенных Наций

РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

РГВА — Российский государственный военный архив

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевики)

РКСМ — Российский коммунистический союз молодежи

РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевики)

РСФСР — Российская советская федеративная социалистическая республика

РФ — Российская Федерация

СМИ — Средства массовой информации

СНК — Совет народных комиссаров

СПО ГУГБ — Секретно-политический отдел Главного управления государственной безопасности

СССР — Союз советских социалистических республик

СУР РП — Собрание узаконений и распоряжений Российского правительства, издаваемое Правительствующим сенатом (Омск)

США — Соединенные Штаты Америки
УК — Уголовный кодекс
УКГБ — Управление Комитета государственной безопасности
ТФ ГАТюМО — Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
ЦИК — Центральный исполнительный комитет

ЦК — Центральный комитет
ЦКК — Центральная контрольная комиссия
ЦДННОО — Центр документации новейшей истории Омской области
ЦДННТО — Центр документации новейшей истории Томской области

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кискидосова Татьяна Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан).

Коновалов Александр Борисович — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Кемеровского государственного университета (Кемерово).

Котляров Максим Васильевич — кандидат исторических наук, заместитель начальника аналитического отдела информационно-аналитического управления мэрии города Новосибирска (Новосибирск).

Ларьков Николай Семенович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск).

Морозова Татьяна Игоревна — аспирант, стажер-исследователь Института истории СО РАН (Новосибирск).

Рынков Вадим Маркович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск).

Савин Андрей Иванович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск).

Симонов Дмитрий Геннадьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск).

Соловенко Игорь Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент Юргинского технологического института Национального исследовательского Томского политехнического университета, докторант Национального исследовательского Томского государственного университета (Юрга).

Талапин Анатолий Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Омского государственного аграрного университета имени П.А. Столыпина (Омск).

Шереметьева Дарья Леонидовна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск).

Шишкин Владимир Иванович — доктор исторических наук, зав. сектором Института истории СО РАН, профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т.А. Кискидосова.</i> Общественно-политическая активность учащейся молодежи Красноярска во время Первой русской революции.....	3
<i>А.Н. Талапин.</i> Иностранцы военнопленные в Сибири (1914–1920 гг.).....	18
<i>Д.Л. Шереметьева.</i> Большевики в представлении «демократической контрреволюции» Сибири (июнь — ноябрь 1918 г.).....	50
<i>Н.С. Ларьков, В.И. Шишкин.</i> Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны	76
<i>Д.Г. Симонов.</i> К вопросу о причинах поражения армии адмирала А.В. Колчака (июнь — декабрь 1919 г.)	115
<i>В.М. Рынков.</i> Власть, деньги и люди: сибирский обыватель в тисках финансового кризиса (1918–1920 гг.)	140
<i>Т.И. Морозова.</i> Деятельность партийного руководства Сибири по политической адаптации коммунистов ленинского призыва (1924–1925 гг.).....	173
<i>А.И. Савин.</i> Политическая повседневность протестантских общин немцев Западной Сибири в брежневскую эпоху	200
<i>М.В. Котляров.</i> КПСС в период перестройки: пределы политической адаптации	221
<i>А.Б. Коновалов.</i> Кемеровский областной совет депутатов в период становления институтов представительной демократии (1990–1993 гг.).....	244
<i>И.С. Соловенко.</i> Формы протестного движения шахтеров Кузбасса в условиях перехода к рыночной экономике (1992–1999 гг.).....	260
Список сокращений	283
Сведения об авторах	285